ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕОРГА САМУИЛА ВАНДТКЕ.

Переведено съ Польскаго

П. Г.

ТОМЪ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 17 Декабря 1829 года.

Цензоръ *К. Сербиновичъ.*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О СКИѲІИ.

Древніе Греки, вышедшіе изъ варварства и отличившіеся художествами и науками прежде всѣхъ прочихъ поколѣній до Рождества Христова, называли *Скиѳами* всѣхъ обитателей Сѣверовостока. Слѣдственно *Скиѳія* въ началѣ занимала всѣ тогда извѣстныя земли на Сѣверовостокѣ, какъ *Целтія* или *Келтія* на западѣ. Сближаясь съ сими странами посредствомъ торговли, войнъ, поселеній и путешествій, Греки научались и различать ихъ, и когда мягкость собственнаго языка не позволяла имъ произносить какъ слѣдовало настоящія имена какихъ либо вновь открытыхъ народовъ, городовъ, селеній, рѣкъ, — они давали имъ особыя названія по догадкамъ, по случаю или по какой другой причинѣ. Въ семъ отношеніи Греки поступали точно такъ, какъ въ концѣ XV вѣка Португальцы, Испанцы, Англичане и другіе мореходцы, которые, при открытіи новыхъ земель, давали каждому вновь найденному берегу произвольныя названія.

Трудно рѣшить нынѣ, что разумѣлось подъ именемъ Скиѳовъ? народъ ли Славянскій или Финскій (по Славянски Чудь), или Литовскій, или вообще всѣ Сѣверные обитатели? (Иродотъ IV. 99. IV. 85). Достовѣрно лишь то, что Греки подъ именемъ Скиѳіи означали Европейскія земли, отчасти вошедшія въ составъ Польскаго Государства, по большей же части имъ невѣдомыя; но земля и народъ не одно и тоже: извѣстно, что въ первобытныя времена люди не имѣли постоянныхъ жилищъ, и, питаясь ловлею и скотоводствомъ, вели жизнь кочевую. Симъ легко объясняются разныя переселенія народовъ и многія другія обстоятельства.

Хотя нѣкогда подъ именемъ Скиѳіи Европейской и Азіатской понимали весь Сѣверовостокъ, но собственная Скиѳія состояла изъ земель, лежащихъ надъ Чернымъ моремъ, Дономъ, Днѣпромъ и Днѣстромъ, гдѣ находились значительныя торговыя Греческія поселенія. Въ главнѣйшемъ изъ нихъ, въ городѣ *Ольвіи* (Olbiopolis) (1) надъ Бугомъ (Hypanis), Иродотъ, вѣроятно бывшій Греческимъ купцемъ (около 400 лѣтъ до Рожд. Хр.), получилъ по преданію свѣдѣнія, которыя, за исключеніемъ баснословныхъ повѣствованій, состоятъ въ слѣдующемъ: Скиѳія имѣетъ видъ четвероугольника по сту миль въ ширину и въ длину. Дунай (Ister) на полдень, Донъ (Tanais) на Востокъ, горы Ага-

ѳирсовъ (Трансильванія), жилища Невровъ при истокѣ Днѣстра на западъ, а на Сѣверъ Будины (быть можетъ около Львова), Андрофаги (Людоѣды), Меланхлены (народъ въ черныхъ одеждахъ), составляли предѣлы Скиѳіи, въ которой кромѣ Грековъ находились еще Тавры (въ Тавріи), Каллипиды (можетъ быть около Каменца-Подольскаго) и Алазоны (вѣроятно около Галича).

Въ Иродотово время Скиѳы раздѣлялись на три народа: 1) *хлѣбопашцевъ*, 2) *кочевыхъ* (Номадовъ) и 3) *Царскихъ*. Первые жили надъ Бугомъ (можетъ быть до самаго Кіева), другіе на востокъ отъ первыхъ, а послѣдніе надъ Днѣпромъ. У нихъ наслѣдственный царь имѣлъ власть надъ другими владѣтелями, которые впрочемъ были столь сильны, что не рѣдко свергали его самаго съ трона. Кромѣ малаго числа Скиѳовъ-хлѣбопашцевъ, всѣ прочія вели кочевую жизнь, занимаясь скотоводствомъ. Крытыя телеги служили для нихъ жилищемъ. Мужчины, проводя почти всю жизнь свою на коняхъ, только въ ночь укрывались въ телеги или въ шатры, обитые кожами. Стада составляли ихъ богатство, молоко и мясо пищу, кожи и мѣха одежду. Женщины только изъ дикихъ коноплей умѣли приготовлять холстъ для лѣтняго платья. *Геррось* (2) или царское кладбище, было у нихъ единственнымъ постояннымъ мѣстомъ, гдѣ погребали также

вельможъ царскихъ, важнѣйшихъ сановниковъ, любимыхъ женъ и коней. Одинъ только царь могъ имѣть многихъ женъ; подданный довольствовался одною. Кто не представилъ послѣ битвы по крайней мѣрѣ одной непріятельской головы, тотъ не могъ имѣть части въ добычѣ и лишался права пить изъ круговой чаши на годичныхъ торжествахъ.

Обычай сдирать кожу съ головъ непріятельскихъ, до нынѣ еще употребительный между Ирокезцами въ Америкѣ, былъ и у Скиѳовъ: сіи кожи выдѣлывались и служили имъ украшеніемъ, какъ у насъ гербы. Вѣшали ихъ на конской збруѣ. Черепы знаменитыхъ враговъ употреблялись вмѣсто чашей и оправлялись въ золото, по незнанію тогда мѣди и серебра. Подобно другимъ народамъ, они признавали многихъ боговъ и упражнялись въ колдовствѣ и гаданіи; обожали *Табити* (Весту), *Папаюса* (Юпитера), *Этозироса* (Аполлона), *Артимпазу* (Венеру), *Тамимазадаса* (Нептуна), Марса и Геркулеса. *Спу* глазъ, *оіоръ* человѣкъ, *пата* убить, суть сохраненные Иродотомъ памятники ихъ языка.

Что Скиѳы не были первобытными жителями сказанныхъ мѣстъ, въ томъ увѣряетъ Иродотъ, производя ихъ отъ *Саковъ*, Азіатскаго народа за моремъ Каспійскимъ, которыхъ иные напротивъ того почитаютъ вѣтвію Скиѳовъ, можетъ быть введенные въ

обманъ древнимъ обширнымъ понятіемъ о Скиѳіи. Иродотъ утверждаетъ, что они воевали Мидянъ и Персовъ; но сіи событія слишкомъ отдалены отъ исторіи Польши. Довольно упомянуть о томъ, что Иродотъ говоритъ, будто бы Скиѳы, по имени какого-то своего царя, сами себя называли *Сколотами*, и, по изгнаніи Киммеріянъ, поселились надъ Чернымъ моремъ. Тѣ, коимъ нравится басня о трехъ братьяхъ *Чехѣ*, *Лехѣ* и *Русѣ*, найдутъ подобную и у Скиѳовъ о трехъ же братьяхъ *Агаѳирсѣ*, *Гелонѣ* и *Скиѳѣ*, родоначальникахъ трехъ соплеменныхъ народовъ (3).

О САРМАТІИ.

Послѣ Иродота древность не имѣла долгое время порядочнаго географа. Между тѣмъ имя Скиѳовъ надъ Чернымъ моремъ исчезло и на мѣсто ихъ явилось племя *Сарматовъ* (по Гречески Sauromati, по Латынѣ Sarmati). Первый объ нихъ упоминаетъ Иродотъ, но тогда они обитали въ Азіи за Дономъ, у Кавказскихъ горъ; а въ Европѣ или еще ихъ не было, или Иродотъ не зналъ о томъ. Хотя торговля Грековъ Воспорскихъ, жившихъ въ Милетѣ, въ Малой Азіи, надъ Гнилымъ или Азовскимъ моремъ, поддерживала связь тѣхъ земель съ образованною Европою, къ которой сверхъ Грековъ принадлежали уже и Римляне

пріобрѣтши владычество надъ міромъ; но, за неимѣніемъ бытописателей, сообщаемыя Воспорцами свѣдѣнія оставались мало извѣстными. Знали только города: *Пантикапею*, *Фанагорію*, *Ольвію*; вообще же полуденные и западные народы имѣли о нынѣшней Польшѣ и Росоіи самыя темныя понятія.

Глубокій мракъ неизвѣстности препятствовалъ отыскивать истину, отъ которой древность, не рѣдко, находилась весьма не далеко. Войны Римлянъ съ Германцами или древними Нѣмцами надъ Рейномъ и за Рейномъ, распространеніе Римскихъ владѣній даже до Дуная, или занятіе областей Норики и Реціи, наконецъ овладѣніе Панноніею или большею частію нынѣшней Венгріи, — всѣ сіи обстоятельства вмѣстѣ ознакомили Римлянъ и Грековъ съ Германіею или древними Нѣмцами, отъ которыхъ они уже стали различать Сарматію или народы Сарматскіе, страшные набѣгами своими на обѣ Панноніи и Норику. Свѣдѣнія Римлянъ посредствомъ торговли, союзовъ и сосѣдственныхъ связей распространились съ одной стороны до Вислы (Visula, Vistula), а съ другой даже до нынѣшней Украины, когда Императоръ Траянъ (105 г.) покорилъ Дакію (4). Географъ и Астрономъ *Клавдій Птолемей* могъ уже сдѣлать описаніе не только Дона, но и Волги (Rha). Точность Птолемеевыхъ извѣстій даетъ поводъ думать, что

торговыя и другія связи между Римлянами и Греками надъ Чернымъ моремъ были постоянны, и что оныя простирались не токмо за Волгу, Каспійское море, но также до Индіи и Китая.

Время переселенія Сарматовъ въ Европу неизвѣстно; но слѣды ихъ въ войнахъ Скиѳовъ, Митридата и пр. увѣряютъ, что сіе событіе произошло весьма рано. Имя Скиѳовъ, означавшее прежде одинъ народъ, содѣлалось общимъ для всѣхъ сѣверныхъ. Гдѣ нѣкогда была Скиѳія, тамъ, въ первыхъ трехъ вѣкахъ по Рожд. Хр., находимъ Сарматію, также раздѣлявшуюся на Европейскую и Азіатскую. Роксоланы и Язиги еще при Митридатѣ извѣстны были какъ племена Сарматскія, хотя ихъ, равно какъ и всѣхъ Сарматовъ, называли иногда и Скиѳами; но трудно доказать сіе нынѣ. Какъ нѣкогда между Скиѳами, такъ и между Сарматами жили и другіе народы, которымъ Греки и Римляне давали то же названіе (5). Птолемей говоритъ о четырехъ народахъ въ Сарматіи; они суть: 1) *Венеды*, отъ Балтійскаго моря до Нѣмена; 2) *Певкины Вастарны*, кажется Германскаго происхожденія (6) у Карпатскихъ горъ и при устьѣ Дуная; 3) *Язиги* и *Роксоланы*, вѣроятно настоящее Сарматское племя; 4) *Алавны Скиѳы*, можетъ быть позднѣйшіе Аланы, Азіатскіе выходцы, одного племени съ Гуннами, столь прославившимися на-

бѣгами на Римскія владѣнія. Достовѣрно, что Европейская Сарматія заключала въ себѣ всю Польшу, отъ Вислы до Днѣпра, но о подлинномъ происхожденіи Сарматовъ предстоитъ сомнѣніе, ибо, какъ выше сказано, не льзя принимать народа и земли за одно.

Сарматы въ образѣ жизни почти совершенно сходствовали со Скиѳами. Они имѣли мало постоянныхъ жилищъ, большею частію кочевали, перевозя съ мѣста на мѣсто женъ и дѣтей въ телегахъ или обитыхъ кожами кибиткахъ. Но, кажется, они были нѣсколько образованнѣе Скиѳовъ; ибо знатнѣйшіе изъ нихъ одѣвались какъ Парѳяне: носили широкій кафтанъ, на подобіе того какой носятъ нынѣ Азіатскіе народы, Персіяне, Турки, Индѣйцы, и похожій на древнее Польское одѣяніе. Впрочемъ сей народъ пребывалъ въ самомъ жалкомъ невѣжествѣ; употреблялъ самую грубую пищу и пилъ иногда лошадиную кровь. Главную военную силу Сарматовъ составляла конница, но они имѣли и пѣхоту. Дѣвица, не умертвивъ хотя одного непріятеля, не могла выходить за мужъ. О религіи Сарматовъ трудно сказать что нибудь вѣрное. *Климентъ Александрійскій* говоритъ, что божествами у нихъ были огонь и мечь. Другіе заставляютъ ихъ покланяться Марсу и прочимъ Греческимъ богамъ. — По церковному преданію, *Св. Андрей* проповѣдывалъ Евангеліе

Скиѳамъ или Сарматамъ. *Св. Іоаннъ Златоустый* въ III и IV вѣкахъ, и *Ѳеодоритъ*, церковный писатель въ IV и V вѣкахъ, упоминаютъ даже о переводѣ Св. Писанія на языкъ Сарматскій (7).

О ДАКІИ.

Дакіею называли Римляне страны, составляющія нынѣ Молдавію, Валахію, Седмиградскую землю и часть Венгріи. Народъ, въ ней обитавшій, Греки именовали *Гетами*, а Римляне *Даками*. Между сими послѣдними находились однакожь и Сарматы. Когда Императоръ Траянъ покорилъ Дакію, и третью часть оной обратилъ въ Римскую провинцію, въ то время явились тамъ и Сарматскія поселенія. *Сармизегетра* была столицею послѣдняго Дакійскаго царя *Децебала*.

Я упоминаю здѣсь о Дакіи для того, что нѣкоторые производятъ Славянское племя отъ смѣшенія Даковъ съ Сарматами; но, вѣроятнѣе, отъ Даковъ произошли не Славяне, а Волохи.

О ГЕРМАНІИ, ПАННОНІИ и ИЛЛИРІИ.

Германія, отечество древнихъ Нѣмцевъ, простиралась отъ Рейна до Вислы, отъ Дуная до морей Сѣвернаго и Балтійскаго. *Германцы* были такъ же дики какъ и Сарматы. Звѣриныя кожи служили имъ одеждою, и хо-

тя они уже не вели кочевой жизни, но ежегодно перемѣняли мѣсто для засѣва хлѣба; войну и охоту предпочитали трудамъ и хлѣбопашеству; не знали ни искусствъ, ни наукъ, и по причинѣ свирѣпости своей были впускаемы въ Римскія земли за Дунай и Рейнъ не иначе какъ подъ стражею.

Храбрость Германцевъ славилась подобно Сарматской. Послѣдняя была страшна для Панноніи, первая для Галліи и Задунайскихъ провинцій Реціи и Норики. Германцы служили подъ Римскими знаменами чаще нежели Сарматы, для того ли что были къ нимъ ближе, или потому, что нѣкоторыя ихъ поколѣнія вошли въ постоянныя связи съ Римомъ; владѣльцы же ихъ не рѣдко подвергали дѣла свои разсмотрѣнію Римскихъ Императоровъ. Частое обращеніе Римлянъ съ Германцами возвысило воинственный духъ сихъ послѣднихъ, такъ что въ послѣдствіи времени они сдѣлались опасными для самихъ Римлянъ. Нѣтъ сомнѣнія что Германцы, смѣшавшись съ жителями Панноніи и Сарматами, нѣкоторое время занимали пространство земли до Вислы: слѣдовательно нынѣшнюю Великую Польшу и часть Малой. По сей причинѣ долженъ я былъ о нихъ упомянуть.

Паннонія составляла западную часть нынѣшней Венгріи, а *Иллирія* извѣстна и нынѣ подъ тѣмъ же названіемъ. Каждая изъ нихъ раз-

дѣлялась на Верхнюю и Нижнюю, и обѣ онѣ подпали подъ власть Римлянъ, а жители ихъ были истреблены мечемъ; оставшіеся въ живыхъ приняли обычаи и языкъ побѣдителей.

О провинціяхъ *Реціи* и *Норикѣ*, между Италіею и Дунаемъ, довольно будетъ сказать, что первобытные обитатели ихъ неизвѣстны. По мнѣнію однихъ, это была смѣсь изъ Германцевъ и Галловъ; по мнѣнію другихъ, изъ Паннонов и Сарматовъ. Нѣкоторые же, слѣдуя Нестору, выводятъ отселѣ Славянъ.

О СЛАВЯНАХЪ. (8)

Племя *Славянъ*, простирающееся отъ Эльбы до Камчатки, отъ морей Сѣверныхъ до моря Средиземнаго, Китая и Индіи, всегда было и есть однимъ изъ главнѣйшихъ поколѣній Европы и Азіи.

О Славянахъ первые упоминаютъ: *Іорнандъ* и Греческіе Историки среднихъ вѣковъ, извѣстные подъ именемъ *Византійскихъ*, отъ Византіи, нынѣ Константинополя. Византійскіе Писатели называютъ Славянъ *Склавенами*, *Склавами*, *Склавинами*, *Стлавами*, *Стлавинами*, *Астлавами* и проч. По словопроизводству одни производятъ сіе названіе отъ *слова*, другіе отъ *славы* (8).

Іорнандъ или Іорданъ, монахъ, жившій около 552 года, первый упоминаетъ о Славянахъ

въ исторіи Гетовъ или Готѳовъ. „Дакія-гово„ритъ онъ-обезпечена Альпами (т. е. Карпат„скими горами). По лѣвую сторону оныхъ къ „Сѣверу, и отъ истока Вислы на неизмѣри„момъ пространствѣ живетъ многочисленный „народъ *Венедовъ* (Vinidarum natio). Хотя имя „ихъ по разнымъ мѣстамъ и племенамъ раз„лично, но вообще они называются *Славяна„ми* и *Антами* (Sclavini et Antae). Славяне „обитаютъ отъ Новаго города (Noviodunum „или Novidunum) и отъ озера Музіанскаго... „даже до Днѣстра, а на сѣверъ до Вислы. Болота „и лѣса служатъ имъ защитою. Анты же, „храбрѣйшіе изъ нихъ, живутъ надъ Чернымъ „моремъ, отъ Днѣстра до Дуная..... Берегъ „Океана, тамъ гдѣ Висла тремя устьями впа„даетъ въ море, занимаютъ *Видиваріи*, смѣсь „разныхъ народовъ; а за ними владѣютъ „прибрежною страною *Итеместы*“ (можетъ быть Эсты).

Сіе первое свѣдѣніе о Славянахъ ранѣе 376 года, въ которомъ Готѳскій Король Эрманарихъ покорилъ часть Славянъ. Далѣе говоритъ объ нихъ Іорнандъ: „Всѣ они происходятъ „отъ одной крови, но извѣстны подъ тремя „названіями: Венедовъ, Антовъ и Славянъ, ко„торые за грѣхи наши вездѣ (т. е. въ Рим„скихъ владѣніяхъ) злодѣйствуютъ, а нѣкогда „служили Эрманариху. Онъ также покорилъ „Эстовъ (Aestiorum nationem) на берегахъ Нѣ-

„мецкаго Океана, и повелѣвалъ всѣми народами „Скиѳіи и Германіи."

Прокопій, въ 562 г., во времена Императора Юстиніана I, повѣствуетъ о Славянахъ, которые въ 494 г. дали свободный пропускъ Геруламъ, возвращавшимся на сѣверъ послѣ претерпѣннаго отъ Лонгобардовъ пораженія; говоритъ о нападеніяхъ Гунновъ, Славянъ и Антовъ на восточную Имперію въ 527 г.—Онъ описалъ Славянъ слѣдующимъ образомъ: „Сла„вяне и Анты не имѣютъ Государя, но живутъ „издавна подъ народнымъ правленіемъ. Такимъ „образомъ и прибытокъ и потери дѣлятъ по„ровну между собою. Богомъ и Царемъ своимъ „признаютъ единаго громовержца, и ему при„носятъ въ жертву быковъ и другихъ живо„тныхъ. Не вѣрятъ Судьбѣ и ея вліянію на „смертныхъ, и предъ сраженіемъ или въ слу„чаѣ опасной болѣзни обѣщаютъ богу крова„вую жертву. Избѣгнувъ опасности, думаютъ, „что тѣмъ искупили жизнь свою. Они почи„таютъ также рѣки, нимфъ и нѣкоторыя „иныя божества, коимъ приносятъ жертвы „и съ тѣмъ вмѣстѣ гадаютъ о будущемъ. Жи„вутъ въ бѣдныхъ уединенныхъ хижинахъ и „перемѣняютъ мѣсто жительства. — На сра„женіе выходятъ пѣшкомъ со щитомъ и копь„емъ въ рукѣ: не знаютъ брони, ни рубахъ, ни „плащей, и въ одномъ исподнемъ платьѣ явля„ются противъ непріятеля. — Всѣ говорятъ

„однимъ языкомъ, весьма грубымъ; всѣ вели-„корослы и сильны.—Цвѣтъ лица ихъ не со-„всѣмъ бѣлъ; волосы темные. Подобно Мас-„сагетамъ, ведутъ жизнь строгую, дикую и „неопрятную. Нравомъ они не злы, не хитры; „съ простотою соединяютъ многіе обычаи „Гунновъ. Нѣкогда Славяне и Анты имѣли одно „имя: и тѣхъ и другихъ называли *Спорами* „(Sporaden по Гречески), вѣроятно отъ того, „что они живутъ разсѣянно по шалашамъ. „По сей то причинѣ они занимаютъ большое „пространство земли.“ (9)

Гораздо позднѣйшій, но достовѣрнѣйшій писатель Императоръ Константинъ (VIII) Порфирородный, около 949 г., утверждаетъ, что за 500 лѣтъ предъ тѣмъ, слѣдовательно въ 449 г., Славяне пришли въ Далматію, и, смѣшивая часто Славянъ съ Аварами, говоритъ, что *Хроваты* (Chrobati) жили за Багибаріею (Bagibaria), гдѣ тогда (въ 949 г.) находились *Бѣлые* или *Великіе Хроваты* (Belochroati). Нѣкоторые полагаютъ Великую Хроватію въ Богеміи надъ Эльбою, а другіе въ Польшѣ у Карпатскихъ горъ; наконецъ иные ищутъ ее въ Славянскихъ земляхъ Сербовъ или Венедовъ, Лутичей и пр.

Около 620—30 г. Хорваты или Кроаты прибыли въ Далматію. *Клюкасъ*, *Лобелъ*, *Косенцесъ*, *Мухло*, *Хробатосъ*, двѣ сестры *Туга* и *Буга* вели ихъ, кажется, чрезъ нынѣшнюю

Австрію, гдѣ они, побѣдивъ Аваровъ, поселились съ дозволенія восточнаго Императора Ираклія. Вскорѣ послѣ того (въ 640 г.) явились въ Далмацію и *Сербы* изъ *Бонки*, страны, лежащей между Франціею и Бѣлою Хроватіею, т. е. изъ Германіи; доходили до Македоніи, и наконецъ остановились въ нынѣшней Сербіи. Сіи извѣстія имѣемъ отъ Императора Константина Порфиророднаго въ X вѣкѣ. Другіе, еще позднѣйшіе писатели, основываясь на народныхъ преданіяхъ, выводятъ Славянъ на Сѣверъ изъ Кроатіи, Далматіи и Венгріи.

Сообразивъ всѣ сказанія историковъ Византійскихъ и Латинскихъ, можно изъ оныхъ извлечь *слѣдующую вѣроятнѣйшую систему* исторіи древнихъ Славянъ.

Славяне находились въ Европѣ до V вѣка. Въ 375 г. Готы, а въ 450 Гунны сдѣлались ихъ властелинами, но на короткое время; потомъ овладѣли ими Авары или Обры безъ труда: ибо большая часть Славянъ жила беззащитно. Въ VI вѣкѣ Славяне стали привыкать къ оружію, находясь въ службѣ Цареградской. Быть можетъ, что около того же времени явились у нихъ вожди, воеводы, Паны, Жупаны, Князья, Короли, Судари, Господари и правленіе Аристократическое. Въ VII вѣкѣ сдѣлались извѣстными Кроаты и Сербы. Полагаютъ, что первые пришли изъ Великой Хорватіи, Богеміи и малой Польши, а вторые изъ Польши,

и Великой Сербіи. Въ 622 г. явился *Самославъ*, повелѣвавшій Славянами по извѣстіямъ однихъ въ Богеміи, по свидѣтельству другихъ въ Каринтіи, а по мнѣнію третьихъ въ Венгріи, счастливый защитникъ ихъ противъ Аваровъ и Франковъ. Происхожденіе его неизвѣстно.

Славяне, бывъ уже тогда не кочевымъ но земледѣльческимъ народомъ, и имѣя постоянныя жилища, для охраненія себя отъ притѣсненій Франковъ и Грековъ, начали образоваться въ народы и Государства, изъ коихъ одни уже пали, другіе существуютъ до нашихъ временъ.

О ЛИТВѢ.

Хотя ни Литовцы, ни языкъ Литовскій не происходятъ отъ Славянъ, но какъ со времени соединенія Литвы съ Польшею многія Польскія фамиліи ведутъ свой родъ изъ Литвы, и взаимно многіе Литовскіе домы приняли прозванія, нравы, гербы и языкъ Поляковъ, что не мало способствовало къ умноженію силъ Польши, то посему и Литовскій народъ можно производить изъ одного источника съ Славянскимъ.

Ученый Богушъ выводитъ Литовцевъ отъ Геруловъ.

БАСНОСЛОВНАЯ ИСТОРІЯ

ПОЛЬШИ.

Лехъ I, старшій братъ *Чеха*, имѣвшій будто бы третьяго брата *Руса*, пришелъ въ Польшу изъ Кроаціи, съ береговъ рѣки Крупы, уступивъ добровольно брату своему Чеху Богемію. Поселясь въ Великой Польшѣ, онъ выстроилъ *Гнѣзно*, столицу Государства, названную такъ отъ гнѣзда бѣлыхъ орленковъ, найденнаго имъ при заложеніи города. Отсюда происходитъ данный Лехомъ Полякамъ гербъ, *Бѣлый орелъ на красномъ полѣ*. По сказанію же Богуфала Гнѣзно названо такъ отъ того, что Лехъ, полюбивъ окрестности тамошнія, сказалъ своимъ товарищамъ: сдѣлаемъ себѣ здѣсь *гнѣздо*.

По смерти Леха I царствовалъ *Лехъ II*, старшій его сынъ. Онъ воевалъ въ Даніи съ перемѣннымъ счастіемъ. Ему наслѣдовалъ *Визимиръ*, побѣдитель Датчанъ и основатель города Висмара въ Мекленбургѣ на берегу Балтійскаго моря. Дальнѣйшее потомство Леха царствовало около ста лѣтъ. Въ продолженіе сего времени *Позный* выстроилъ *Познань* (10), а *Калисъ*, *Калишъ*. По пресѣченіи дома Леха I въ Польшѣ произошли великіе раздоры; вся

земля волновалась въ правленіе двѣнадцати воеводъ, пока не вступилъ на престолъ основатель *Кракова Кракусъ* или *Крокъ*, который прославился истребленіемъ дракона въ пещерѣ Вавельской. Онъ перенесъ столицу Государства въ Краковъ.

Старшій сынъ Кракуса, *Кракусъ II*, не царствовалъ, будучи еще до избранія на царство убитъ на охотѣ братомъ своимъ *Лехомъ III*, который увѣрялъ, будто онъ растерзанъ вепремъ. Сіе злодѣяніе не осталось втайнѣ, и скипетръ врученъ сестрѣ его *Вандѣ*, дѣвицѣ необыкновенной красоты. Она, давъ обѣтъ сохранить дѣвственность, и не будучи въ силахъ избавиться отъ настояній Германца *Ритигера*, за котораго Чины Государства хотѣли отдать ее въ замужство,— бросилась въ Вислу и погребена близъ Кракова. Начали снова править Польшею двѣнадцать воеводъ, и слѣдствіемъ правленія ихъ было новое смятеніе въ Государствѣ, а бѣдный народъ терпѣлъ еще сверхъ того отъ набѣговъ Венгровъ. *Премыславъ I*, золотыхъ дѣлъ мастеръ, поразивъ Венгровъ, спасъ отечество, и за то возведенъ въ Королевское достоинство подъ именемъ *Леха* или *Лешка IV*. Онъ основалъ городъ *Перемышль*. По смерти его конная скачка рѣшила кому быть Королемъ Польскимъ. Но *Лешекъ V* достигнулъ сего хитростію, закопавъ по дорогѣ ос-

трые гвозди и тѣмъ воспрепятствовалъ успѣшной скачкѣ прочихъ всадниковъ (11). Обманъ открылся, когда послѣ того началось бѣганіе въ запуски. Лешка V растоптали конями, а *Лешекъ VI*, открывшій обманъ, сдѣлался Королемъ. Наслѣдникъ его, *Лешекъ VII*, имѣлъ двадцать сыновей отъ наложницъ, и одного, *Попеля I*, отъ законнаго брака. Сему-то отдалъ онъ Королевство и власть надъ братьями, которымъ назначилъ особые удѣлы.

Попель I, царствуя недостойнымъ образомъ, перенесъ опять столицу въ Гнѣзно, а оттуда въ Крушвицу. Преемникъ его, *Попель II*, еще хуже правилъ государствомъ. Во время малолѣтства его власть находилась въ рукахъ у дядей, а по достиженіи имъ зрѣлаго возраста у жены его, гордой и злой Нѣмки, которая наконецъ склонила мужа своего отравить дядей на дружескомъ пиру. Тѣла ихъ по ея приказанію были брошены въ озеро *Гопло* и распущена молва, что боги наказали ихъ скоропостижною смертію; но отъ сихъ тѣлъ родилось безчисленное множество мышей, которые напали на Попеля II и съѣли его съ женою и дѣтьми въ Крушвицкомъ замкѣ, или, какъ иные говорятъ, въ башнѣ на озерѣ Гоплѣ, куда онъ отъ нихъ бѣжалъ (12). Тотъ же Попель имѣлъ прозваніе *Хостекъ* или *развратный*.

Симъ оканчивается баснословная Исторія Польши, подъ смѣшными повѣстями скрывающая въ себѣ впрочемъ нѣкоторыя важныя историческія истины. Греческая и Латинская Миѳологія не менѣе смѣшны; Богемскія и Русскія, Скандинавскія и Нѣмецкія сказки, Французскія и Испанскія басни не дозволяютъ намъ удивляться и выдумкамъ древнихъ Поляковъ.

Мартинъ Галлъ и Каддубекъ, первые Польскіе Историки, ничего не знали о Лехѣ. Онъ есть плодъ худаго толкованія одной строки Богемскаго лѣтописца Далемила и сказанія безъименной Польской лѣтописи XIV вѣка, въ которой впрочемъ упоминается, что сія повѣсть принадлежитъ Богеміи. Лехъ значитъ *дитя*: слѣдовательно *Ляхи* или *Лехи* могли означать: молодой, новой, вновь появившійся народъ. Но сіи догадки не имѣютъ никакого твердаго основанія.

Вѣроятно, что Поляки нѣкогда сами себя называли *Ляхами:* ибо древніе Польскіе лѣтописцы часто называютъ ихъ *Лехитами* (Lechitae). Отсюда, можетъ быть, происходитъ басня о Лехѣ. Лехъ, Богемскій вождь, побѣжденный Франками, и Лехъ, Моравскій Князь, доказываютъ что было много Князей, соименныхъ Польскому. Россіяне, даже до сего времени, называютъ иногда Поляковъ Лехами, Ляхами; но иные утверждаютъ будто бы сіе

названіе произошло отъ Ляцкаго или Латинскаго вѣроисповѣданія, что однакожъ подлежитъ сомнѣнію. Въ древней пѣсни Андрея Галки изъ Добчина (1449. 1450) Поляки называются *Ляхами*.

Матвѣй Холева почитаетъ первымъ Польскимъ Королемъ *Крака*, бывшаго воеводою (princeps) и старостою (praefectus) Каринтіи, приписывая ему построеніе Кракова и умерщвленіе страшнаго дракона. Потомъ продолжаетъ повѣствованіе какъ выше, съ тою токмо разницею, что у него Лешки Польскіе ведутъ войну съ Александромъ Великимъ и Юліемъ Цезаремъ. Уже Длугошъ, Кромеръ и Бѣльскій, не умѣя согласить времени сего сказанія, вмѣсто Александра и Юлія Цезаря упоминаютъ о Короляхъ сосѣдственныхъ и Французскихъ, опредѣляя время событія по произволу или на угадъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же лѣтописецъ выводитъ названіе *Кракова* отъ карканія вороновъ (od krakania kruków).

ОТРЫВКИ ДОСТОВѢРНОЙ ИСТОРИИ.

О ПОЛЯКАХЪ ДО VIII ВѢКА.

Со времени перваго извѣстія о Славянахъ, отъ V и до конца VIII вѣковъ ни одинъ изъ современныхъ дѣеписателей не упоминаетъ о Полякахъ. Могло быть, что народъ Польскій въ то время не отдѣлился еще отъ иныхъ Славянскихъ племенъ, или же, бывъ не многочисленнымъ и въ дикомъ состояніи, блуждалъ по Славянскимъ землямъ и оставался въ неизвѣстности, подобно другимъ дикимъ ордамъ. Могло быть даже, что онъ еще и не существовалъ.

Въ VI вѣкѣ, когда Славяне начали выходить изъ мрака невѣжества, одни изъ нихъ скорѣе, другіе позже приняли постоянный образъ правленія, начали жить на одномъ мѣстѣ и познакомились съ хлѣбопашествомъ. Поелику искусство письма имъ еще не было извѣстно, то произшествія одной орды смѣшиваемы были съ произшествіями другой; и потому одна орда приписывала себѣ исторію другой. Славяне одни отъ другихъ заимствовали обычаи, пѣсни, народныя преданія: причи-

ною сему было то, что языкъ ихъ, общій всѣмъ, соединялъ ихъ тѣсными узами. И въ самомъ дѣлѣ чѣмъ болѣе углубляемся въ прошедшіе вѣки, тѣмъ менѣе видимъ разницы въ языкахъ. Старинный Польскій языкъ въ пѣсни такъ называемой Св. Войцѣха похожъ на Богемскій языкъ пѣсни Св. Вацлава! Сходство древняго Русскаго языка съ таковымъ же Польскимъ доказывается именами Королей и названіями городовъ и рѣкъ, какъ то: *Хробрый*, *Красный ставъ*, *островъ* и пр. Употребленіе между Славянами одного и того же языка, на столь обширномъ пространствѣ, поддерживалось также и единствомъ вѣры. Хотя не льзя утверждать, чтобы всѣ вообще Славяне покланялись однимъ и тѣмъ же богамъ, ибо извѣстно, что какъ у Грековъ и Римлянъ такъ и у каждаго Славянскаго племени были свои собственныя божества, общественныя и домашнія—однакожь нѣкоторые изъ нихъ были предметомъ поклоненія всѣхъ Славянъ. — До нашихъ временъ видна подъ Краковомъ могила *Кракуса* и *Ванды*: отсюда можно заключить, что тамъ господствовали нѣкогда *Кракусъ* и *Венда* (по мнѣнію Франциска Езерскаго); но были ли они Чехи или Поляки, Моравцы или Бѣлые Хорваты, или иной какой народъ о томъ ничего не извѣстно. Для извиненія сказаній о трехъ Кракахъ, Крокахъ или Кракусахъ Славянскихъ, стоитъ только при-

помнить пятерыхъ Греческихъ Юпитеровъ. Иноземные и Славянскіе дѣеписатели свидѣтельствуютъ, что однѣ Славянскія орды переходили съ Сѣвера на Югъ, другія съ Юга на Сѣверъ и что оныя истребляли или покоряли одна другую подъ свою власть; кто же теперь въ состояніи опровергнуть сіе свидѣтельство? Кроаты и Сербы, по сказанію Константина Порфиророднаго, изъ Сырбіи (Сербіи) надъ Эльбою, изъ Бѣлой или Великой Хорватіи, Богеміи, а можетъ быть и изъ части Польши, въ V и VII вѣкахъ пришли въ Иллирію; но могло быть, что сей народъ или часть онаго, или же иныя поколѣнія, ранѣе или позже, въ бо́льшемъ или ме́ньшемъ числѣ, подвинулись или возвратились на Сѣверъ, и, бывъ уже нѣсколько образованны отъ Грековъ, безъ труда покорили Сѣверныхъ своихъ соплеме́нниковъ и соединили ихъ съ собою, или сдѣлались ихъ вождями и властителями. О семъ заключать можно изъ того, что Сѣверные Славяне въ IX и X вѣкахъ имѣли уже художества, торговлю и связи съ Греками при берегахъ Балтійскаго моря, — чему, вѣроятно, начало положено гораздо прежде.

Въ VIII, ежели не въ VII, вѣкѣ, Ляхи (Поляки) начали составлять народъ по сказанію Нестора надъ Вислою и Одеромъ, раздѣлявшійся на Лутичей, Поморянъ, Мазовшанъ и настоящихъ Ляховъ. Сіе продолжалось до IX

вѣка или до времени Пяста, не смотря на то, что объ ономъ неизвѣстно было въ сосѣдственныхъ государствахъ: ибо Франки въ то время заняты были войною съ Моравцами, Чехами, Сербами, Оботритами и иными народами Эльбскими и Одерскими, а Греки имѣли дѣло съ Сервіянами, Булгарами и проч.

Слѣдующій списокъ показываетъ какимъ образомъ Славянскіе народы съ VIII до XII вѣка избирали мѣста для постояннаго жительства. Названія ихъ оставлены здѣсь на Латинскомъ языкѣ для указанія, какъ оные называются въ Латинскихъ и Греческихъ источникахъ. Не входя въ достовѣрность сей номенклатуры, я желаю только дать читателю понятіе о множествѣ сихъ народовъ, коихъ исторія, мѣста жительства, названія и переходы съ одного мѣста на другое намъ почти во все не извѣстны. Сверхъ того не должно забывать, что если мы и имѣемъ о нихъ какія либо свѣдѣнія, то оныя дошли къ намъ не отъ ихъ самихъ, а отъ иноземныхъ писателей.

1. *Brizani* въ Мархіи Брандебургской.
2. *Circipani*, Поморяне по ту сторону рѣки Пяны (Peene).
3. *Dalemincii* надъ Эльбою въ Мисніи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, соплеменные Далматамъ; отъ которыхъ они произошли.

4. *Ditivonii* въ Лузаціи, по мнѣнію другихъ въ Голстиніи.

5. *Havellani*, *Heveldi*, *Hevelli* надъ Гавлою въ Брандебургѣ.

6. *Kissini*, *Chizzini* въ Помераніи за Одеромъ

7. *Lebusii* въ Епископствѣ Любушскомъ въ Силезіи и Брандебургѣ.

8. *Luticii*, *Leuticii*, т. е. *Лутичи*, Поморяне за Одеромъ и въ Брандебургѣ, къ которымъ принадлежали многіе другіе народы, какъ то: *Circipani*, *Redarii Tollenses* и настоящіе Лутичи или Вилки. Въ Россіи надъ Днѣпромъ и Днѣстромъ, а въ Венгріи надъ Дунаемъ видны слѣды Лутичей.

9. *Luzici*, *Lusicii*, *Lusi* въ Лузаціи, особенно въ нижней. Нѣкоторые производятъ ихъ названіе отъ Сербскаго слова *лужа* (которое и на Русскомъ имѣетъ тоже значеніе.)

10. *Licicavici*, *Lucicavici* какъ утверждаютъ нѣкоторые, суть Ляхи, Поляки; но это, вѣроятно, была только часть ихъ, занимавшая пространство до Варты, съ коими Нѣмцы въ первый разъ имѣли дѣло. Лелевель думаетъ, что это были жители Ленчицы.

11. *Lini*, *Linones* надъ Линою, Лейнею, рѣкою въ Брандебургѣ.

12. *Maruani*, *Marani*, *Marahenses*, *Margenses*, т. е. Моравцы, бывшіе какъ въ Богеміи такъ и въ Венгріи: ибо есть двѣ рѣки Моравы,

одна въ нынѣшней Моравіи, другая въ Сербіи.

13. *Milzii, Milzieni*, около Бауцена въ Лузаціи.

14. *Obotritae* (Обошришы) Одни изъ нихъ, болѣе извѣсшные въ Мекленбургѣ, ошъ кошорыхъ происходяшъ Герцоги Мекленбургскіе; другіе надъ рѣкою Муръ, въ Карніоліи.

15. *Pomerani*, ш. е. Поморяне въ Помераніи, называвшіеся за Одеромъ *Лушичами*, а по сю сшорону Одера *Кашубами*. Въ Западной Пруссіи въ *Померелліи*, кошорая по Польски называлась *Поморьемъ* (*Pomorze*), воеводсшвомъ Поморскимъ.

16. *Polabi* (Полабы) надъ Эльбою, кошорую Славяне называли *Лабъ*. Другія рѣки Лабъ и Одеръ находяшся въ Кроашіи: Памяшники сего народа видны до нашихъ временъ въ Люховскомъ Амшѣ Ганноверскаго Королевсшва.

17. *Praedenecenteni* не извѣсшно гдѣ имѣли жишельсшво. Были шакже *Obotritae Praedenecenteni*.

18. *Poëmani, Bohemani* —Чехи, Богемцы.

19. *Rani*, на осшровѣ Ругенѣ, гдѣ языкъ Славянскій исшребился въ 1404 г.

20. *Redarii*, *Ridarii*, *Riaduri*, за рѣкою Пяною въ Помераніи.

21. *Slavi*, Славяне. Нѣкошорыя поколѣнія и на-

роды, не принимая частнаго названія, назывались просто Славянами.

22. *Siusli* около Лейпцига были, кажется, часть Сербовъ.

23. *Sitini, Sidini* около Штетина; отъ чего и городъ сей по Латыни называется *Sedinum.*

24. *Sorabi*, т. е. *Serbi*, Сербы, Сырбы. Бѣльскій называетъ Сырбіею не только Миснію, но также Мекленбургъ и Поморье за Одеромъ. Луидгарда, жена Князя Премислава II, уроженка Поморская или Мекленбургская, именовалась Княжною Сербскою. Сырбами, Сербами и доселѣ называются Славяне въ нижней и верхней Лузаціи, гдѣ Нѣмцы именуютъ ихъ *Вендами.* Богемцы называютъ Миснію *Srbsko* (Сербско.). Цербстъ, по Латыни *Servesta.* Цербигъ и иные мѣстечки и села въ Ангальтскихъ владѣніяхъ основаны Сербами.

25. *Stoderani* въ Мархіи Брандебургской. Долина *Стодоръ* находится также и въ Австріи.

26. *Tollenzes, Tollenses, Tollosantes* отъ рѣки и озера *Tolensee*, или, быть можетъ, отъ низменнаго мѣстоположенія.

27. *Varnavi, Varini, Werli*, (Варнавы) въ Мекленбургѣ, гдѣ рѣка Варна, устье Варны, *Warnemünde.*

28. *Venedi*, *Vinidi*, *Vinuli* (Венеды) общее всѣмъ Славянамъ названіе, особливо у Нѣмцевъ.

29. *Uchri*, *Ucri* (Угры), въ Мархіи Брандебургской Укермаркъ.

30. *Velatabi* — смотри *Vilci*.

31. *Vilci*, *Vilsü*, т. е. Лутичи, Вилки, или, какъ другіе говорятъ: Великіе.

32. *Wagrii*, *Wagiri*, въ Голзаціи Вагрія.

33. *Wilzü*, *Wulcini*, *Wulsi*, см. N 28.

34. *Winithi*, *Venetae*, *Winuli*, *Vinuli*, *Venedi*, (*die Wenden*). См. N. 28.

35. *Wulsini* въ Помераніи, въ Юлинѣ.

Къ сему списку, заимствованному изъ сочиненія Кригера *Origines Lusatiae*, можно присовокупить значительное число именъ народовъ и поколѣній Славянскихъ изъ Греческихъ Писателей и изъ Нестора, и прибавить сверхъ того нѣкоторыя названія, опущенныя Кригеромъ:

1) *Berbiani* не извѣстно гдѣ находились: полагать должно, что это испорченное названіе иного какого нибудь народа.

2) *Canalitae Slavi* въ Далмаціи.

3) *Chorwaci*, *Chrobaci*, *Krobaci* (Хорваты)

   a) *Бѣлые* или Великіе въ Польшѣ, въ Богеміи.

   b) *Малые* въ Кроатіи.

   c) *Красные* на Червенной Руси; кажется догадочное названіе.

4) Чехи.

5) Древляне, Деревляне.

6) Дрегвичи надъ Двиною. *Drugubitae* въ Греціи.

7) Дулебы, кажется въ Волыніи.

8) *Ezeritae* (Езериты) въ Пелопонезѣ (отъ нѣкоего озера).

9) Галичане въ Червенной Руси; новѣйшее названіе отъ города Галича, столицы удѣла Князей Россійскихъ.

10) Кривичи, *Kribaetani* въ Литвѣ и Россіи.

11) *Ляхи* (Поляки).

12) *Лучане*, *Leucenini* около Луцка.

13) Мазовшане или Мазуры.

14) *Milengae* въ Пелопонезѣ.

15) *Pagani* въ Далмаціи.

16) Поляки (Ляхи).

17) Поляне, въ малой Россіи на поляхъ Кіевскихъ.

18) *Rakuzi*, *Rakusi*. О нихъ, кажется, не упоминается въ древнихъ авторахъ; но сіе названіе издавна принадлежало Славянамъ, обитающимъ въ Эрцгерцогствѣ Австрійскомъ, которое еще въ XVII вѣкѣ называлось Рагузскимъ. Богемцы же и понынѣ называютъ Австрію *землею Ракузскою* или *Ракуско*. Нѣкоторые выводятъ сіе названіе отъ города Ракузъ, нынѣ Ретцъ, на границѣ Австріи и Моравіи.

19) *Trebuniatae*, въ Далмаціи.

20) *Тиверцы*, кажется около Тиверова.
21) *Волынцы* на Волыни.
22) *Ultini*, въ Далмаціи.
23) *Zachlumitae*, въ Далмаціи.

Оба сіи реестра еще можно бы было увеличить различными именами поколѣній. Такъ на пр. есть слѣды, что въ Силезіи жили нѣкогда *Злазане*, *Боборане*, *Дѣдичи* и *Хорваты*, но сіи поколѣнія составляли часть Польскаго народа, какъ на пр. нынѣ Краковцы, Сендомирцы и пр.

Несторъ, первый Славянскій лѣтописецъ, даетъ наилучшее понятіе о Славянахъ до введенія у нихъ постояннаго правленія. — Онъ пишетъ: „По разрушеніи же столпа, и по раз„дѣленіи языкъ, пріяша сынове Симовы во„сточныя страны, а Хамовы сынове полуден„ныя страны, Аѳетовыжъ сынове западные „страны пріяша, и полунощныя страны. Отъ „сихъ же семидесяти и двухъ языку бысть „языкъ Словенскъ отъ племенижъ Аѳетова, „нарицаеми Норици, иже суть Словене. По „многихъ же временехъ сѣли суть Словене по „Дунаеви, гдѣ есть Угорская земля, и Болгар„ская земля; и отъ тѣхъ Словенъ разыдошась „по земли, и прозвашась имены своими, гдѣ „сѣдши на какомъ мѣстѣ, якожъ пришедше „сѣдоша на рѣцѣ, именемъ Морава, и прозва„шась Морава; а друзіи Чеси нарекошась; а се

„тіи же Словене Хорвати Бѣліи и Сербь и Хо-
„рутане.“

Изъ сего свидѣтельства, безъ означенія времени, видно, что Славяне шли на сѣверъ изъ Венгріи и Норики; но не извѣстно, однажды ли случилось сіе переселеніе или нѣсколько разъ. Примѣчанія достойно обстоятельство, что изъ той страны, гдѣ жили нѣкогда Язиги Сарматы, Несторъ выводитъ Славянъ.

Далѣе Несторъ говоритъ. „Волохомъ бо
„нашедшимъ на Словены на Дунайскіе, и сѣд-
„шимъ въ нихъ, и насилящимъ имъ, Словенежъ
„оби пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозва-
„шась Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозва-
„шась Поляне: Ляхове друзіи Лутичи, иніи
„Мазовшане, иніи Поморяне.“

Въ семъ преданіи Нестора въ первый разъ упоминается о прибытіи Поляковъ въ Польшу, но также безъ означенія времени. Можно однакожь съ достовѣрностію заключить, что Поляки тогда раздѣлены были на разныя поколѣнія, а именно:

1) Поляки надъ Вислою, главная вѣтвь народа, раздѣляющаяся на отрасли: Великопольскую, Малопольскую и Силезскую.
2) Поляне въ Малой Россіи; отселѣ можно заключить, почему Малороссійскій діалектъ болѣе имѣетъ сходства съ Польскимъ, нежели съ Русскимъ.

3) Лутичи.
4) Мазовшане.
5) Поморяне, даже до Одера.

И такъ народъ Польскій занималъ пространство отъ Эльбы до Вислы и далѣе.

Продолжая повѣствованіе свое, Несторъ описываетъ заселеніе Великой Россіи Славянами, основаніе Великаго Новагорода, образованіе Россійскаго Государства изъ Славянскихъ и другихъ народовъ, каковыя обстоятельства, какъ не принадлежащія къ исторіи Польши, здѣсь не могутъ имѣть мѣста. Но должно упомянуть, что не смотря на басни о Кіи и иныхъ Славянскихъ начальникахъ, Несторъ нигдѣ не говоритъ ни о Короляхъ, ни о Царяхъ, ни о Князьяхъ. Изъ сего можно заключить, что Славянскіе народы не имѣли властителей, пока не были принуждены къ тому необходимостію. Изъ Несторова описанія сихъ народовъ видно, что они были болѣе или менѣе дики; что нѣкоторые изъ нихъ знали законы супружества и пр. Народъ Польскій, раздѣленный на разныя части, безъ сомнѣнія не вездѣ былъ въ одинаковомъ нравственномъ состояніи. Одна часть онаго скорѣе нежели другая просвѣщалась и образовалась.

Въ странахъ лѣсистыхъ звѣриная ловля есть первое упражненіе людей дикихъ. Но и самое сіе упражненіе есть уже нѣкоторымъ

образомъ шагъ къ образованію. Скотоводство и земледѣліе обыкновенно вводятся тамъ, гдѣ уже земля не можетъ служить для звѣроловства. Тацитъ, около 1.000 г. нашелъ такого рода земледѣліе въ Германіи у народовъ Тевтонскихъ; безъ сомнѣнія оно таково же было и у Славянъ, пока они вели кочевую жизнь и не имѣли еще городовъ, но дѣлились только на племена и волости, которыми означались границы кочевья. Какъ Готѳы, доколѣ оставались на Сѣверѣ, обитали въ ничтожныхъ *вихахъ* (wich), такъ и у Славянъ первобытные города были, вѣроятно, бѣдныя хижины и шалаши. Сіи города переносились съ мѣста на мѣсто, пока не избрано было постоянное мѣстопребываніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ введено и постоянное хлѣбопашество на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ. Но когда сіе произошло, не извѣстно. Св. Вонифатій въ VIII вѣкѣ, при основаніи игуменства Фульдскаго въ Германіи, въ пустомъ мѣстѣ, нашелъ тамъ дикихъ Славянъ, купавшихся въ рѣкѣ; но тотъ же Св. Вонифатій водворялъ Славянъ и пріучалъ ихъ къ земледѣлію и даже испрашивалъ разрѣшенія Папы Захаріи, должны ли они платить десятину, или нѣтъ? (13). Греческій Императоръ Маврикій въ концѣ VI вѣка упоминаетъ о Славянахъ, которые уже изобиловали плодами земными, именно просомъ и хлѣбомъ (milium et panicum), и имѣли многочисленныя

спада (14). Основанiе многихъ городовъ въ Германiи, не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселились Славяне и коими они владѣли, но даже и въ Франконiи, за Рейномъ и въ Швейцарiи, должно приписать Славянамъ: по сей-то причинѣ въ тѣхъ странахъ существуютъ еще Славянскiя названiя селъ и городовъ (15). Въ IX и X вѣкахъ у всѣхъ Славянъ на Сѣверѣ были уже города, хлѣбопашество и правительства. Географъ Баварскiй находилъ въ каждомъ народѣ *civitates* (16), каковое выраженiе не льзя принимать за общества или округи, повѣты: ибо извѣстно что *civitas* въ тѣ времена означало *городъ*. Намъ довольно знать, что до введенiя Христiанства между Славянами повсюду процвѣтало уже земледѣлiе, и что ни одинъ народъ при обращенiи въ Христiанство не былъ уже кочующимъ.— Можно полагать, что южные Славяне скорѣе нежели Сѣверные принялись за земледѣлiе. По сему быть могло, что новые пришлецы на Вислу (по мнѣнiю Михайлы Скотницкаго, Miscellan. Crac. Fasc. II. 57) научили туземцевъ способу воздѣлывать землю; но не льзя отрицать и того, что пришлецы сiи, можетъ быть, застали Славянъ уже въ земледѣльческомъ состоянiи. Достовѣрно только то, что Славяне, переходя изъ края въ край, не находили на Сѣверѣ тѣхъ богатствъ, какiе были удѣломъ Готѳовъ и Лонгобардовъ, между ко-

*

ими находились иногда и орды Славянъ. Не извѣстно какъ новые переселенцы обходились съ своими единоплеменниками—Славянами или съ Тевтонскими, Финскими и иными народами. Но селясь въ Панноніи и Германіи на пустошахъ и оставленныхъ поляхъ (in agris desertis, in nova radie,) какъ говоритъ Длугошъ, они основывали города и села: обстоятельство, приносящее бо́льшую честь Славянамъ, нежели какую заслужили Готѳы и Лонгобарды, основатели новѣйшихъ Европейскихъ Государствъ, находившіе для себя все готовое.—Не должно забывать, что Славяне всегда оказывались склонными къ земледѣлію, просвѣщенію, художествамъ и принятію Христіанской вѣры. Одна только жестокость Франковъ и властолюбіе Князей Нижней Саксоніи и древнихъ Саксонцевъ отвращали сосѣдственные народы отъ свѣта Христіанскаго ученія: такъ соплеменные Полякамъ Лутичи рѣшились лучше быть истреблены нежели обратиться къ Христіанству.—Не подлежитъ сомнѣнію, что земледѣльческимъ Славянамъ извѣстны были различныя искусства и ремесла, какъ-то: рѣзьба, строеніе деревянныхъ домовъ и божницъ, тканіе, вареніе медовъ, а можетъ быть и пива, рыбная ловля, судоходство, искусство чеканить монету, выдѣлка желѣза, приготовленіе оружія и мѣновой торгъ. Отъ словъ plat (платокъ),

płótno (полотно), происходятъ, кажется, слова: *плата*, *платить*; ибо издѣлія льняныя и пеньковыя, такъ какъ въ Исландіи шерстяная пряжа, издревле употреблялись Славянами, и какъ Исландцы, за недостаткомъ денегъ и по нынѣ платятъ толстымъ сукномъ *Wadmal*, такъ и Славяне платили нѣкогда полотномъ тамъ, гдѣ не было мѣховъ (17). Впрочемъ хотя тканіе было Славянамъ извѣстно столь давно, что говорятъ будто оному и Нѣмцы у нихъ научились, но плата за товары полотномъ не была общею во всѣхъ Славянскихъ земляхъ. Несторъ свидѣтельствуетъ, что подать, именуемая *ясакъ* вносима была шкурками; жалованье войску платилось мѣхами, именно куньими. Въ Польшѣ, до введенія монеты, вѣроятно было въ употребленіи и то и другое. До принятія Мечиславомъ I Христіанской вѣры, думать должно, что Поляки въ X вѣкѣ были нѣсколько образованнѣе Лутичей и Поморянъ, язычниковъ XI и XII столѣтій. Иначе они не приняли бы Христіанскаго ученія, а предначертанія Болеслава I Храбраго не имѣли бы столь быстраго успѣха, если бы онъ не засталъ народа своего уже къ тому пріуготовленнымъ. Но никто не можетъ нынѣ рѣшить: было ли таковое расположеніе въ духѣ народа общимъ цѣлой націи, или только оно существовало въ Великой Польшѣ, колыбели Польскаго Государства.

Изъ позднѣйшихъ событій и изъ легкости, съ каковою при Мечиславѣ II язычество взяло верхъ надъ Христіанствомъ, можно заключить, что большая часть Поляковъ далеко еще отстояла отъ той степени образованности, на которой находился уже домъ Пястовъ. Что же говорить о иныхъ соплеменныхъ народахъ: Лутичахъ, Поморянахъ, Радимичахъ и прочихъ?—Въ Польшѣ успѣхи образованности шли съ тою же постепенностію, какъ и въ другихъ Государствахъ.—Просвѣщеніе идетъ медленными шагами: неумѣренное же стремленіе къ оному не приноситъ желаемой пользы.

ВЕЛИКАЯ МОРАВІЯ.

Первое Славянское значительнѣйшее Государство, прежде всѣхъ прочихъ пришедшее въ устройство, было Великая Моравія. О мѣстѣ, которое занимало сіе Государство, были и есть сомнѣнія, отъ коихъ родились споры и очевидныя историческія заблужденія, на основаніи которыхъ написана Исторія Моравіи, исполненная басень и не могущая выдержать никакой критики (18). Древней Великой Моравіи искали въ нынѣшней Моравіи, и столицею оной почитали Велегродъ (Велеградъ), что нынѣ монастырь Цистерсовъ, который будтобы былъ значительнымъ городомъ и столицею могущественнаго Святополка, Короля Велико-Моравскаго, коему приписываютъ сверхъ того владѣніе Богеміею, Силезіею, Польшею и даже Россіею, также большею частію Венгріи, гдѣ находятся нынѣ Богемскіе Славяне или Словаки. Одинакое названіе двухъ Славянскихъ народовъ и двухъ рѣкъ, при различныхъ обстоятельствахъ, наиболѣе способствовало къ закрытію истины и къ выдумкѣ ложныхъ повѣствованій. Одна рѣка Морава имѣетъ

истокъ на границѣ Графства Глацскаго, течетъ въ нынѣшней Моравіи чрезъ Ольмюцъ въ Венгрію, и впадаетъ въ Дунай недалеко отъ Пресбурга. Другая Морава по ту сторону Дуная въ нынѣшней Сербіи. Вытекаетъ она изъ горъ Балканскихъ или *Argentaro* и впадаетъ въ Дунай между Семендріею и остатками Траянова моста. На берегахъ обѣихъ сихъ рѣкъ, столь отдаленныхъ одна отъ другой, обитали Славяне; но неизвѣстно какъ они были близки между собою по происхожденію. Обращая вниманіе на церковный Славянскій языкъ и нынѣшній Сербскій, можно полагать, что нынѣшніе Моравцы, равно какъ и Словаки въ верхней Венгріи, принадлежатъ къ поколѣнію Богемскихъ Славянъ, а древніе Велико-Моравцы принадлежали къ поколѣніямъ Сербскому, Русскому и Кроатскому. Достовѣрно только то, что нынѣшняя Моравія долго была не извѣстною или считалась частію Богеміи, и что въ ней господствовали иногда мелкіе Богемскіе Князья или Владыки. Моравскіе же Короли, отъ 690 до 811 года, Маротъ Святошъ, Самоміръ, Самославъ, Лехъ и Гормидоръ суть баснословныя лица, въ самомъ дѣлѣ никогда не существовавшія. По внимательномъ разсмотрѣніи Византійскихъ историковъ открывается, что Великая Моравія находилась или за Дунаемъ въ Сервіи и Венгріи или въ нынѣшнемъ Словенскѣ (Słowień-

sku) (19) въ Венгріи по сю сторону Дуная; но симъ еще не разрѣшается вопросъ: какъ далеко въ IX вѣкѣ простиралась власть Ростислава, а потомъ Святополка, великихъ Князей Моравскихъ. Велико-Моравцы не подлежали одному Князю: они имѣли многихъ властителей. Первые велико-Моравскіе Князья, Моимиръ, Вонимиръ, или Воимиръ около 796 г. и Привинна или Прининна, союзникъ Князя Фріульскаго, княжившіе въ одно и то же время, имѣли свои владѣнія, одинъ въ нынѣшней Славоніи, а другой между Савою и Дравою.— Константинъ VIII Порфирородный называетъ разныхъ Задунайскихъ Князей Архонтами, т. е. Князьями и воеводами въ X вѣкѣ, и потому не возможно представлять себѣ слишкомъ обширною власть тогдашнихъ Князей. Въ IX вѣкѣ Ростиславъ и Святополкъ, воспользовавшись обстоятельствами, получили только на нѣкоторое время перевѣсъ между прочими Славянскими владѣтелями. —Послѣ того значеніе Великой Моравіи было не продолжительно; но какъ сіе Государство было источникомъ, откуда проникъ къ Славянамъ лучь просвѣщенія, то усилія обоихъ Князей Ростислава и Святополка съ иными Велико-Моравскими владѣтелями, достойны вѣчной славы. Описаніе сего обстоятельства лучше всего заимствовать у Нестора: „И въ Болгарѣхъ Ду„найскихъ Словеномъ живущимъ крещенымъ,

„и Князем̃ их̃ Ростиславу и Святополку, и „Коцелу, послаша ко Царю (20) Михаилу, глаголюще: „Земля наша крещена, и нѣсть учителя, иже бы наказалъ насъ, и поучилъ насъ, „и протолковалъ святыя книги: Не разумѣемъ, „ни Греческу языку, ни Латинску; бни бо „ны инако учатъ, а бни инако: тѣмъ же не „разумѣемъ книжнаго бразa, ни силы ихъ: „Да послете ны учителя, иже намъ можетъ „сказати книжная словеса, и разумъ ихъ.“ Се „слыщавъ Царь Михаилъ, созва Философы (21) „вся, и сказа имъ рѣчь Словенскихъ Князь. И „рѣша Философи: „Есть мужъ въ Селуни, „именемъ Левъ, и суть у него сынове разумиви Словенску языку, и хитра два сына у „него Философа.“ Слышавъ Царь, посла по ня „въ Селунь ко Львови, глаголя: „Посли къ намъ „сына своя Мефодья и Константина.“ Се слышавъ Левъ вскорѣ посла я, и пріидоста ко Царю, и рече имъ: „Се присла ко мнѣ Словенская „земля, просящи учителя собѣ, иже моглъ бы „имъ протолковати Святыя книги; сего бо „желаютъ.“ И умолена быста Царемъ и поидоша въ Словенску землю къ Ростиславу, и „Святополку и Коцелу. Сима же пришедшима, „начаста составливати писмена азбуковная „Словенски и преложиста Апостолъ и Евангеліе; и ради быша Словене, яко слышаша величіе Божье своимъ языкомъ. По семъ же пре-

„ложиша Псалтырь и Октоихъ, (22) и прочія „книги."

Сіе случилось около 863 г. Константинъ называется иначе Кирилломъ. Отъ чего и азбука сія названа *Кирилловскою*, и употребляется во всѣхъ церковныхъ книгахъ Греческаго обряда, въ цѣлой Россіи, на Руси Польской, у Сербовъ, въ Венгріи и Илиріи. Въ Далмаціи Славянскіе Уніаты употребляютъ алфавитъ Св. Іеронима, на подобіе Кирилловскаго, именуемый *Глаголицею* или *Буквицею* (23). — Распространенію власти Ростислава наиболѣе способствовалъ Нѣмецкій Король Лудовикъ (846 г.), доставившій въ его владѣніе Великую Моравію. Спустя девять лѣтъ послѣ того, походъ самаго Лудовика (855 г.) противъ Ростислава былъ безуспѣшенъ. Великій Князь Моравскій разбилъ его войско, перешелъ за Дунай и опустошилъ за онымъ земли. Въ слѣдъ за симъ, среди замѣшательствъ, возникшихъ въ Нѣмецкомъ Государствѣ, прибыли въ Великую Моравію Св. Кириллъ и Меѳодій, о чемъ сказано выше. Св. Кириллъ преставился, кажется, въ Римѣ (868 г.), а Меѳодій жилъ долѣе и скончался тамъ же послѣ 881 г. Краткое но обстоятельное свѣдѣніе о сихъ Святыхъ мужахъ сообщаетъ Несторъ. Св. Кириллъ проповѣдывалъ сначала въ Хазаріи, потомъ вмѣстѣ съ Св. Меѳодіемъ въ Болгаріи; но, кажется, Меѳодій, устрашившій

Болгарскаго Короля Бориса картиною своей работы, представлявшею страшный судъ, и обратившій сего Короля къ Христіанству, не былъ братомъ Св. Кирилла; впрочемъ отъ сего случая Чехи называли Св. Меѳодія *Страхотою* (Strachota). Въ 868 г. Адріанъ II посвятилъ Меѳодія въ Епископы или Архіепископы Панноніи. Добнеръ говоритъ, что Св. Меѳодій былъ только *Archiepiscopus Regionarius*, безъ Епархіи. — Счастіе Ростислава, Моравскаго Князя, было непродолжительно. Принявъ участіе въ раздорѣ сыновей Нѣмецкаго Короля Лудовика, онъ и самъ не избѣгнулъ семейственныхъ безпокойствъ. Дважды побѣжденный Нѣмцами, онъ (870 г.) нашелъ себѣ главнѣйшаго врага въ племянникѣ своемъ Святополкѣ, также Моравскомъ Князѣ, который взялъ его въ плѣнъ, и, какъ узника, предалъ его въ руки Карломана, сына Лудовика Нѣмецкаго. Прибывъ изъ Ахена въ Баварію, Лудовикъ отдалъ его въ Регенсбургѣ подъ судъ, составленный изъ Франковъ, Баварцевъ и Славянъ, и хотя отмѣнилъ смертный приговоръ суда, однако же приказалъ его ослѣпить (24) и заключить въ монастырь. Святополкъ былъ могущественнѣе Ростислава. Константинъ Порфирородный называетъ его великимъ Княземъ Моравскимъ, позднѣйшіе писатели даютъ ему титулъ Королевскій, а древніе Нѣмецкіе писатели именуютъ его Княземъ. Папа

Іоаннъ VIII въ одномъ письмѣ называетъ его только знаменитымъ Графомъ (*gloriosus comes*). —Раздѣлъ Германіи по смерти Лудовика Нѣмецкаго (876 г.) и союзъ съ Арнульфомъ, Владѣтелемъ Каринтіи и Панноніи, а потомъ Королемъ и Императоромъ Нѣмецкимъ, были для Святополка весьма полезны; онъ былъ даже кумомъ Арнульфа, который назвалъ его именемъ сына своего, бывшаго потомъ Королемъ Лотарингскимъ и названнаго Нѣмцами *Zwentibald*. Но сія дружба продолжалась только до 882 г., т. е. до опустошенія Святополкомъ Панноніи.—Въ 884 г. Императоръ Карлъ Грубый, слабый наслѣдникъ всей Монархіи Франковъ, торжественно отрекся на съѣздѣ подъ Вѣною (25) отъ Панноніи въ пользу Святополка, каковое отреченіе подтвердилъ и самъ Арнульфъ (885 г.), будучи еще только Княземъ Каринтіи, за что Святополкъ (887 г.), далъ ему помощь противъ Карла Грубаго съ цѣлію лишить его престола; Арнульфъ же съ своей стороны (890 г.) отдалъ Святополку и Богемію во временное владѣніе, не смотря на то, что тамошній Князь пребывалъ въ союзѣ съ Нѣмцами. Не льзя полагать на вѣрное, что Святополкъ княжилъ въ Богеміи, потому что и Прагскіе Князья, признаваемые и самыми Нѣмцами за Князей, еще не владѣли тогда всею Богеміею. —Въ 892 г. между Святополкомъ и Арнульфомъ возгорѣлась война;

Арнульфъ съ тремя войсками съ разныхъ сторонъ нападалъ на Святополка, и сверхъ того нанималъ противъ него Маджаровъ, т. е. нынѣшнихъ Венгровъ. Но всѣ усилія Арнульфа (893, 894.) были безуспѣшны. — Святополкъ умеръ въ 895 или 898 г., а Государство свое, по тогдашнему обыкновенію раздѣлилъ между сыновьями своими, (26) съ тѣмъ что бы старшій изъ нихъ имѣлъ власть надъ прочими. Отъ несогласія Князей, послѣ 899 г. Маджары ниспровергли Государство Великой Моравіи, и будучи изгнаны изъ мѣстъ жительства своего Печенѣгами, поселились на развалинахъ великой-Моравіи, и оттуда дѣлали набѣги прежде на Швейцарію, Баварію и Швабію, потомъ на Саксонію и Турингію, и сдѣлались столь могущественны, что Нѣмцы въ X вѣкѣ едва могли отъ нихъ защититься. Козма, Деканъ Прагскій (1125), говоря о крещеніи Богемскаго Князя Боривоя, описываетъ смерть Святополка иначе: „Въ томъ (894) году (говоритъ „онъ) Моравскій Король Святополкъ (Zwato„pluk) скрылся отъ своего войска, и нигдѣ не „показывался. Онъ обратился къ истинѣ, „узнавъ что согрѣшилъ противъ Императора „Арнульфа, своего Государя и кума, и поднялъ „противъ него оружіе какъ человѣкъ, не по„мнящій оказанныхъ ему милостей..... Со„крушаясь о грѣхѣ своемъ, онъ сѣлъ ночью на „коня, промчался чрезъ станъ и бѣжалъ къ

„горѣ Зоберъ, гдѣ при пустынника въ дремучемъ лѣсу при (прежнемъ) его пособіи построили церковь. Прибывъ туда, онъ убилъ „коня, мечь закопалъ въ землю, и съ восходомъ „солнца явился къ пустынникамъ, которые „не зная кто онъ, постригли его и облекли „въ отшельническую одежду. До самой кончины своей онъ хранилъ тайну; но предъ смертію открылъ свое имя. Не долго и несчастливо владѣли его сыновья Государствомъ: „оное сдѣлалось достояніемъ Венгріи, восточной Германіи и Польши.“ Но показаніе Константина VIII Порфиророднаго достойно большей вѣроятности. Сей утверждаетъ, что Святополкъ (Sphentoplocus) умеръ въ мирное время, хотя и не означаетъ года его смерти. Онъ же описываетъ состояніе Великой Моравіи отчасти за Дунаемъ въ Сербіи, отчасти же въ Венгріи по сю сторону Дуная, каковое описаніе не излишно будетъ помѣстить здѣсь. Онъ пишетъ (о правленіи Имперіи, отд. 42. стр. 110, 111): (27) „черезъ годъ послѣ смерти Святополка настало смятеніе и междоусобіе; Турки (28) (Маджары) совершенно разорили ихъ, (т. е. трехъ сыновей Святополка) и овладѣли ихъ землями, на которыхъ „живутъ и доселѣ; а разсѣянный народъ разбѣжался къ сосѣдямъ, какъ то: Болгарамъ, „Маджарамъ (Туркамъ), Хроватамъ и инымъ.“ Въ другомъ мѣстѣ Константинъ говоритъ:

„Турки (Маджары) владѣютъ на Югѣ великою „Моравіею или страною Святополка, ими ра-„зоренною и покоренною“ (949 г.) . . . . „въ „томъ мѣстѣ гдѣ живутъ Турки (Маджары), „остались нѣкоторые слѣды древности, меж-„ду коими и мостъ Императора Траяна на „границѣ земли Маджарской (*Turcicae*) и Бѣл-„града, что составляетъ отъ моста три „дня пути до башни Святаго и Великаго „Императора Константина. . . . далѣе слѣ-„дуетъ Великая Моравія, остающаяся въ язы-„чествѣ, которую Маджары (Турки) опусто-„шили, и коея Княземъ былъ нѣкогда Свято-„полкъ.“ По разрушеніи Велико-Моравскаго Государства, подъ владычествомъ Маджаровъ язычество взяло верхъ и продолжалось до обращенія ихъ въ Христіанскую вѣру.—Каждый разъ какъ Святополкъ воевалъ съ Нѣмцами, Эльбскіе Славяне также возставали; изъ сего можно заключить, что власть Святополка простиралась довольно далеко на Сѣверъ; Великая Хроватія и даже Краковъ могли быть также подъ его скипетромъ. — Нѣкоторые Богемскіе писатели упоминали о перенесеніи Государства Велико-Моравскаго въ Богемію; а Гусситы утверждали, что и Богемія обращена къ Христіанству Греческаго обряда Св. Меѳодіемъ. Ворбсъ, почтенный въ другихъ отношеніяхъ Историкъ, до такой степени полюбилъ Моравскаго *Короля* Ростис-

слава (не довольствуясь называть его Княземъ), что приписываетъ ему даже построеніе Бреславля (Wrocław) и отъ его имени производитъ названіе сего города. Но всякъ, знающій какое нибудь Славянское нарѣчіе, конечно не допуститъ такого словопроизводства.

О городѣ или замкѣ *Morabum* или *Morawum* (*b* и *w* Греки смѣшиваютъ), упоминаетъ (1040 г.) Георгій Кедринъ (29), Греческій монахъ около 1057 г., полагая его на границѣ Болгаріи и Венгріи, вмѣстѣ съ Бѣлградомъ; Ламбертъ же Ашаффенбургскій, Бенедиктинецъ Гиршфельдскій повѣствуетъ, что Нѣмецкій Король Генрихъ IV праздновалъ Рождество Христово въ 1059 г. въ городѣ *Marouwa* на границѣ Венгріи и Болгаріи (30). Іоаннъ Фохтъ, въ жизнеописаніи Папы Григорія VII (31) ошибочно называетъ сей городъ Ниссою. Городъ Нисса лежитъ надъ рѣкою Ниссою, впадающею въ Мораву за Дунаемъ. Іоаннъ Христіанъ Енгель въ своей Венгерской исторіи (Т. I. стр. 155), описывая свиданіе Императрицы Агнесы и осмилѣтняго Генриха IV съ Венгерскимъ Королемъ Андреемъ I, умалчиваетъ о городѣ Моравѣ и упоминаетъ только о рѣкѣ *March*, что означаетъ Сѣверную Мораву.

ИСТОРІЯ СОМНИТЕЛЬНАЯ.

Въ городѣ Гнѣзнѣ былъ Князь Попель, который, имѣя двухъ сыновей, по случаю постриженія ихъ по обряду языческому, приготовилъ великолѣпный пиръ и пригласилъ на оный многихъ вельможъ и друзей. По непостижимому промыслу Божію случилось, что на сей пиръ прибыло двое гостей незваныхъ, которыхъ не только не приняли, но даже не дозволили имъ и войти въ городъ. Оскорбленные симъ гости пошли въ предмѣстье и остановились предъ домомъ Княжескаго хлѣбопашца, который также готовилъ пиръ для сына. Бѣднякъ, движимый чувствомъ милосердія, пригласилъ ихъ въ свою хижину и съ радушіемъ предложилъ имъ все что имѣлъ. Довольные гостепріимствомъ бѣднаго хлѣбопашца, пришлецы вступили въ его хижину и сказали: „радуйтеся нашему посѣщенію: оно принесетъ вамъ всякаго рода изобиліе, а вашему потомству доставитъ славу и знаменитость.“ Хозяева, къ которымъ относились сіи слова, были *Пястъ* (Pazt), сынъ Княже-

скаго колесника и жена его *Рѣпиха* (Rzepca). Оба они, по возможности, старались угодить посѣтителямъ, которые, замѣтивъ ихъ благоразуміе въ хозяйствѣ, спросили ихъ нѣтъ ли чего пить? хозяинъ отвѣчалъ: „есть у меня боченокъ свѣтлаго пива, которое приготовлено для дня постриженія единороднаго моего сына. Но этого для васъ мало. Ежели хотите, выпейте.“—Къ сему же празднику хозяинъ берегъ и поросенка. Гости приказали заколоть его и подать себѣ пива, зная что онаго не только не убудетъ, но, напротивъ того, прибавится. Хозяева повиновались. Преданіе говоритъ, что всѣ домашніе сосуды, и даже взятые у сосѣдей, наполнились онымъ, а поросенка стало на десять кадей. Видя сіе чудо хозяева предвѣщали нѣчто великое о судьбѣ своего сына, и начали уже помышлять о приглашеніи на пиръ Князя и иныхъ гостей, но безъ дозволенія двухъ посѣтителей не смѣли того сдѣлать. Съ согласія ихъ, они пригласили Князя и многихъ другихъ гостей. Князь принялъ приглашеніе. Сказанные два посѣтителя постригли по языческому обычаю на пиру сына хозяевъ и назвали его *Земовитомъ*. Вмѣстѣ съ лѣтами увеличивались и успѣхи ума въ Земовитѣ, пока Всевышній не сдѣлалъ его Княземъ Польскимъ. — Въ семъ званіи онъ не предался роскоши, но снискалъ славу храбростію на войнѣ и благоразуміемъ въ мирѣ, и распро-

странилъ границы своихъ владѣній. Ему наслѣдовалъ сынъ его *Лешко* (Lestko), столь же славный дѣлами своими. Послѣ него княжилъ *Земомыслъ*, сынъ Лешка, который возвысилъ славу предковъ своихъ. Сей Земомыслъ былъ отцемъ великаго, извѣстнаго *Мескона* (Мечислава).

Такъ повѣствуетъ Мартинъ Галлъ, и хотя въ его повѣствованіи много еще есть баснословнаго, однакожъ видны уже и слѣды истины.—Какъ всякое преданіе, переходя изъ устъ въ уста, теряетъ печать достовѣрности, такъ и вышеприведенное повѣствованіе, сохраненное Мартиномъ Галломъ, не имѣетъ историческаго достоинства. Изъ сего сказанія можно вывести только то, что *Пястъ* былъ родоначальникомъ Королей Польскихъ до Казиміра III (1570 г.), Князей Мазовецкихъ до 1526, и большей части Силезскихъ до 1675 г. —Изъ вышеприведеннаго сказанія Мартина Галла, видно также, что княжилъ не самъ *Пястъ*, а сынъ его *Земовитъ*, по имени котораго слѣдовало бы назвать и весь домъ Государей Польскихъ, его потомковъ; но сей домъ названъ *Пястовымъ* по обычаю, часто употреблявшемуся на Востокѣ. Такъ на примѣръ, когда Ибрагимъ, сынъ Аглаба, основалъ новую Арабскую династію въ Африкѣ, оная названа династіею *Аглабидовъ*, по имени Ибрагимова отца (908—968). То же самое случилось съ *Тулунидами* въ Египтѣ: ибо Тулунъ былъ

отцемъ Ахмета, перваго Государя сей династіи (868—905). По смерти Александра Великаго Греки назвали Египетскихъ Королей *Лагидами* отъ Лага, отца Птоломея I (280 до Р. Х.)

Мартинъ Галлъ не упоминаетъ, въ которомъ году Земовитъ началъ княжить. Богуфалъ первый именуетъ *Пяста* Княземъ Польскимъ. Длугошъ и позднѣйшіе лѣтописцы полагаютъ 840 или 842 годы началомъ княженія Пяста. — Одни изъ нихъ повѣствуютъ, что онъ былъ колесникомъ, другіе утверждаютъ, что онъ занимался пчеловодствомъ. Въ одномъ преданіи сказано, что во время голода *Пястъ* чудеснымъ медомъ и мясомъ снискалъ себѣ расположеніе народа и за изобильное угощеніе возведенъ въ Княжеское достоинство. Иные вручаютъ ему скипетръ Польскій по случаю слѣдующаго обстоятельства: „во время народнаго волненія въ *Крушвицѣ* „нѣкто предложилъ избрать Княземъ того, „кто первый переправится изъ-за озера (Гоп„ла), кромѣ женщинъ." Бѣльскій говоритъ, что „*Пястъ* имѣлъ пчельникъ за озеромъ. На„ходясь въ то время въ пчельникѣ, онъ со„бралъ кадку меду, которую положилъ на возъ „и рано утромъ переѣзжалъ на паромѣ на „другой берегъ, гдѣ стояло множество наро„да, ожидая, кого Богъ дастъ имъ Княземъ. „Пястъ дивился, видя, что его ждетъ пол-

„па народа; онъ счелъ ихъ за покупщиковъ „меда, но, приставъ къ берегу, былъ привѣтствованъ народомъ какъ Король. Думая, что „они дѣлаютъ сіе для того, чтобъ достать „меду, онъ просилъ дѣлить его поровну, дабы „всѣмъ досталось. Каждый получилъ по ку„ску сотовъ, и когда кадь опустѣла, то на„ливали въ оную воды и до тѣхъ поръ пили, „пока не напились всѣ."

Пясту приписываютъ 50 лѣтъ царствованія и 120 лѣтъ жизни. Онъ перенесъ столицу изъ Крушвицы въ Гнѣзно.

Правленіе *Земовита* продолжалось 32 года. Онъ раздѣлилъ войско на полки.

Лехъ VIII царствовалъ до 952, а *Земомыслъ*, 8 лѣтъ, до 964 г.

По свидѣтельству же одного изъ Комментаторовъ Кадлубка Земомыслъ вступилъ на престолъ въ 915, а по сказанію Богуфала въ 913 г.

Основаніе Польской Монархіи и царствованіе *Земовита*, кажется, послѣдовало позднѣе, нежели въ 840 или 842 годахъ. Дѣятельность сего Государя, коею онъ превосходилъ преемниковъ своихъ Леха и Земомысла, возвысила народъ Польскій въ то самое время, когда Моравскіе Князья имѣли сильное вліяніе на всѣхъ западныхъ Славянъ; а возникавшая сила Франковъ и Саксонцевъ принудила Поляковъ пожертвовать Демократіею и дикою свободою,

учредивъ правленіе болѣе прочное, Монархическое. Не всѣ однакожъ Поляки, которыхъ Несторъ называетъ *Ляхами*, въ одно и то же время соединились подъ одинъ скипетръ, и, вѣроятно, только Великая Польша, Мазовія и Силезія (не извѣстно въ которомъ году) составляли первобытную Монархію.— Лѣтописи свидѣтельствуютъ о бывшихъ тогда междоусобіяхъ; о войнахъ съ Поморянами, которые, по сказанію Нестора, были также Поляки; о Лушичахъ и Поморянахъ, народахъ Польскаго происхожденія, остававшихся еще въ дикой независимости, и проч.

О ЯЗЫЧЕСТВѢ ВЪ ПОЛЬШѢ.

О Язычествѣ разныхъ Славянъ, и отчасти соплеменныхъ Польскому народу Лутичей и Поморянъ, мы имѣемъ важныя и довольно обширныя свѣдѣнія, переданныя потомству Мерзебургскимъ Епископомъ Дитмаромъ (1018 г.), Адамомъ Бременскимъ (1072), біографами Поморскаго Апостола Св. Оттона (1124—1432), Гельмольдомъ (1178), Саксономъ Грамматикомъ (1204), и иными; но весьма не многія преданія дошли до насъ о язычествѣ Поляковъ, Россіянъ и Богемцевъ вѣковъ IX и X. Мало также осталось преданій, сообщенныхъ Цареградскими Писателями: въ семъ отношеніи Прокопій полезенъ болѣе прочихъ. —Изъ позднѣйшихъ историковъ Длугошъ въ XV, Матвѣй Мѣховскій и Бѣльскій въ XVI вѣкахъ открыли нѣкоторыя свѣдѣнія о бывшемъ въ Польшѣ язычествѣ; но сіи свѣдѣнія такъ перепутаны, Славянскія божества такъ перемѣшаны съ Римскими, что и ихъ трудъ почти ни къ чему не служитъ. —Св. Бонифатій въ VIII вѣкѣ (32) утверждаетъ, что у Славянъ былъ Индійскій обычай, по которому жены, по смерти мужей своихъ, сожигались; Дит-

маръ Мерзебургскій свидѣтельствуетъ, что въ IX и X вѣкахъ сей жестокій обычай существовалъ и въ Польшѣ (33). Сожиганіе тѣлъ умершихъ и храненіе пепла въ сосудахъ или урнахъ, было почти въ общемъ употребленіи между Славянами. На всемъ пространствѣ Славянскихъ земель до нашихъ временъ видны могилы, т. е. холмы, насыпанные руками человѣческими, извѣстные въ Россіи подъ именемъ *Кургановъ*, и, по общему мнѣнію, принадлежащіе къ языческимъ временамъ. Сюда относятся извѣстныя могилы подъ Краковомъ, гдѣ близъ монастыря Могильнаго (Clara tumba), при устьѣ рѣки Длубни, находится могила Ванды, а на горѣ Лясотѣ могила Кракуса. Другая могила Кракуса находится близъ Бохни, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кракова: сію-то могилу народъ почитаетъ настоящимъ мѣстомъ погребенія сего Славянскаго вождя. —Съ достовѣрностію, кажется, можно сказать, что нѣкоторыя Славянскія поколѣнія зарывали покойниковъ въ землю, какъ то доказываетъ Іосифъ Добровскій, въ разсужденіи своемъ 1786 г. о погребеніи Славянъ. При печальныхъ погребальныхъ церемоніяхъ происходили игры и пиршества. Въ Россіи сіе торжество извѣстно было подъ именемъ *Тризны*. Въ Польшѣ игрища при погребеніяхъ, по свидѣтельству Длугоша (стр. 95 и 118), прекращены по повелѣнію владѣтельныхъ Кня-

зей. Большіе кумиры обыкновенно были деревянные и помѣщались въ довольно тѣсныхъ кумирницахъ; меньшіе идолы дѣлались изъ метадла. Самыя малыя изображенія идоловъ прикрѣплялись къ шестамъ, и въ такомъ видѣ носимы были на войну.— О язычествѣ въ Польшѣ Длугошъ повѣствуетъ: „Достовѣрно, „что Поляки сначала были язычниками; Юпи„тера называли по своему *Iesse*, и просили у „него, какъ у верховнаго божества, всѣхъ зем„ныхъ благъ. Ему приписывали всѣ случаи, „хорошіе и неблагопріятные, и чтили его пре„имущественно предъ прочими богами. Марса „называли *Лядомъ* (у Бѣльскаго и иныхъ Ля„довъ); приписывали ему побѣды надъ непрія„телями, просили о дарованіи храбрости, и для „воздаванія ему чести прибѣгали къ ужаснымъ „обрядамъ (*asperrima cultura*)“—т. е. приносили „ему въ жертву людей. „Плутона именовали „*Ніемъ*, почитали за стража и покровителя „душъ умершихъ: почему просили у него луч„шаго жилища на томъ свѣтѣ и соорудили въ „честь его великолѣпное капище въ Гнѣзнѣ, „куда народъ стекался со всѣхъ сторонъ на по„клоненіе. Діяна, Дѣванна почиталась богинею „лѣсовъ, Церера, Марзанна (34), богинею хлѣб„ныхъ урожаевъ, Венера богинею свадебныхъ „обрядовъ и чадородія подъ именемъ Дидиліи, „Погода, богомъ времени и вѐдра. Былъ у нихъ „также и Богъ жизни, именованный *Живе.*“ (35)

Длугошъ утверждаетъ, что всѣ сіи божества имѣли особенныя капища, но извѣстно, что многія изъ нихъ у Славянъ чтимы были только въ посвященныхъ рощахъ. — Не излишнимъ почитаю присовокупить къ сему реестръ всѣхъ Славянскихъ божествъ, не исключая и тѣхъ, которые подлежатъ историческому сомнѣнію.

Бѣлый Богъ, всякой добрый, милостивый духъ.

Бѣсъ, духъ, обыкновенно злой.

Хорша, смотр. Корша.

Чортъ, Черно-богъ, всякой злой духъ.

Чудо морское, едва ли не ново изобрѣтенное божество.

Чуръ, Deus terminus. Богъ границъ.

Дажбогъ, *Дaждба*, *Дашуба*. Добровскій сомнѣвается въ существованіи сего бога.

Давори и Добрая Фрихія, въ Далмаціи.

Дѣтинецъ. Новый вымыслъ.

Дидилія (по Кайсарову), *Дзидзилія* (по Длугошу), а по инымъ *Зизилія*, по Френзлю *Циза*. Богиня супружества.

Зѣванна или *Дѣванна*, богиня лѣсовъ и охоты.

Дидо. *Дидъ*. Кажется, одно изъ Индійскихъ божествъ.

Домовые духи, вѣроятно *Antieros*.

Дубыня. Витязь, употреблявшій дубъ вмѣсто оружія.

Флинцъ, съ Нѣмецкаго. Выдуманное божество.

Геровитъ.

Горыня, гигантъ, повергавшій цѣлыя горы на своихъ неприятелей. Въ Польшѣ есть сказка о *Валигорѣ*.

Яга-баба. Беллона.

Яра, въ Далмаціи.

Ессе. Верховный богъ.

Ипа. Кумиръ, найденный въ Прильвицѣ.

Ютра-богъ. Новѣйшій вымыслъ. Аврора.

Кащей. Живой остовъ.

Коляда. Богъ празднествъ.

Корша, *Хорша*, *Хорсъ.* Кіевское божество. Поповъ называетъ его Ескулапомъ, Татищевъ Бахусомъ.

Кродо. Саксонское божество.

Кикимора, въ Польшѣ *Мора*, который душитъ, моритъ сномъ; *Мара*, богъ сновидѣній.

Купало. Не божество, какъ утверждаетъ Кайсаровъ, но огненная купѣль, очищеніе отъ грѣховъ. Въ Россіи купалы бываютъ на день Св. Іоанна, также какъ въ Германіи и почти во всей Европѣ. Сіе празднество есть остатокъ древняго поклоненія огню.

Ладо, *Лада*, *Ляда*, матъ *Леля* и *Полеля*, или *Лели* и *Полели*.

Ляда, Марсъ у Длугоша, *Лядонь* у Сприковскаго, (должна быть ошибка).

Лель, Полель, имѣли капища на Лысой горѣ, гдѣ нынѣ Бенедиктинское Аббатство Св. Креста.

Макошь, Мокошь, Мокаша, въ Кiевѣ.

Марзанна, въ Моравiи *Марзенна*, богиня жатвы. Френзель думаетъ, что это была богиня смерти. Въ Индiи *Марана* означаетъ смерть.

Мано, Волошское названiе.

Немиза, богъ прощенiя; иные называютъ его *Немстою*.

Нiя, Нiамъ, Греческiй Плутонъ.

Опора, осень.

Осладъ, Усладъ. Богъ пиршествъ.

Перунъ—Римскiй Юпитеръ, громовержецъ.

Пико, въ Далмацiи.

Пiя, чудовище, имѣющее сходство со львомъ.

Погода, Догода. Богъ вѐдра.

Полканъ, полуконь (Центавръ).

Поревитъ, Поморское божество на островѣ Ругенѣ.

Посвистъ, Погвиздъ, Похвистъ, вѣтръ или вихрь.

Прово, Провс, Проно. Богъ правосудiя.

Прыгаля, нѣкое божество, упоминаемое въ письмѣ Магдебургскаго Архiепископа Адельгольта къ Нѣмецкимъ Епископамъ въ 1110 году.

Радегастъ, главное божество въ Ретрѣ.

Ругевитъ, божокъ въ Каранзѣ.

Русалки—Русскія Нимфы и Наяды.

Севана, см. Дѣванна (Зѣванна).

Семаргбъ, *Семарглъ*. Кумиръ его находился въ Кіевѣ.

Святовитъ, *Святовидъ*, *Свѣтовидъ*, *Святовичъ*—Ругенское божество, неизвѣстное, кажется, ни въ Россіи, ни въ Польшѣ.

Сива, *Сѣва*, *Сиба*, Индійское божество, подобно Марзаннѣ повсюду извѣстное. Богъ жизни.

Зимцерла, *Зимжерла*—богиня весны.

Стриба, *Стрибогъ*—богъ вѣтровъ.

Святиборъ, чтимый Сербскими Славянами какъ лѣсное божество.

Сваикстиксъ, Пруское божество, кумиръ коего найденъ въ Прильвицѣ.

Торъ, Шведское или Финское божество.

Триглавъ, божокъ Поморскій.

Усладъ. См. Осладъ.

Вода. Статуя его найдена въ Прильвицѣ.

Вилы. Нимфы.

Вихрь. См. Посвистъ.

Волоссъ, *Велесъ*. Въ Россіи ему предоставлено было владычество надъ скотомъ.

Волоты—Гиганты.

Волхвъ, *Волховецъ*, (Wilkołek, Wilkołak, Wilkodłak въ Богеміи, Wehrwolf въ Германіи) человѣкъ, обращавшійся въ волка.

Зибогъ, *Зисльбогъ*, кумиры, найденные въ Прильвицѣ.

Зизилія. См. Дидилія.

Золотая баба. Ее боготворили жители береговъ рѣки Оби, въ Сибири.

Къ сему реестру можно было бы еще прибавить много боговъ изъ Маша и иныхъ; но не льзя рѣшить, которые изъ нихъ чтимы были древними Поляками.

Кому угодно имѣть подробное свѣдѣніе о язычествѣ въ Литвѣ, тотъ можетъ найти оное въ Стриковскомъ. Поелику Литовцы не Славянскаго происхожденія, то и религія ихъ имѣла мало связи съ религіею Поляковъ, исключая тѣ обряды, которые были общими всѣмъ язычникамъ. Удовольствуемся поименованіемъ Литовскихъ боговъ, чтимыхъ въ собственно такъ называемой Литвѣ, древней Пруссіи и Самогитіи.

Окопирносъ, богъ неба и земли.

Сваитессиксъ, богъ свѣта.

Аусхлависъ, богъ здоровья и болѣзней.

Атримпосъ, богъ озеръ, прудовъ.

Протримпосъ, богъ рѣкъ.

Гардоитисъ, богъ мореходства и рыбной ловли.

Пергрубіосъ, богъ полевыхъ произрастѣній.

Пилвитосъ, богъ сельскаго богатства.

Перкунось, Перунось, богъ молніи, грома, снѣга и дождя.

Поклюсъ, богъ ада, бурь, затмѣній, летающихъ духовъ.

Криве Кривейтосъ, великій жрецъ, хранилъ неугасаемый огнь въ честь верховнаго бога Перкуноса. —

ИСТОРІЯ ДОСТОВѢРНАЯ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ПЯСТЫ.

Отъ принятія Христіанской вѣры до кончины Казиміра Великаго (965—1370.)

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Нераздѣльное правленіе Пястовъ. 965. 966—1139.

Введеніе Христіанства имѣло на Сѣверѣ, какъ и повсюду, благодѣтельныя дѣйствія. Народы, выходя изъ мрака грубаго язычества, и замѣняя дикость свою кротостію нравовъ, вступали также и въ политическія сношенія съ прочими племенами, прежде нихъ свѣтомъ наукъ озаренными. Отсюда проистекали безчисленныя выгоды, и между прочими та, что, со введеніемъ Христіанства, мало по малу въ новообращенномъ народѣ вводилось употребленіе письменъ, и заботливость о храненіи событій. Хотя зло и несовершенно искоренилось отъ вліянія Христіанскаго ученія, но

добро усилилось, и міръ конечно бы улучшился, еслибъ люди не были людьми. Примѣръ тому видимъ въ Польшѣ, когда Мечиславъ I, праправнукъ Пяста, принялъ Св. крещеніе въ Гнѣзнѣ 965 или 966 года. Отселѣ начинается ясная Исторія Польскаго Государства, а баснословіе исчезаетъ предъ свѣтомъ Христіанства.

МЕЧИСЛАВЪ I.

(965—992)

Мечиславъ I былъ склонѣнъ къ принятію вѣры Христіанской убѣжденіями Христіанъ, жившихъ въ Польшѣ. Не имѣя потомства отъ многихъ женъ, онъ принялъ совѣтъ ихъ вступить въ супружество съ Христіанкою, въ надеждѣ на благословеніе неба, что и дѣйствительно въ послѣдствіи времени исполнилось.

Донбровка, (36) дочь Болеслава I, Богемскаго Князя, не хотѣла отдать руки своей Мечиславу I иначе, какъ съ условіемъ, чтобы онъ и народъ его приняли Христіанскую вѣру. Мечиславъ не выполнялъ сего условія, пока ласки и угожденія супруги не склонили его къ тому. Увѣрясь въ непреложности истинъ Христіанскихъ, онъ воспріялъ Св. крещеніе

въ 965 году въ Гнѣзнѣ отъ Богемскаго Священника Боговида, и часть народа немедленно послѣдовала примѣру Государя. Но не вся Польша въ одно время обратилась къ Христіанству. Язычество (37) долго еще имѣло своихъ защитниковъ, и общее введеніе Христіанской вѣры въ Польшѣ воспослѣдовало гораздо позднѣе (992—994). Много трудился Познанскій Епископъ Іорданъ, пока усилія его въ распространеніи свѣтильника Вѣры, увѣнчались успѣхомъ. (38) Обыкновеніе обнажать сабли на Литургіи при чтеніи Евангелія могло быть знакомъ не только пылкой готовности къ защитѣ новой Вѣры, но также и дѣйствіемъ надобности въ таковой защитѣ, особливо въ такое время, когда Польша отвсюду окружена была или грозными язычниками, или непріязненными сосѣдами, и даже въ своихъ нѣдрахъ терпѣла еще множество идолопоклонниковъ. (39)

Умалчивая о баснословномъ рожденіи Мечислава I (40), о мало извѣстныхъ и недостовѣрныхъ дѣлахъ его до принятія Св. крещенія, я упомяну здѣсь только о тѣхъ событіяхъ, кои основаны на несомнительномъ свидѣтельствѣ лѣтописцевъ, ближайшихъ къ тѣмъ временамъ.

Правленіе Мечислава I, достопамятное принятіемъ Христіанской вѣры, не весьма

было блистательно въ отношеніи къ народному благосостоянію.

Въ сіе время положеніе Польши было весьма невыгодно. Не извѣстны даже тогдашнія ея границы. По рѣшительному мнѣнію однихъ, Великая и Малая Польша, Силезія, Мазовія и Куявія уже принадлежали Мечиславу I. Другіе (41) полагаютъ, что Мечиславъ I, ежели не выстроилъ, то по крайней мѣрѣ возобновилъ или расширилъ столицу Силезіи Бреславль (Wrocław). Языкъ Малой Польши и Силезіи есть тотъ же, который господствуетъ въ Великой Польшѣ. Симъ, кажется, подтверждается мнѣніе, что Польское Королевство возникло въ тѣхъ странахъ въ одно и тоже время. Но ученый Лелевель (42) старается доказать, что только Великая Польша и небольшая часть Нижней Силезіи, Мазовія и Куявія были собственностію Мечислава I; Малая же Польша, большая часть Силезіи и Верхней Венгріи, извѣстной въ IX вѣкѣ подъ именемъ Хроватіи, почитались остатками Великой Моравіи, падшей отъ хищничества Чеховъ и Руси, или пребывали еще въ язычествѣ и пользовались необузданною вольностію. — Мнѣніе Лелевеля конечно имѣетъ видъ основательности; но при разсмотрѣніи онаго встрѣчаются слѣдующія затрудненія: Велико-Моравское Княжество находилось за Дунаемъ, а не въ нынѣшней Моравіи и древ-

ней Хроватіи. Богемская Исторія до 967—973 года и далѣе почти такъ же темна, какъ и Польская. Іосифъ Добровскій доказалъ уже, что расказы о крещеніи Боривоя (43) въ Велеградѣ суть басни; тотъ же Добровскій считаетъ подложною грамоту, данную Оттономъ I Епископству Пражскому (44), коего предѣлы только при Генрихѣ IV распространены были до рѣкъ Вага, Дуная и Стырл (или Стрыя), и тѣмъ доказываетъ, что притязанія на Краковъ и Силезію не имѣли основанія. Слѣдовательно трудно вѣрить, чтобы Князья Пражскіе, состоявшіе во всегдашнемъ сношеніи съ другими Богемскими Князьями, могли когда либо такъ далеко простирать границы своего владѣнія. Вѣроятно Чехи нападали на тѣ страны и расхищали оныя; но если Краковъ и Хроватія, названная потомъ Малою Польшею, не были подъ властію Мечислава I, то вѣрно находились еще въ язычествѣ, и принадлежали къ Богеміи, гдѣ еще было множество язычниковъ, неоднократно покушавшихся истребить Христіанскую вѣру и наконецъ потрясшихъ власть Богемскихъ Князей. Оставленіе Праги Св. Войцѣхомъ въ 995 году было, кажется, слѣдствіемъ нетвердости Чеховъ въ Христіанствѣ и безпорядковъ, происходившихъ отъ преобладанія Владыкъ, или мелкихъ Владѣтелей Богемскихъ, и отъ ничтожества Князей тамошнихъ. Сіи

послѣдніе, едва сами могли держаться въ Богеміи; тѣмъ менѣе были въ силахъ пріобрѣсти Силезію и Хорватію. Но быть можетъ, что они, какъ Христіане, желали обратить Силезскихъ и Хорватскихъ язычниковъ въ истинную Вѣру; что, по тогдашнему, означало покорить ихъ подъ свою власть. Въ послѣдствіи Князья и Короли Польскіе спорили съ Прусскими Кресшоносцами о правѣ обращать Подлясье въ Христіанство; когда же Богемскіе Князья, отчасти по наущенію Нѣмецкихъ Императоровъ, отчасти съ намѣреніемъ воспользоваться слабостію Польскихъ Князей, принимали титулъ Королей Польскихъ даже до XIV вѣка, то и не удивительно, что они дѣлали притязанія на Хорватію, Краковъ и Силезію подъ тѣмъ предлогомъ, что нѣкогда владѣли или должны были владѣть оными. Сколько положеніе Мечислава I было небезопасно со стороны Богеміи и Малой Польши, столько же дикая свобода Лютичей (Lutycy) и Поморянъ, двухъ Польскихъ племенъ, сопротивлявшихся принятію Христіанства, грозила Государству его съ Сѣверной стороны. Славяне, Христіанскіе и языческіе, Чехи, Лютичи и Поморяне могли соединиться противъ Мечислава I, и не разъ дѣлали сіе, между тѣмъ какъ съ Восточной стороны возникало Россійское Государство, страшное для Польши, еще не утвержденной во внутрен-

немъ своемъ составѣ: ибо многіе изъ ея Пановъ язычниковъ, взирали на Христіанскую вѣру, какъ на иго народное, только одному Государю полезное. Владиміръ Великій двинулся на Ляховъ (Поляковъ) въ 981 г. и взялъ города Перемышль, Червень, (45) и другіе, по свидѣтельству Нестора (въ 1110 году), принадлежавшіе Россіи. Взятъ ли сей послѣдній городъ въ Малой Польшѣ у свободныхъ и еще не крещеныхъ Поляковъ или у Князя Польскаго Мечислава I, о томъ Несторъ не говоритъ (46). Однакожъ можно на вѣрное заключить, что, если Хроватія простиралась столь далеко, то и тамъ были Ляхи (Поляки). За Карпатскими и другими горами не видать уже подобныхъ слѣдовъ Польскаго народа. Тамошній языкъ Словацкій имѣетъ сходство съ Чешскимъ и Моравскимъ, и отчасти Русскій, господствовавшій во всей высшей Венгріи до жилища Маджаровъ. Мечиславу I весьма нужна была пріязнь Нѣмецкихъ Императоровъ, которыхъ силы однакожъ не соотвѣтствовали ихъ властолюбивымъ видамъ на цѣлый міръ. — Карлъ Великій, возстановитель Западной Имперіи, въ 800 году владѣлъ почти всею Италіею, Франціею и Германіею до Эльбы, и распространилъ владычество свое даже до Панноніи и за Эльбу до Славянскихъ земель и Даніи. Лудовикъ Благочестивый или Слабый часто воевалъ съ Славянами, но ни-

когда не доходилъ до Польши. Преемники его воевали часто съ Чехами и Моравами, Сербами и Лутичами; но ихъ оружіе также не могло далѣе простираться; а между тѣмъ Имперія слабѣла, раздѣлясь на три Государства: Италійское, Французское и Германское. На тронѣ Франціи не было уже потомства Карла Великаго. Не стало наконецъ и Имперіи. Только Оттонъ I Великій, изъ Дома Герцоговъ Саксонскихъ, Король Нѣмецкій, или, какъ онъ самъ себя называлъ, Король Восточной Франціи, вторично воскресилъ Римскую Имперію и присоединилъ ее къ Германіи. Но сіе состояло болѣе въ титулѣ, нежели въ дѣйствительномъ могуществѣ и власти. Новый Тевтонскій Императоръ могъ повелѣвать Италіею не иначе, какъ силою оружія: тамъ не любили Нѣмецкаго владычества; силясь же удержать за собою Италію, Оттонъ I болѣе и болѣе терялъ власти и уваженія въ Германіи. Преемники Оттона I, несравненно слабѣйшіе своего предшественника, все еще воображали себя Владыками Свѣта. Не будучи въ состояніи сравняться съ Карломъ Великимъ, и почти не принадлежа уже къ его поколѣнію, они все еще называли себя преемниками Римскихъ Императоровъ. Сіи мнимые преемники Карла Великаго, Императоры Нѣмецкіе, не имѣя ни власти, ни ума его, не отставали отъ своихъ притязаній. Польша ограждалась еще Че-

хами и Лупичами, но Сербія подпала уже власти Генриха Птицелова, отца Оттона I, который, побѣдивъ Маджаровъ или нынѣшнихъ Венгровъ, и укрѣпивъ силы Германіи построеніемъ новыхъ городовъ и крѣпостей, обратилъ оружіе на Славянъ, жившихъ предъ Эльбою, и учредилъ на границахъ Маркграфовъ и Графовъ для завоеванія независимыхъ Славянъ. Сіи Маркграфы и Графы вскорѣ начали дѣйствовать и за Эльбою. Геронъ, Маркграфъ Восточный, овладѣлъ Лузаціею, частію Сербіи, наконецъ коснулся и земель Мечислава I. Побѣжденный имъ, Мечиславъ I. въ 963 г. призналъ себя данникомъ Имперіи, но только съ той части Государства, которая простиралась до праваго берега Варты (47). Безъ сомнѣнія, Мечиславъ I имѣлъ довольно силъ, чтобъ противостать Нѣмцамъ; но какъ послѣ покоренія Сербовъ и Лупичей онъ сдѣлался непосредственнымъ ихъ сосѣдомъ, и какъ въ одно и тоже время онъ долженъ былъ блюсти и другія части Государства, то и трудно ему было одну частицу онаго сохранить отъ чужеземнаго нашествія. Слѣдуя примѣру Чеховъ, всегда искавшихъ пріязни Нѣмецкихъ Императоровъ, и для пріобрѣтенія оной рѣшившихся наконецъ присоединиться къ Имперіи, онъ также согласился быть данникомъ ея, дабы симъ пожертвованіемъ обезпечить себя съ другой стороны, т. е.

отъ Западныхъ Славянъ, Пруссіи и Руси, гдѣ уже полагалось основаніе сильному Государству. Принятіе Христіанской вѣры сколько съ одной стороны могло быть полезно для Мечислава I, столько въ другомъ отношеніи было для него непріятно: ибо онъ зналъ, что Императоръ и Духовенство хотѣли повсюду простирать власть свою.

По принятіи Христіанской вѣры, могущество Мечислава I усилилось наиболѣе съ того времени, какъ она начала ограничивать власть народную; съ сею цѣлію въ 968 году учреждено Познанское или Польское Епископство. Онъ домогался даже полученія короны отъ Папы, но связи съ Нѣмцами не были для него полезны, ибо по вліянію Императора онъ не могъ воспользоваться побѣдою (48) надъ Удономъ, восточнымъ Маркграфомъ, наслѣдникомъ Герона, и на Сеймѣ Кведлинбургскомъ, гдѣ состоялось мирное соглашеніе, онъ былъ принятъ не какъ Польскій Герцогъ, а какъ Князь Христіанскій, Членъ Имперіи и Владѣтель земель на Вартѣ, на которыя Императоръ полагалъ имѣть право. По смерти Оттона I, Мечиславъ I принялъ участіе въ Нѣмецкой войнѣ, взявъ сторону Баварскаго Герцога Генриха Сварливаго противъ Оттона II. Но и по смерти Оттона II, въ 984 году, когда Генрихъ бѣжавъ изъ заточенія, снова овладѣлъ его престоломъ, равно какъ и по низло-

женія его Оттономъ III, къ сторонѣ котораго присталъ Мечиславъ I, кровь Польская не преставала литься на Западѣ (989—991 г.), какъ въ войнѣ съ Чехами и Лутичами, такъ и при пособіи Императору Оттону III во время осады города Брандебурга. Между тѣмъ Владиміръ Великій овладѣлъ Красною-Русью.

Мечиславъ умеръ въ 992 году. (49)

БОЛЕСЛАВЪ I

ВЕЛИКІЙ или ХРАБРЫЙ.

(992 — 1025)

Старшій сынъ Мечислава I, *Болеславъ*, настоящій основатель Польскаго Королевства и народнаго величія, отъ Нестора и Мартина Галла (50) названный *Великимъ*, получилъ также прозваніе (51) *Храбраго* (Fortis). Неизвѣстно, что именно досталось ему во владѣніе послѣ отца; извѣстны только военныя его дѣла и разныя побѣды. По волѣ отца, и по тогдашнему во всей Славянской землѣ обыкновенію, братья Болеслава должны были владѣть особыми Удѣлами; но первымъ сего Государя стараніемъ было овладѣть одному цѣлымъ Государствомъ. Для того, не видя другихъ средствъ къ достиженію цѣли своей, онъ изгналъ изъ Польши сводныхъ братьевъ съ мачихою своею

Одою, а Одиліена и Прибувоя, друзей или служителей сихъ братьевъ, приказалъ ослѣпить. Таковая казнь въ средніе вѣки была употребляема для зачинщиковъ бунта. Кромѣ оной существовали въ Польшѣ и иныя, о которыхъ упоминаетъ современникъ Дитмаръ; на пр. несоблюдавшимъ поста вырывали зубы. Сію строгость Дитмаръ Мерзебургскій извиняетъ тѣмъ, что съ народомъ грубымъ (отчасти еще языческимъ) нельзя было поступать иначе. Напротивъ того Мартинъ Галлъ, славитъ мягкосердечіе Болеслава и готовность его прощать. Болеславъ I выступилъ лично противъ Россіи, и въ тоже время послалъ значительную помощь Оттону III противъ Гавловъ, осаждавшихъ Брандебургъ. Между тѣмъ братъ Болеслава I, Владибой, возбудилъ противъ Польши Чеховъ (993 г.), которые, пользуясь отсутствіемъ Государя, овладѣли (994 г.) Краковомъ сами и заняли часть Силезіи въ пользу Владибоя. (52) Для возвращенія потеряннаго нужно было заключить миръ съ Россіею, которая, подобно Богеміи, побуждена была къ войнѣ однимъ изъ Владиславовыхъ братьевъ; но Кроссата Сукоградскій, мужественный и предусмотрительный Богемскій вождь, принудилъ Поляковъ отступить отъ Кракова. Замѣшательства, возникшія въ Богеміи отъ честолюбивыхъ вельможъ, представляли удобный случай къ воз-

вращенію Кракова; Болеславъ I не воспользовался онымъ, будучи отвлеченъ Оттономъ III, которому помогалъ въ войнѣ съ Лутичами. Въ то время Св. Войцѣхъ, оставивъ Прагу, искалъ пристанища въ Польшѣ, а оттуда перешелъ въ Пруссію, гдѣ обрѣлъ мученическій вѣнецъ. Тѣло его выкупилъ Болеславъ I въ 997 году, и похоронилъ оное въ Тремешнѣ, а послѣ перенесъ въ Гнѣзно.

Спустя потомъ нѣсколько времени (999 г.) Болеславъ возвратилъ въ свое владѣніе Краковъ, и просилъ у Папы Архіепископской Каѳедры для сего города и Королевской короны для себя. Отказъ Папы Сильвестра перемѣнилъ доброжелательство Болеслава къ Императору Оттону III, который, какъ за неоднократно полученную помощь, такъ и для огражденія себя отъ дикихъ Эльбскихъ Славянъ, безпрестанно опустошавшихъ обѣ Саксоніи, имѣлъ поводъ желать тѣснаго дружества съ Поляками. Безпокойства въ Италіи, раздоры съ Папою, наконецъ собственная нужда, склоняли еще болѣе Оттона III къ удовлетворенію желаній своего союзника. Подъ предлогомъ поклоненія гробу Св. Войцѣха отправившись въ Гнѣзно, и будучи тамъ принятъ съ пышностію, Императоръ возложилъ на Болеслава I свою корону въ церкви у гроба Св. Войцѣха, и сдѣлалъ его Королемъ Польши и союзникомъ Имперіи (1000 г.) (53).

Такимъ образомъ обезпечивъ себя отъ Славянъ, онъ далъ ему право воевать и покорять ихъ подъ свою власть и въ тоже время уничтожилъ положеніе Оттона I, по которому вся Славянская земля должна была принадлежать къ Магдебургской Митрополіи. Тогда же учреждено Архіепископство Гнѣзненское и подчинены оному три Епископства: Колбергское на Поморьѣ, Бреславльское и Краковское. Унгеръ, Епископъ Познанскій, преемникъ Іордана, оставался еще нѣкоторое время въ зависимости отъ Магдебургскаго Архіепископства, но вскорѣ и Познанская Епархія признала Гнѣзненское Архіепископство своею Митрополіею. Первымъ Гнѣзненскимъ Архіепископомъ былъ Радинъ или Гавдентій, братъ Св. Войцѣха.

Доселѣ при описаніи историческихъ событій во время Болеслава I слѣдовали мы Пелзлю и Нарушевичу съ 992 — 1002. Но не можемъ умолчать, что Лелевель вышесказанныя происшествія представляетъ совсѣмъ иначе. По его мнѣнію (54) „Болеславъ I, въ первый разъ въ 999 году пріобрѣтаетъ отъ Чеховъ Хроватію съ Краковомъ и Силезіею, а за помощь, данную Оттону III противъ Сѣверныхъ Славянъ, Малая Польша, Силезія и Поморье даже до Одера достались въ собственность Польшѣ. Учрежденіе Гнѣзненскаго Архіепископства съ тремя Епископствами: Колбергскимъ, Краковскимъ и Бреславльскимъ,

было слѣдствіемъ посѣщенія Оттономъ III гроба Св. Войцѣха въ Гнѣзнѣ, и доказываетъ позднее пріобрѣтеніе тѣхъ странъ, кои принадлежали къ Гнѣзненскому Архіепископству: Хроватіи, Силезіи и Поморья. Съ Владиміромъ Великимъ былъ постоянный миръ, а съ Венграми происходила война, даже по рѣку Дунай: столь далеко за Карпатскія горы простиралась Хроватія, частію коей (по разрушеніи Государства Моравскаго) владѣли и Чехи, бывшіе такимъ образомъ въ сосѣдствѣ съ Владиміромъ Великимъ, отправлявшіе къ нему посольства, и утратившіе по смерти своего Болеслава II всѣ владѣнія въ Хроватіи."

Не говоря уже о сомнительности границъ Великой Моравіи, Княжества или Королевства недолго существовавшаго, здѣсь слѣдуетъ упомянуть только о томъ, что и сами Чехи не вѣрятъ позднѣйшимъ преданіямъ, будто бы имъ принадлежали столь обширныя владѣнія. Первоначальная Исторія Богеміи столь же темна какъ и Польская, и потому трудно теперь снять съ того времени завѣсу. Но ежели Исторія Богеміи имѣетъ еще нѣкоторые, хотя и весьма слабые, памятники, то, напротивъ того, Исторія Хроватіи, совершенно неизвѣстна, и есть, такъ сказать, ничтожна.

Смерть Оттона III въ 1002 году измѣнила положеніе дѣлъ въ Германіи. Генрихъ

Хромый, Герцогъ Баварскій, сынъ Генриха Сварливаго, ближайшій Оттону III родственникъ, Бернардъ, Герцогъ Саксонскій, Германъ Швабскій и Маркграфъ Мисн͏ійскій состязались объ Императорскомъ достоинствѣ, а Гардуинъ, Маркграфъ Эпоредскій присвоивалъ себѣ Италію. Прежде нежели Генрихъ Баварскій сѣлъ на престолъ, Король Польскій уже вступилъ въ Нижнюю Лузацію и, покоривъ оную, вторгнулся въ Мильзавію, т. е. въ Верхнюю Лузацію, наконецъ овладѣлъ и Мисніею. Но всѣ сіи завоеванія Болеславъ I, дѣлалъ не съ непріязненными видами противъ Генриха Баварскаго, сдѣлавшагося подъ именемъ Генриха II Императоромъ Нѣмецкимъ; напротивъ того, пользовавшись дружбою Оттона III, онъ хотѣлъ продолжать оную съ Генрихомъ II. Посему явился онъ на Нѣмецкомъ Сеймѣ въ Мерзебургѣ какъ для оказанія почтенія новому Императору, такъ, можетъ быть, и для удержанія за собою новыхъ пріобрѣтеній въ Нѣмецко-Славянской землѣ. Тамъ же находился Генрихъ, Маркграфъ Австрійскій, который по причинѣ раздора съ Чехами, соединенъ былъ дружбою съ Польшею; но тогда имѣлъ неудовольствіе противъ Императора, не хотѣвшаго уступить ему Баваріи. Дружба Генриха Австрійскаго и Болеслава I была самая искренняя. Они взаимно пособляли другъ другу, но въ Мерзебургѣ встрѣтили обѣ величайшую

для себя опасность. Императору Генриху II извѣстно было ихъ мужество; но ихъ дружба ему не нравилась. Онъ хотѣлъ низкою измѣною задержать ихъ обоихъ или даже лишить жизни; при выходѣ изъ дворца съ малымъ числомъ вооруженныхъ людей, они окружены были на дворѣ толпою воиновъ и едва успѣли спастись, отбивъ ворота. Бывшіе съ ними люди ограблены или умерщвлены; остальные, при посредствѣ Бернарда Саксонскаго, едва получили свободу. Болеславъ I, разсудивъ, что происшествіе сіе не могло быть случайнымъ, простился съ Генрихомъ II и возвратился въ свои предѣлы.

Замѣшательства, возникшія въ Богеміи отъ жестокости Болеслава III, Герцога Богемскаго, дали поводъ къ завоеванію оной. Ибо Чехи избрали Герцогомъ Владибоя, брата Болеслава Храбраго, и хотя онъ весьма короткое время владѣлъ Богеміею, однакожь Поляки открыли себѣ путь въ оную. Болеславъ III могъ найти для себя пристанище только у Генриха, Маркграфа Австрійскаго, который отослалъ его въ Польшу. Императоръ Генрихъ II намѣревался оказать пособіе братьямъ Болеслава III, Яроміру и Удальрику, но рѣшительный Болеславъ Храбрый предупредилъ Императора, и ввелъ въ Богемію Болеслава III. Сей неблагодарный, вопреки долгу дружбы, поднялъ оружіе противъ своего бла-

годѣтеля и вторгнулся въ Силезію по врожденному ли своему жестокому характеру, или по наущенію Чеховъ, желавшихъ опять избавиться отъ него при посредствѣ Поляковъ., которымъ многіе Чехи весьма благопріятствовали за обрѣтеніе у нихъ убѣжища отъ жестокостей Болеслава III. Болеславъ Польскій, безъ труда овладѣвъ Богеміею, заключилъ Болеслава III въ темницу, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ; Яроміра же поручилъ надзору Вершовцовъ, фамиліи преданной Польшѣ, и даже Императора Генриха II, причисленнаго въ послѣдствіи къ лику Святыхъ, склонилъ деньгами къ тому, что бы онъ Удальрика, третьяго брата, заключилъ при Императорскомъ дворѣ въ темницу. Овладѣвъ Богеміею, Болеславъ I однимъ походомъ занялъ и Моравію, сдѣлавшись такимъ образомъ обладателемъ всего Богемскаго Государства.

Императоръ Генрихъ II весьма неравнодушно видѣлъ подвиги Болеслава I Храбраго, но не имѣя силы воспрепятствовать онымъ, таилъ неудовольствіе свое противъ Польши. Болеславъ I взаимно, за предательскій съ нимъ поступокъ въ Мерзебургѣ, скрывалъ свой гнѣвъ до времени, помышляя между тѣмъ о мщеніи. Не было явной войны, но миръ былъ не проченъ. Безпокойства въ Италіи и безпорядки въ Германіи склоняли Императора къ тишинѣ. Для сего онъ отправилъ посольство

въ Прагу къ Болеславу I, предлагая ему спокойное владѣніе Богеміею, какъ Леннымъ владѣніемъ Имперіи, и даруя ему то, чего не въ силахъ былъ отнять; но Болеславъ I, чувствуя свое могущество, съ презрѣніемъ отвергнулъ мирныя условія и началъ готовиться къ разрыву дружбы съ Нѣмцами. Онъ привыкъ дѣйствовать не только оружіемъ, но и хитростію, золотомъ и серебромъ. Посему онъ заключилъ союзы со всѣми противниками Императора, надѣясь легко его одолѣть; но надежда обманула его, и щастіе ему на сей разъ не послужило. Нѣмецкимъ Союзникамъ не удалось дать отпору и Императоръ Генрихъ II взялъ верхъ надъ Генрихомъ Австрійскимъ и иными. Утрачена Мисвія чрезъ измѣну Гунцелина, и Болеславъ I остался одинъ на полѣ брани. Для возвращенія Лузаціи Генрихъ II назначилъ всеобщее вооруженіе Владѣтелей Германскаго союза; но сей походъ не состоялся по причинѣ отъѣзда Императора Генриха II противъ Гардуина въ Италію (1003 г.). По возвращеніи своемъ двинувшись къ Польшѣ съ Саксонцами и Лотарингцами, онъ опустошилъ ее, но не покорилъ и въ слѣдующемъ 1004 году долженъ былъ снарядить новое войско.

Съ симъ войскомъ онъ вторгнулся въ Богемію, и какъ Чехи не благопріятствовали уже Полякамъ, то Императору легко было овладѣть ею. Богемія отдана Яроміру

Отъ сей потери и многихъ иныхъ неудачь Болеславъ не терялъ духа. Онъ внутри Государства снаряжалъ новое войско, и когда Нѣмцы перестали давать ему титулъ Короля, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, какъ бунтовщикъ, лишился правъ своихъ на корону, Болеславъ подтвержденія оныхъ искалъ въ Римѣ.

Генрихъ II въ третій разъ готовился къ войнѣ съ Болеславомъ (1005 г.). Войска его собирались подъ Добролукою (Добраленга) въ Лузаціи. Болеславъ, предупредивъ ихъ, дѣлалъ разныя въ ихъ ходѣ препятствія, и подкупомъ склонилъ Чеховъ отстать отъ Нѣмцевъ, которые впрочемъ вступили уже въ Познанское Епископство. Императоръ, увидѣвъ, что далѣе подвинуться не возможно, заключилъ миръ чрезъ Архіепископа Тагмона, и съ войскомъ, уменьшеннымъ въ числѣ и силахъ, возвратился въ Германію.

Сей миръ былъ непродолжителенъ: ибо въ то время, какъ Императоръ (1006—7) занятъ былъ дѣлами во Фландріи, Болеславъ I овладѣлъ всею Лузаціею и простеръ пламя войны за Эльбу.

Несогласія между сынами Владиміра Великаго въ Россіи (1008) обратили вниманіе Болеслава I на Востокъ, но явно онъ не смѣлъ еще мѣшаться въ ихъ дѣла, не смотря на то, что Владиміръ лишилъ свободы зятя его, Туровскаго Князя Святополка, за возмущеніе

по поводу неравенства удѣловъ между двѣнадцатью братьями. Опасность, грозившая со стороны Нѣмцевъ, не позволяла тестю вступаться за зятя.

Посреди безпрестаннаго шума брани Болеславъ I не забывалъ и народнаго образованія. Онъ основалъ три монастыря для Бенедиктиновъ, одинъ въ Сецѣховѣ, другой на Лысой-Горѣ, третій въ Тынцѣ. Орденъ Бенедиктиновъ, по уставу своему обязанный заниматься образованіемъ юношества, былъ въ то время распространителемъ просвѣщенія, особенно во Франціи и въ Нѣмецкой землѣ, наипаче въ Швабіи и Австріи; въ Польшѣ, кажется, онъ посвятилъ себя мертвому молчанію и неизвѣстности.

Послѣ кратковременнаго отдохновенія Болеславъ I снова вторгнулся въ Миснію, но не могъ тамъ удержаться. Императоръ Генрихъ II, пылая местію, собралъ сильное войско. Болѣзнь (1011 г.) помѣшала ему лично предводительствовать онымъ, и не совсѣмъ счастливыя обстоятельства склоняли его къ миру. Съ условіями онаго послали къ Болеславу I въ Любушъ; но поелику миръ не состоялся, то войско Императорское, подъ начальствомъ двухъ Епископовъ, Арнульфа Галберштадскаго и Мейнверка Падерборнскаго съ Яроміромъ, Богемскимъ Герцогомъ и иными, продолжало походъ и осадило городъ

Глогау. Защищеніе города, произведенное подъ предводительствомъ самаго Короля, принудило Нѣмцевъ удалиться безъ успѣха. Наконецъ Императоръ, наскучивъ безпрестанными раздорами съ Польшею, желалъ заключить искренній съ нею миръ, и старался о томъ тѣмъ болѣе, что новый его походъ (1012 г.) былъ также безуспѣшенъ. Перемѣны въ Богеміи, казалось, пролагали путь къ согласію. Но вѣроломство Удальрика, наслѣдника Яроміра, (1013 г.) низведеннаго съ престола, отдаляло исполненіе обоюднаго желанія. Онъ началъ открытую войну съ Польшею; однакожъ удалось заключить миръ. Императоръ Генрихъ II пригласилъ Болеславова сына Мечислава въ Магдебургъ, принялъ его отмѣнно ласково, сдѣлалъ его рыцаремъ, и одаривъ щедро, отправилъ къ отцу. Хотя Болеславъ не довѣрялъ гостепріимству Императора и тайно искалъ въ Имперіи друзей, которые заплатили за сію дружбу потерею имѣнія, однакожъ онъ рѣшился (1013 г.) посѣтить Императора въ Магдебургѣ, получивъ прежде, для безопасности, заложниковъ изъ Нѣмецкихъ вельможъ: ибо опасался такой же измѣны, какъ въ Мерзебургѣ. Императоръ, для показанія своего величія, хотѣлъ имѣть его своимъ Рыцаремъ. Послѣ рыцарскихъ игръ, Императоръ, въ полномъ нарядѣ, шелъ въ церковь, сопутствуемый Болеславомъ, который по зва-

нію Рыцаря, несъ въ рукахъ обнаженный мечь Императорскій, или, какъ другіе говорятъ, поддерживалъ стремя сѣдла Императорскаго. На другой день, по размѣнѣ подарковъ, Императрица склонила ихъ къ дѣйствительному миру. Болеславъ получилъ, чего хотѣлъ, т. е. всѣ земли, предкамъ его принадлежавшія, имъ пріобрѣтенныя и утвержденныя Оттономъ III при его короновании, во всей Славянской землѣ за Одеромъ, были навсегда изъяты отъ притязанія Нѣмцевъ. Наконецъ, обѣщавъ сопутствовать Императору въ Римъ, онъ возвратился въ Польшу и отослалъ заложниковъ.

Оказалось, что миръ сей былъ не искрененъ. Королю не хотѣлось ѣхать въ Италію. Онъ разсылалъ только лазутчиковъ развѣдывать о видахъ Императора, намѣреваясь принести на него жалобу Папѣ будто онъ препятствовалъ ему выслать обѣщанныя *Св. Петру* деньги, коихъ онъ, вѣроятно за то, что не получилъ отъ Папы короны, самъ не желалъ дать, и искалъ только предлога къ благовидной отговоркѣ. Какъ бы то ни было, путешествіе Императора въ Римъ представило Болеславу возможность выступить противъ Поморянъ.

Поморьемъ, отъ незапамятныхъ временъ, называлась страна надъ Балтійскимъ моремъ, между устьями рѣкъ Вислы и Одера до Но-

течи и Варты; иногда и земля Славянъ-Лутичей, за Одеромъ до границъ Оботритовъ, называлась также Поморьемъ, а въ послѣдствіи сдѣлалась извѣстною подъ именемъ *Помераніи*. Въ ней обитали разныя Славянскія племена. Польская сабля еще до Мечислава I разила жителей праваго берега Одера, до которыхъ Императорскій мечь не досягалъ. Учрежденіе Колбергскаго Епископства, потомъ уничтоженнаго, и другія событія свидѣтельствуютъ о томъ и опровергаютъ мнѣніе иныхъ, будто братья Попеля имѣли здѣсь свои владѣнія. Но неизвѣстно въ чемъ состояло подданство Поморянъ. Надобно думать, что, имѣя собственныхъ Князей, они платили дань Польшѣ, часто нарушая повиновеніе, какъ свойственно было язычникамъ, которые озарились свѣтомъ Христіанства спустя полтора вѣка потомъ.

Побѣдивъ Поморянъ, (1014) Болеславъ I одержалъ верхъ и надъ Прусаками и принудилъ ихъ къ миру и къ обѣщанію принять Христіанскую вѣру. Польскій Государь наложилъ на нихъ дань, воздержалъ войско отъ грабежей, далъ Священниковъ для просвѣщенія ихъ, и возвращаясь въ Польшу, въ знакъ побѣды и для означенія границы, поставилъ на рѣкѣ Оссѣ, между Рогознымъ и Лашиномъ желѣзный столпъ, отъ чего и ближнее мѣстечко названо *Слупомъ*. Длугошъ повѣст-

вуетъ, что Крестоносцы, въ послѣдствіи времени, ниспровергли сей памятникъ древности, и поставили на томъ мѣстѣ мельницу. Пруссаки, по удаленіи Польскаго войска, отступились отъ своего обѣщанія, а Болеславъ занялся иными дѣлами.

Нѣмцы сохраняли миръ только до возвращенія Генриха II изъ Италіи. Послѣ Мерзебургской измѣны Болеславъ I уже не вѣрилъ ему болѣе: посему онъ отправилъ сына своего Мечислава въ Богемію, чтобы Удальрика Богемскаго отвлечь отъ дружбы съ Императоромъ. Хитрый Богемецъ заключилъ Королевича въ темницу, а свиту его умертвилъ. Императоръ Генрихъ II, не одобривъ таковаго поступка, взялъ Мечислава къ себѣ, но не хотѣлъ возвратить его отцу иначе какъ на съѣздѣ Мерзебургскомъ. Болеславъ I, видя, что просьбы его (1015 г.) о возвращеніи сына не дѣйствовали, рѣшился, какимъ бы то ни было способомъ, освободить его отъ плѣна: сыпалъ золото на Нѣмецкихъ вельможъ, а между тѣмъ готовился къ войнѣ. Наконецъ Императоръ отослалъ Королевича, который нашелъ подъ Кроснымъ уже готовое войско и получилъ отъ отца начальство надъ нимъ.

Императоръ Генрихъ II въ скоромъ времени согласился отдать земли, забранныя въ Мисніи и Лузаціи, что привело къ новой войнѣ. Сначала счастіе служило Нѣмцамъ; по-

томъ Поляки принудили ихъ къ отступленію. Безпокойства, возникшія въ Бургундіи и надъ Рейномъ (1016 г.), обратили туда вниманіе Императора; сіе обстоятельство дало возможность Болеславу I испытать силы свои съ Россіею.

Кончина Владиміра Великаго (1015), раздѣленіе Государства между его сыновьями, споры и несогласія ихъ, представляли Болеславу лучшее время какъ для отмщенія за зятя своего Святополка, такъ и для снисканія добычи. Незадолго до кончины родителя, Святополкъ убѣжалъ изъ темницы къ тестю, и прежде нежели разнеслась вѣсть о смерти Владиміра, вторгнулся въ Кіевъ. Борисъ, возвращавшійся съ войны Печенѣжской, отнялъ у него сей городъ, но вскорѣ добровольно уступилъ ему оный.

Кіевляне, не доброхотствуя Святополку какъ по свойству его съ Болеславомъ I, такъ и потому, что онъ держался Латинскаго обряда, не были рады таковой перемѣнѣ Правительства. Святополкъ I убилъ Бориса и брата его Глѣба, за любовь народную къ нимъ, и для утвержденія себя на престолѣ. Таковая жестокость не осталась безъ наказанія. Новогородскій Князь Ярославъ выступилъ противъ него подъ предлогомъ мести за убіеніе братьевъ, а въ самомъ дѣлѣ для пріобрѣтенія Кіева. По нѣкоторомъ времени онъ одер-

жалъ верхъ и принудилъ братоубійцу бѣжать въ Польшу.

Болеславъ I съ давняго времени питалъ неудовольствіе къ Россіянамъ за отнятыя у отца его земли и крѣпости; на сей разъ онъ негодовалъ за заключеніе въ темницу дочери его и зятя, который возбуждалъ его ко мщенію, обнадеживая, что вся Россія содѣлается его данницею. Но еще не наступило время начинать войну съ Россіянами, когда Нѣмецкая война продолжалась. Императоръ Генрихъ II желалъ мира, отъ котораго и Болеславъ, имѣя виды на Россію, не отказывался, хотя и зналъ, что въ отсутствіе Императора, когда управленіе пограничными землями находилось въ рукахъ Императрицы, не могло быть сильнаго со стороны Нѣмецкой сопротивленія. Назначено время для предварительныхъ условій; между тѣмъ состоялось перемиріе. Нѣмцы желали заключить миръ въ своей землѣ; Болеславъ же, не довѣряя имъ, приглашалъ ихъ къ себѣ. Послѣ продолжительнаго отлагательства дошло до споровъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла и надежда на миръ. Положено вооружить всю Германію на Болеслава I; но Нѣмцы, наскучивъ безполезными войнами, или тайно благопріятствуя Болеславу, не спѣшили вооружаться. Между тѣмъ Императоръ Генрихъ II искалъ пособія въ Россіи. Новогородскій Князь Ярославъ, пред-

видя войну съ Поляками, хотѣлъ предупредить Болеслава I, и полагая, что онъ занятъ Нѣмецкою войною, двинулся на Волынь. Вѣроятно и Болеславъ не ждалъ столь внезапнаго на себя нападенія; однакожь онъ вздумалъ обмануть Россійскаго Князя. Оба войска почти въ одно время явились на Бугѣ, отдѣлявшемъ Заднѣпровскихъ Славянъ отъ Польши. Случай ускорилъ битву; между передовыми постами произошла ссора и вызовы на поединки. Отъ словъ дошло до драки и скоро обѣ стороны взялись за оружіе. Рѣка мѣшала сойтись двумъ воинствамъ. Поляки, одни въ бродъ, другіе вплавь переправились чрезъ оную и явились предъ Русскими, которые потерпѣли болѣе отъ замѣшательства, нежели отъ силы непріятелей. Ярославъ первый оставилъ поле сраженія, послѣдуя совѣту своихъ воиновъ, дабы, оставаясь на мѣстѣ, не попасть въ плѣнъ. Побѣдители преслѣдовали непріятелей нѣсколько миль, и по повелѣнію Короля, не убивали ихъ, а брали въ плѣнъ. Весь обозъ достался Королю. Болеславъ, углубляясь въ Россію, бралъ города, иные силою, другіе добровольно, и осадилъ Кіевъ. Но безпокойства, причиняемыя Нѣмцами, принудили его снять осаду. Удовольствовавшись сожженіемъ части города, при чемъ сгорѣлъ и храмъ Св. Софіи, онъ обратился отъ Днѣпра къ Одеру, куда Нѣмцы уже приближались.

Здѣсь заблаговременно приготовлены были три войска противъ Императора. Не вдалекѣ отъ Королевскаго стана поставленъ былъ отличный отрядъ Баварцевъ для удержанія перваго стремленія Польскаго оружія, дабы дать время подоспѣть войску. Отрядъ сей, не предвидя опасности, предался покою: въ то самое время Моравскій полкъ напалъ на оный столь быстро, что ни одинъ воинъ не спасся. Съ другой стороны Мечиславъ, вошедши въ Богемію съ своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ десяти полковъ, въ отсутствіе Удальрика, который находился въ Императорскомъ станѣ, обременилъ себя добычею и привелъ къ отцу множество плѣнниковъ. Самъ Болеславъ съ третьимъ войскомъ сталъ подъ Глогау, которымъ завладѣлъ въ самомъ началѣ безпокойствъ, полагая, что Нѣмцы прежде всего обратятъ силы свои противъ сего города. Коль скоро они начали приближаться, въ сопровожденіи Богемцевъ и Лутичей, Болеславъ, желая раздѣлаться съ ними въ полѣ, выслалъ своихъ стрѣльцовъ. Императоръ не рѣшась на сраженіе въ полѣ, для сбереженія людей, запретилъ своимъ преслѣдовать Польскихъ стрѣльцовъ; между тѣмъ отдѣлилъ двѣнадцать отличныхъ полковъ и послалъ ихъ подъ Нѣмечь, Силезскій городъ, хотя и крѣпкій, но имѣвшій недостаточный гарнизонъ, съ приказаніемъ овладѣть онымъ

прежде нежели могла бы подоспѣть помощь отъ Короля.

Едва Саксонцы расположились подъ городомъ, какъ разнеслась вѣсть, что приближается непріятельское войско на помощь городу. Нѣмцы употребили всѣ усилія для отраженія Поляковъ, но они пользуясь темнотою ночи и проливнымъ дождемъ, разогнавъ нѣсколько Нѣмецкихъ отрядовъ, успѣли часть своего войска ввести въ городъ. Чрезъ три дня явился самъ Императоръ съ войскомъ и окружилъ весь городъ. Мѣра сія была бы надежна, если бы оплошность самихъ же Нѣмцевъ не испортила ее. Ибо въ то время какъ они во всемъ поступали неосторожно и безпорядочно, Польскіе воины, пользуясь случаемъ, силою впоргались въ городъ, умножая такимъ образомъ число защитниковъ онаго. Императоръ имѣлъ множество машинъ и разнаго рода орудій стѣнобитныхъ, и Нѣмцы довольно удачно дѣйствовали оными; но и осажденные не нуждались въ оружіи, рѣшась, сверхъ того, лучше погибнуть, нежели сдаться. Издѣваясь надъ Императоромъ за то, что онъ противъ Христіанъ употреблялъ пособіе язычниковъ, они подняли на стѣнахъ Хоругвь съ крестомъ противъ стана Лутичей, надѣясь подъ симъ знаменіемъ Искупленія одержать надъ ними побѣду. Поляки выдерживали сію осаду съ от-

личнымъ мужествомъ и спокойствіемъ духа: они радовались, но только втайнѣ, каждому успѣшному дѣлу, не упадая духомъ и въ неудачахъ, и дѣйствовали такъ, что Нѣмцы, по глубокому ихъ молчанію, не могли узнать что у нихъ происходитъ. Словомъ, они такъ благоразумно въ семъ случаѣ поступали, что самаго Дитмара, неблагопріятствующаго имъ, склонили въ свою пользу. Дитмаръ повѣствуетъ, что ему не случилось слышать, чтобъ иной какой народъ противостоялъ врагу своему съ большимъ терпѣніемъ и расторопностію. Въ другихъ странахъ войско Болеслава дѣйствовало не столь хорошо. Моравскій полкъ, послѣ побѣды надъ Баварцами, вторгнулся въ Богемію и на возвратномъ пути къ стану, обремененный добычею, былъ окруженъ Генрихомъ, южнымъ Маркграфомъ, и въ стычкѣ потерялъ тысячу человѣкъ. Другой Королевскій отрядъ, посланный въ Мисвію, по безполезной осадѣ города Бельгора, отступилъ отъ онаго; удалось только наказать и разсѣять Лутичей, нападавшихъ на Королевскія волости въ Лузаціи.

Но сіи неудачи вознаградились таковою же неудачею Императорскаго войска подъ Нѣмечью. Уже три недѣли миновало какъ городъ находился въ осадѣ, и осаждавшіе ничего еще не успѣли сдѣлать. Стѣнобитныя орудія сожжены осажденными. Богемскій Герцогъ

Удальрикъ, ревнуя о чести, съ собственнымъ войскомъ подступилъ къ городу, но принужденъ былъ воротиться со стыдомъ. Его примѣру послѣдовали Лутичи, но и тѣ, бывъ встрѣчены тучею стрѣлъ, обратили тылъ, потерявъ много народа. Наконецъ Императоръ, видя, что осада можетъ быть долговременна, отступилъ отъ города, распустилъ войско и поѣхалъ въ Богемію къ Удальрику, откуда, осыпанный дарами, возвратился домой. —Болеславъ, въ ожиданіи слѣдствія осады, оставался въ Бреславлѣ; услышавъ объ отступленіи непріятелей, онъ отрядилъ немедленно шесть сотъ человѣкъ пѣхоты и послалъ ихъ грабить и разорять Богемію. Сей походъ былъ неудаченъ: Богемцы, истребивъ часть сихъ людей, остальныхъ принудили бѣжать. Но посланные въ Миснію возвратились оттуда съ тысячею плѣнныхъ и съ большою добычею.

Таковое кровопролитіе, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обращеніе въ пустыню лучшихъ областей между Эльбою и Одеромъ, убѣдили обоихъ Государей въ необходимости мира. Дѣло началось размѣномъ плѣнныхъ. Болеславъ отослалъ къ Генриху Лудольфа, за два года предъ тѣмъ пойманнаго около Кросны. Генрихъ освободилъ находившихся у него Поляковъ. Со стороны Императора пріѣхали въ Бауценъ Архіепископъ Магдебургскій Гіеронъ,

Епископъ Галберштадскій Арнольфъ, Маркграфъ Мисніискій Германъ съ Графами Өеодорикомъ и Фридерикомъ. Болеславъ присутствовалъ лично. Дитмаръ, очевидный свидѣтель, говоритъ, что Императоръ, не по достоинству своему, но по обстоятельствамъ долженъ былъ согласиться на мирныя условія; что миръ утвержденъ обоюдною присягою, а для большей прочности онаго, даны съ обѣихъ сторонъ аманаты; наконецъ, что Болеславъ обручился съ Одою, дочерью Маркграфа Мисніискаго Эккарда.

Если вѣрить Богемскимъ Историкамъ, то по силѣ сего трактата Моравія уступлена Польшѣ. Нарушевичь и позднѣйшіе Нѣмецкіе Лѣтописцы полагаютъ, что Болеславъ удержалъ за собою все пріобрѣтенное имъ въ Мисніи и Лузаціи, и что въ то время, при устьяхъ рѣкъ Салы и Эльбы, для означенія границы, воздвигнулъ онъ извѣстные въ Польскихъ лѣтописяхъ желѣзные столпы. Кадлубекъ и Богуфалъ сему же Королю приписываютъ и четвертый желѣзный столпъ, поставленный въ память побѣды надъ Венграми, которые платили ему дань даже до Дуная и Тиссы. Кромеръ опровергаетъ сіе тѣмъ, что Стефанъ, тогдашній владѣтель Венгріи, состоялъ съ Болеславомъ въ родствѣ и дружбѣ. Впрочемъ, если и была съ Венгріею война, то оная, по мнѣнію Нарушевича, могла воз-

горѣться за Купу, Правителя Семигейской области, хотѣвшаго жениться на мачихѣ Стефана и теткѣ Болеслава, вдовѣ Аделаидѣ, и получить за нею Венгерское Королевство, ввѣренное ея управленію престарѣлымъ мужемъ ея Гейзою. Но выше мы уже видѣли, что Болеславъ I Храбрый воевалъ и Венгрію.

Какъ бы то ни было, Болеславу весьма нуженъ былъ миръ съ Нѣмцами, для открытія противъ Россіи военныхъ дѣйствій, которыя онъ въ томъ же году и началъ всѣми силами своего Государства. Раздѣливъ войско на полки, отряды, и давъ каждому изъ сихъ отдѣленій Ротмистровъ, Сотниковъ, Полусотниковъ и Десятниковъ, онъ наименовалъ ихъ Предводителемъ Гетмана Сецѣха, Краковскаго Воеводу, а самому себѣ предоставилъ верховное начальство. Къ собственному его войску присовокуплены триста человѣкъ Нѣмцевъ, присланныхъ отъ Императора по Бауценскому Трактату, пять сотъ Венгерцевъ и тысяча Печенѣговъ. Сіе войско было такъ хорошо устроено, что могло безъ труда и замѣшательства подвигаться впередъ, отступать, раздѣляться на колонны и, по данному знаку, снова соединяться. Съ такими силами приближался Болеславъ къ Россіи. Польскіе Писатели утверждаютъ, что Ярославъ безпечно удилъ въ Днѣпрѣ рыбу, когда принесли ему вѣсть о приближеніи непріятеля, и что

онъ, бросивъ уду, сказалъ: *оставимъ рыбъ, чтобы самимъ не попасть на уду.* Ярославъ немедленно принялъ оборонительныя мѣры, и собравъ сильное воинство изъ Руси, Варяговъ и Славянъ, заградилъ путь Болеславу на рѣкѣ Бугѣ. Главному сраженію предшествовали частныя сшибки. Король самъ началъ битву, раздраженный насмѣшками Будыя, одного изъ Ярославовыхъ воеводъ, который, стоя на другомъ берегу рѣки, ругался надъ Польскимъ войскомъ и надъ самимъ Королемъ, называя его трусомъ и вепремъ, по причинѣ дородности. Немедленно цѣлое войско, вслѣдъ за Королемъ, бросилось въ рѣку и вышло на другой берегъ. Россіяне, изумленные переправою непріятелей, начали приходить въ замѣшательство: быстрый натискъ Поляковъ не дозволилъ имъ даже стать въ ряды. Большая часть ихъ взята въ плѣнъ; весь обозъ достался Королю. Самъ Ярославъ едва съ четырмя воинами бѣжалъ въ Кіевъ, а оттуда въ Новгородъ.

Болеславъ I, подступивъ подъ Кіевъ, окружилъ его со всѣхъ сторонъ и принялъ мѣры противъ подвоза съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ нуждалось великое множество народа, сбѣжавшагося изъ окрестныхъ мѣстъ, въ надеждѣ найти спасеніе въ городѣ. Король не хотѣлъ разрушать сего знаменитаго памятника древности, и думалъ голодомъ принудить его къ сдачѣ; но упорное и муже-

ственное сопротивленіе Кіевлянъ побудило его къ приступу. Стѣны пали, предмѣстія превращены въ пепелъ, и чрезъ то открылся входъ въ городъ. Болеславъ, предшествуемый знатнѣйшими Поляками съ обнаженными саблями, въѣхалъ въ городъ верхомъ, и проѣзжая *златыя врата*, столь сильно ударилъ въ оныя острымъ своимъ мечемъ, что на немъ сдѣлалась отъ того щербина, и для того сей мечь названъ *щербцемъ* (szczerbiec). Потомство хранило его въ числѣ Королевскихъ рѣдкостей въ Краковѣ, а Короли, при вступленіи своемъ на престолъ, обыкновенно препоясывались онымъ. Легковѣрный народъ думалъ, что Болеславъ получилъ сей мечь отъ Ангела. Отъ златыхъ вратъ Болеславъ поѣхалъ ко храму Св. Софіи, гдѣ встрѣтилъ его Архіепископъ Аѳанасій съ духовенствомъ, въ богатомъ облаченіи, со крестомъ и мощами Угодниковъ Божіихъ. Въ тамошнемъ монастырѣ Король нашелъ великія сокровища, которыхъ одну часть роздалъ войску и друзьямъ своимъ, а другую отправилъ въ Польшу. Изъ того же монастыря вывезъ онъ мачиху, жену и восемь сестеръ Ярослава, изъ коихъ одна понравилась ему. Польское войско расположилось на зиму въ Кіевѣ и окрестностяхъ онаго, а Святополкъ, получивъ обратно Кіевское Княженіе, снабжалъ оное всѣмъ нужнымъ. Король, для вящшей безопасности, занялъ

своими людьми многіе города и замки, и, наградивъ наемное войско, распустилъ его; потомъ отправилъ три посольства: первое въ Царьградъ, къ Восточному Императору, предлагая ему миръ, если онъ сохранитъ съ нимъ дружбу, — а въ противномъ случаѣ войну; второе къ Императору Генриху съ дарами; третье, съ Архіепископомъ Кіевскимъ, къ Ярославу, требуя выдачи дочери своей, Святополковой жены, за которую обѣщалъ возвратить ему мачиху, съ женою и сестрами.

Когда Король проживалъ въ Кіевѣ, Ярославъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ отъ потери Княженія, хотѣлъ бѣжать за море. Новогородцы удержали его отъ сего намѣренія, и, по настоянію посадника Коснятина, испортивъ суда, приготовленныя къ отъѣзду, совѣтовали ему ободриться и собирать войско. Сверхъ денежной подати наложили дань на скотъ, мѣха — и вскорѣ Русское воинство, готовое къ бою, ожидало только удобнаго времени къ походу. Король Болеславъ увидѣлъ подлѣ себя новаго врага. Святополкъ не былъ доволенъ однимъ титломъ Кіевскаго Князя. Исключая Кіевъ, всѣ замки находились во власти Поляковъ. Ожесточенные побѣдою воины позволяли себѣ въ селахъ разныя излишества, не смотря на то, что Святополкъ доставлялъ имъ все нужное. По сей причинѣ, вошедши въ тайныя сношенія съ Русскими, онъ началъ

истреблять Поляковъ, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ онаго. Ежедневно происходили новыя убійства и жестокости. Король, видя измѣну, неоднократно увѣщевалъ Святополка перемѣнить поведеніе свое; наконецъ собравъ все войско, предалъ ему на расхищеніе и городъ и всѣ окрестности, занялъ своими людьми нѣкоторые замки, бывшіе во владѣніи Святополка, и взявъ въ залогъ многихъ знатныхъ бояръ, также двухъ дочерей Владиміра, Предславу и Мстиславу, возвратился въ Польшу съ великимъ числомъ плѣнныхъ и рабовъ. Съ того времени—говоритъ Длугошъ—сколько разъ Кіевъ ни былъ возобновляемъ Русскими Князьями, онъ уже не имѣлъ прежняго величія, многолюдства и богатства. Польскіе Лѣтописцы утверждаютъ, что Король предъ выѣздомъ своимъ изъ Кіева, въ знакъ побѣды надъ Россіянами и распространенія своихъ владѣній, приказалъ поставить желѣзные столбы на Днѣпрѣ, при впаденіи въ него Сулы. Другіе, болѣе легковѣрные, присовокупляютъ, что Король бросилъ въ Днѣпръ металлическія трубы, чрезъ которыя текущая вода издавала какіе-то странные звуки.

На обратномъ пути Болеславъ Храбрый довольно спокойно дошелъ до Буга; но, въ то самое время когда началъ распускать остальное войско, напалъ на него совсѣмъ неожидан-

но Новогородскій Князь Ярославъ, увѣдомленный чрезъ лазутчиковъ о маломъ, оставшемся при Королѣ числѣ воиновъ. Неустрашимый Болеславъ спѣшилъ собрать часть распущеннаго войска и одушевилъ его мужествомъ, первый ударивъ на Россіянъ, которые, послѣ кровопролитной битвы, обратили тылъ; Ярославъ едва успѣлъ спастись, переодѣвшись въ простое платье. Король, по возвращеніи своемъ въ Польшу, украсилъ Гнѣзненскій Соборъ взятою въ Кіевѣ добычею, и выстроилъ замокъ Хробержъ, такъ названный отъ имени, даннаго Королю современниками.

Послѣдніе пять лѣтъ царствованія Болеслава I Храбраго, по свидѣтельству Нарушевича и Длугоша, протекли въ мирѣ, до самой кончины сего Короля, послѣдовавшей 3 Апрѣля 1025 года, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣзни, на 58 году жизни его, и на 26 году царствованія.

Польскій народъ долго оплакивалъ смерть Болеслава I. Мартинъ Галлъ, Длугошъ и Нарушевичъ описываютъ его самымъ лучшимъ образомъ. Онъ всегда имѣлъ при себѣ двѣнадцать Совѣтниковъ для исполненія правосудія, и объѣзжалъ съ ними области, замки и города, надзирая за поступками Кастеллановъ и другихъ чиновниковъ. Во время сихъ путешествій, встрѣчаясь съ поселянами, спрашивалъ ихъ: не имѣютъ ли до него какой прось-

бы? Ежели они приносили жалобы на своего помѣщика, то его немедленно призывали и давали ему строжайшее приказаніе вознаграждать ихъ за обиды. Останавливаясь въ селеніяхъ и въ мѣстечкахъ, онъ самъ судилъ дѣла и вникалъ въ обычаи и нравы; если гдѣ оставались слѣды язычества, искоренялъ ихъ. Онъ оказалъ Государству величайшую услугу устроеніемъ пограничныхъ крѣпостей, какъ для прибѣжища жителямъ на случай безпокойствъ, причиняемыхъ сосѣдами, такъ и для огражденія ихъ отъ обыкновенныхъ въ то время разбоевъ. Въ сихъ крѣпостяхъ назначилъ Кастеллановъ, и снабдивъ ихъ сильною стражею, обязалъ неусыпно смотрѣть за дѣйствіями внутренними и внѣшними. На содержаніе сихъ постоянныхъ стражей, онъ учредилъ особую подать хлѣбомъ, которой хранили въ построенныхъ для того житницахъ. Поселяне, вносившіе сію подать, должны еще были давать матеріалы для починки крѣпостей и ночью стоять по очереди на стражѣ.

Болеславъ былъ роста средняго, красивъ лицемъ, но нѣсколько толстъ; волосы имѣлъ черные, густые, кудрявые; въ одеждѣ и пищѣ чуждался избытка, руководствуясь только необходимостію и приличіемъ. Онъ любилъ воиновъ и щедро награждалъ ихъ; не былъ пристрастенъ къ деньгамъ, и всегда обращалъ ихъ на нужды Государства, на украшеніе

Храмовъ Божіихъ и на награды заслугъ. Проступки каралъ весьма строго, но не трудно было склонить его и къ милосердію; чему доказательствомъ служатъ нѣсколько человѣкъ, освобожденныхъ отъ смерти по просьбѣ супруги его Іудиѳы.

Вѣроятно, ему-же обязана своимъ существованіемъ и бо̀льшая часть городовъ въ Польшѣ: ибо онъ, подобно Королю Генриху Птицелову (за сто лѣтъ предъ тѣмъ), при новопостроенныхъ за̀мкахъ давалъ, для приманки народа, публичные столы.

И такъ осиротѣвшая Польша справедливо цѣлый годъ носила печальное одѣяніе по Болеславѣ,—какъ по такомъ Королѣ, который, говоря словами Польскихъ и иностранныхъ писателей, былъ настоящимъ основателемъ тогдашняго ея благоденствія (55).

МЕЧИСЛАВЪ II, МАЛОДУШНЫЙ (Gnuśny).

(1025—1034).

Мечиславъ при жизни отца своего слылъ храбрымъ и благоразумнымъ: его вступленіе на престолъ обѣщало Польшѣ славу и счастіе; но сія надежда не исполнилась. Окруживъ себя развратнымъ юношествомъ, онъ находилъ удовольствіе въ однихъ лишь порокахъ. Скоро свѣдали о томъ сосѣдственные народы и начали вредить Польшѣ. Новогородскій Князь Ярославъ изгналъ Святополка изъ Кіева, и, вмѣстѣ съ Мстиславомъ (56) Черниговскимъ, вторгнулся въ Красную Русь, поднявшую тогда знамя бунта.—Сіи Князья опустошили ее, и увели съ собою великое множество народа, которымъ населили Днѣпровскія пустыни (57).

Польскіе писатели повѣствуютъ, что Мечиславъ II, пробужденный отъ бездѣйствія, двинулся наконецъ съ войскомъ противъ мятежниковъ, захватилъ нѣсколькихъ зачинщиковъ бунта, отправилъ ихъ въ Краковъ, и взялъ мѣры къ прекращенію безпокойствъ; но новѣйшіе Русскіе Историки отвергаютъ сіе потому, что древніе лѣтописцы ничего о

шомъ не упоминаюшъ. Какъ бы шо ни было, но Поляки, чрезъ нерадѣніе Короля, упрашили владѣнія свои въ Россіи, а равно и въ Моравіи, гдѣ оныя досшались Брешиславу, сыну Богемскаго Князя Удальрика. По сему поводу и Чехи отложились отъ подданства. Духъ возмущенія оказался въ то же время въ областяхъ надъ Эльбою. Тамъ Болеславъ I Храбрый, пріобрѣтши нѣсколько Славянскихъ областей и выстроивъ въ оныхъ многіе замки, оставилъ своихъ Старостъ или Кастеллановъ для охраненія границъ и для сбора подашей. Но сіи, заключивъ связь съ Нѣмцами, имѣвшими въ тѣхъ мѣстахъ свои владѣнія, и по причинѣ безпокойствъ, причиняемыхъ языческими Славянами, Лутичами и Оботритами, отложились отъ Польши и содѣлались подданными Нѣмецкихъ Князей, которые изъ Императорскихъ Чиновниковъ взошли на степень Удѣльныхъ Владѣтелей. Военныя дѣйствія Мечислава II ограничились безразсуднымъ опустошеніемъ области; въ слѣдствіе того Императоръ Конрадъ II, преемникъ Генриха II, возвратилъ (въ 1032 г.) въ свое владѣніе Лузацію, которую Болеславъ I Храбрый столь мужественно защищалъ. Поморяне, ободренные несчастіями Польши, старались избавиться отъ владычества оной, однакожъ Мечиславу II удалось ихъ смирить; онъ отдалъ сію провинцію зятю своему Белѣ, сыну Короля

Венгерскаго. Но таковое подданство Помераніи не было продолжительно: Мечиславъ II умеръ, 15 Марта 1034 года, оставивъ Государство въ самомъ жалкомъ состояніи.

По сказанію Богуфала, Мечиславъ основалъ Епископство Кујавское. Увѣряютъ, что предъ кончиною своею онъ имѣлъ припадки бѣшенства, и порицаютъ его за то, что онъ давалъ слишкомъ много воли женѣ своей Риксѣ (Рихенцѣ), которая всегда входила въ дѣла Правленія. Когда же Король потерялъ разсудокъ, она, будто бы съ согласія вельможъ, и по поводу малолѣтства сына, принявъ опеку надъ нимъ и Государствомъ, вступила сама въ дѣйствительное управленіе. Другіе говорятъ, что по смерти мужа ея продолжались цѣлый годъ споры о правѣ наслѣдованія и что наконецъ она приняла бразды Правленія въ качествѣ Правительницы, учредивъ при себѣ особый Совѣтъ. Гордость и высокомѣріе вельможъ, слабость надзора, нѣкоторыя неудачно избранныя Королевою средства для предупрежденія безпорядковъ, наконецъ давно извѣстная привязанность ея къ Нѣмцамъ, еще болѣе усилившаяся при ея управленіи, незапно произвели въ Польшѣ ужасныя замѣшательства. Главнѣйшею тягостію для народа была подать, которая, еще при жизни Короля, по ея настояніямъ учреждена для стола Королевскаго, и въ ея управленіе была строго соби-

раема; сверхъ того оказываемое Нѣмцамъ предпочтеніе довело умы до того, что высшее Сословіе готово было произвесть мятежъ подъ предлогомъ, будто бы Королева намѣрена предать Польшу Нѣмцамъ. Королева, страшась насильственнаго изгнанія, предупредила сдѣланныя ей угрозы: взявъ съ собою сокровища и Королевскія короны и переодѣвшись, бѣжала съ нѣсколькими вѣрными ей людьми въ Саксонію, гдѣ сперва жила у Императора Конрада II, а потомъ до самой смерти оставалась въ Салевальдѣ и Брунвиллерѣ при Бенедиктинскомъ монастырѣ, основанномъ ея родителями (Пфальцграфомъ Езономъ и Матильдою, дочерью Римскаго Императора).

Казиміръ I, сынъ Мечислава II, послѣ бѣгства матери своей, получилъ одну, такъ сказать, тѣнь власти, ему принадлежавшей, и, наконецъ, также принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Сначала онъ обратился въ Венгрію, къ Королю Стефану, по смерти котораго Король Петръ отправилъ его съ отрядомъ 100 человѣкъ въ Саксонію, гдѣ могъ бы онъ получить пособіе и совѣтъ отъ родственника своего. Позднѣйшіе Польскіе Историки пишутъ, что Казиміръ I, уже отчаявшись получить Польскую корону, вступилъ въ Бенедиктинскій орденъ въ Клюнякѣ, что въ Бургундіи, и когда, въ послѣдствіи времени, Поляки желали возвращенія его, онъ не

иначе вступилъ опять въ свѣтъ и возшелъ на престолъ, какъ съ разрѣшенія Папы Венедикта IX, который обязалъ Поляковъ платить ежегодно подать, или такъ называемый *грошъ Св. Петра*, и, въ воспоминаніе монашества его, стричь волосы или брить голову на подобіе монашескаго гуменца. Нарушевичь (Hist Narodu Polsk. T. II.) ясно опровергъ сіе сказаніе, которому впрочемъ послѣдовали многіе писатели, какъ Польскіе, такъ и иностранные. Баснь о монашествѣ Казиміра I родилась отъ монашества Гнѣвковскаго Князя Казиміра въ XIV, и Болеслава (Пустислава, Бусыслава) младшаго сына Мечиславова въ X вѣкѣ. Слѣды дани гроша Св. Петра видны уже были при Болеславѣ Храбромъ, а бритіе головы на подобіе монашескаго гуменца, былъ старинный обычай Славянъ и Сарматовъ.

Послѣ бѣгства Риксы и Казиміра, Польша сдѣлалась добычею внутреннихъ смутъ и безпорядковъ. Сѣмена междоусобія брошены были еще при слабомъ правленіи Мечислава II. Болеславъ Храбрый предвидѣлъ оныя; наслѣдникъ его не искоренилъ ихъ. Оказались двѣ противныя стороны: одна состояла изъ молодыхъ людей въ пользу Королевы и Нѣмцевъ, въ надеждѣ полученія богатства и милостей; другая изъ людей пожилыхъ, ненавистная первымъ изъ зависти. Богатые Графы,

наипаче предводившіе войскомъ или начальствовавшіе въ Королевскихъ замкахъ, хотѣли быть Удѣльными Владѣтелями, по примѣру Нѣмцевъ. Жившіе на границѣ надѣялись получить пособіе отъ сосѣдовъ Россіянъ, Ятвяговъ и проч. Утѣсненные поселяне выжидали только времени и предводителя, чтобъ отмстить владѣльцамъ своимъ за тяжкое рабство. Духовенство, обогащенное фундушами Королевскими и частныхъ людей, утратило духовную подчиненность. Въ таковомъ положеніи всѣхъ состояній, начались ужасы взаимныхъ насилій. Кто имѣлъ болѣе вѣса, пріятелей и высокомѣрія, тотъ болѣе набиралъ бродягъ, съ которыми нападалъ на чужую собственность, лишалъ оной законныхъ владѣльцевъ: а въ случаѣ сопротивленія или мести сихъ послѣднихъ, подобная же толпа являлась съ другой стороны—и кровопролитныя битвы были слѣдствіемъ ихъ распрей.

Сіи несчастія умножились отъ возмущенія поселянъ. Помня оказанныя имъ притѣсненія, одни изъ мести, другіе увлеченные примѣромъ дерзновеннѣйшихъ и какою-то общею заразою умовъ, оставивъ плугъ, начали умерщвлять владѣльцевъ. Окруживъ господскіе домы, они убивали женъ и дѣтей, въ нихъ оставшихся; видя же, что злодѣйства сіи оставались безъ наказанія, они присоединялись къ другимъ толпамъ черни; составивъ

родъ войска, избирали себѣ предводителя, и дерзали противиться вооруженнымъ владѣльцамъ. Если имъ удавалось одолѣвать, то умерщвляли ихъ, или дѣлали рабами, а имѣніе ихъ дѣлили между собою; если же не могли одолѣть силою, то насыщали свою месть сожиганіемъ домовъ и другими злодѣйствами. Многіе изъ нихъ, еще не позабывъ язычества, обращались къ оному: ибо находили въ немъ болѣе поводовъ къ разврату и необузданности и болѣе правъ къ расхищенію Церквей, противныхъ идоламъ. Разбои, грабежи, смертоубійства усиливались повсюду. Дѣвицы и жены не избѣгали насилія. Храмы Божіи подвергались разоренію, Епископы и прочее духовенство мукамъ; однимъ отсѣкали головы, другихъ побивали каменьями; иные должны были искать спасенія въ лѣсахъ. Многіе города, села, дворы обращены неистовою чернью въ пепелъ; словомъ въ теченіе немногаго времени вся Польша едва не обратилась въ дикую пустыню.

Къ внутреннимъ смутамъ присоединились набѣги сосѣдственныхъ народовъ. Новогородскій Князь Ярославъ, овладѣвъ Кіевомъ (58) по смерти брата своего Мстислава, опустошилъ (1039 г.) Подлясье и Мазовію. Богемскій Князь Бретиславъ вторгнулся въ Краковъ, разрушилъ городъ и овладѣлъ древними сокровищами Государей Польскихъ. Непріязнен-

ныя дѣйствія Чеховъ достигли даже до Гнѣзна, которое весьма отъ того пострадало. Множество поселянъ выведено изъ Польши въ Богемію. Въ то же время, какъ пишутъ Богемскіе лѣтописцы, увезено въ Прагу тѣло Св. Войцѣха; но Поляки увѣряютъ, что Чехи увезли тѣло не Св. Войцѣха, а брата его, блаженнаго Радина. Взятыя изъ Гнѣзненскихъ церквей сокровища: крестъ изъ чистаго золота, который двѣнадцать Священниковъ едва могли сдвинуть съ мѣста, при таковыя же доски, изъ коихъ самая большая была вѣсомъ въ 300 пудъ, и иныя драгоцѣнности, свидѣтельствуютъ о могуществѣ Болеслава Храбраго, утраченномъ безпутною и недостойною жизнію преемника его Мечислава II.

КАЗИМІРЪ I.

(1034—1058).

Такія бѣдствія заставили наконецъ народъ придти въ себя. Отправлены были три посольства: къ Папѣ, къ Императору и къ Казиміру и Риксѣ, съ жалобами на Богемскаго Князя Бретислава и на Прагскаго Епископа Севера. На Римскомъ престолѣ находился тогда извѣстный въ Церковной Исторіи молодостію и безпорядочною жизнію Венедиктъ IX. Онъ свѣдалъ о несправедливыхъ поступкахъ Богемцевъ. Въ Римѣ приготовляли тяжкое наказаніе для виновныхъ: опредѣлено было удалить Бретислава на три года отъ Княженія въ ссылку, а Севера послать въ монастырь на покаяніе. Но кончилось тѣмъ, что хищники оставлены были подъ церковнымъ запрещеніемъ дотолѣ, пока не возвратятъ взятаго у Поляковъ. Извиненія пословъ Бретислава, увѣрявшихъ, будто бы онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ по невѣдѣнію и по усердію, болѣе же всего посланныя Кардиналамъ деньги, были причиною, что Епископъ не подвергся никакому наказанію, а Богемскій Князь осво-

бодился отъ угрожавшей ему бѣды обязательствомъ создать монастырь въ Болеславѣ надъ Эльбою. Императоръ Генрихъ III Черный, преемникъ Конрада II (1040 г.), не задолго предъ тѣмъ умершаго, охотно принялъ Польское посольство, и имѣя неудовольствіе на Богемцевъ за то, что они участвовали въ мятежѣ языческихъ Лутичей, вступился за Поляковъ. Казиміръ въ совершенномъ уединеніи жилъ въ то время въ монастырѣ Брунвиллерскомъ или Леодійскомъ подъ именемъ Карла. Поляки, узнавъ о томъ отъ матери, привели его къ ней, и приглашали обоихъ возвратиться на тронъ. Мать отдала ему множество сокровищъ, взятыхъ ею въ Польшѣ, и послала его къ Императору Генриху III за коронами. Сей не только исполнилъ ея желаніе, но сверхъ того отправилъ къ Бретиславу приказаніе возвратить до послѣдняго шиллинга все, захваченное имъ у Поляковъ. Непокорность Бретислава заставила Императора собирать противъ него войско въ Саксоніи и Баваріи. Бретиславъ устоялъ противъ Нѣмцевъ, но не столь удачно дѣйствовалъ противъ Саксонцевъ и Баварцевъ. Императоръ самъ находился съ Баварцами, и тѣмъ болѣе могъ содѣйствовать Казиміру I. Давъ ему нѣсколько сотъ человѣкъ конницы, онъ отправилъ его въ Польшу. Саксонцы съ своей стороны сдѣлали ему также пособіе, и

поставили Казиміра I въ возможность прибыть благополучно на границы Польши.

Епископы, Вельможи и народъ, уставшій отъ мятежа, вышли во срѣтеніе Государю, привѣтствуя его пѣснію, какъ увѣряетъ Бѣльскій: „Здравствуй, здравствуй, Господине.“ (A witay że, witay Gospodynie!). Чеховъ выгнали изъ Силезіи, Славянскихъ Сѣверныхъ Князей на Поморьѣ привели въ повиновеніе, внутреннія крамолы прекращены, всеобщее спокойствіе возстановлено. Пойманные бунтовщики и злодѣи заплатили за сіе или жизнію или позорнымъ наказаніемъ.—Дѣятельное благоразуміе Казиміра въ сихъ важныхъ поступкахъ стяжало ему имя *Возстановителя Отечества*, но онъ болѣе извѣстенъ подъ ложнымъ названіемъ *Казиміра-монаха*. Его торжественное коронованіе въ Гнѣзнѣ упрочило спокойствіе Государства. Мудрый Король, явивъ совершенное забвеніе минувшихъ несчастій, для предупрежденія на будущее время безпорядковъ, издалъ строжайшій законъ противъ нарушителей тишины, грабителей и убійцъ. Западная Польша уже совершенно была спокойна, но въ Восточной ея части продолжались еще неустройства. Мечиславъ, (по свидѣтельству Мартина Галла, Кадлубка и Богуфала), Маславъ (по увѣренію Длугоша), или Моиславъ (какъ пишетъ Несторъ), бунтовавшій за Вислою, въ Мазовіи, не призна-

валъ сего Монарха. Высокомѣріе его возрастало по мѣрѣ подкрѣпленія силъ его бѣглыми мятежниками, и особенно Прусскими язычниками. Однакожъ Казиміръ I смирилъ его (1042 г.) съ помощію Нѣмцевъ и Россіянъ (59): Кіевскій Князь Ярославъ самъ съ своею дружиною явился на помощь Королю. Между тѣмъ Императоръ Генрихъ III принудилъ и Бретислава возвратить Польшѣ замки Силезскіе и другіе, находившіеся еще въ его владѣніи. Чехи повѣствуютъ, будто бы Поляки за возвращеніе Силезіи обязались ежегодно платить имъ нѣкоторую подать, но Польскіе писатели опровергаютъ таковое сказаніе, и свидѣтельство Чеховъ въ семъ отношеніи подлежитъ сомнѣнію. Позднѣйшіе дѣеписатели приписываютъ Казиміру I построеніе двухъ монастырей Бенедиктинскихъ, Тынецкаго въ Краковскомъ Воеводствѣ, и Любенскаго въ Силезіи. Что касается до послѣдняго изъ нихъ, то сіе можетъ быть истинно, но въ Тыцѣ Бенедиктинскій монастырь основанъ Болеславомъ Храбрымъ. Маславъ, пробывъ нѣкоторое время въ Пруссіи, вторгнулся опять въ Мазовію съ многочисленными толпами язычниковъ; но, побѣжденный, снова бѣжалъ въ Пруссію, и тамъ кончилъ жизнь на висѣлицѣ, бывъ посмѣшищемъ народа, который кричалъ ему: „ты мѣтилъ высоко, за то и висишь высоко.“ Побѣда надъ Маславомъ склонила и Пру-

саковъ къ платежу должной дани и къ послушанію, которое они сохраняли только до кончины Казиміра I.

Безпорядки, возникшіе въ Венгріи въ 1051 году, въ то время, когда Бела, Правитель Помераніи, зять Мечислава II, призванный съ семействомъ въ Венгрію братомъ своимъ Андреемъ, оставилъ Померанію, и помогалъ брату противъ Нѣмцевъ,—едва не произвели новой съ сими послѣдними войны. Уже Императоръ Генрихъ III готовился къ ней, но увѣрясь въ преданности къ себѣ Казиміра I, обратился въ Венгрію, куда и Казиміръ послалъ ему помощь.

Послѣднимъ дѣломъ Казиміра I было перенесеніе Бреславскаго Епископства изъ Ричины въ Бреславль (1054 г.); но сіе, какъ и многія другія распоряженія того времени по духовной части, подлежитъ сомнѣнію. Однакожь кажется, что Казиміръ I, искореняя язычество, былъ Возстановителемъ не только Отечества (60), но также и Епископскихъ каѳедръ и церковныхъ фундушей, пришедшихъ въ упадокъ отъ бывшихъ въ Польшѣ неустройствъ. Сему же Государю приписывается учрежденіе Кастеллановъ, и построеніе *Кастелловъ* или замковъ.

Сей знаменитый Король скончался 28 Ноября 1058 года.

Казиміръ I былъ высокаго роста, красивой и важной наружности; волосы имѣлъ густые, бороду длинную; былъ силенъ и крѣпокъ; въ одѣяніи наблюдалъ красоту и великолѣпіе.

БОЛЕСЛАВЪ II, СМѢЛЫЙ.

(1058—1080).

Болеславъ II Смѣлый, старшій сынъ Казиміра I, вступилъ на престолъ на шестнадцатомъ году возраста. Многіе сильные вельможи, желая воспользоваться симъ случаемъ, отклоняли коронованіе его подъ предлогомъ молодости, но съ истиннымъ намѣреніемъ изъ внутреннихъ смутъ извлечь для себя пользу. Дѣятельное попеченіе матери Короля, Доброгнѣвы, отвратило раздоръ, и Болеславъ, коронованный въ Гнѣзнѣ, мудрымъ своимъ правленіемъ явилъ себя достойнымъ трона.

Несогласіе между Венгерскимъ Королемъ Андреемъ и братомъ его Белою вовлекло Польшу въ войну съ Венграми. Бела, огорченный вступленіемъ на престолъ семилѣтняго дитяти Соломона послѣ брата своего Андрея, уѣхалъ въ Польшу и подговорилъ Болеслава II Смѣлаго (1061 г.) дать ему помощь противъ брата и союзныхъ съ нимъ Нѣмцевъ и Че-

ховъ. Сія война была весьма счастлива для Поляковъ. Престоломъ овладѣлъ Бела; Андрей же умеръ отъ ранъ и горести. Болеславъ II Смѣлый, осыпанный подарками, возвратился въ отечество (1062 г.), чтобъ противостать Чехамъ, которые вторгнулись въ Польшу и опустошили часть Силезіи. Богемскій Князь Вратиславъ питалъ особенное неудовольствіе противъ Болеслава II Смѣлаго за дарованіе убѣжища брату его Яроміру, бѣжавшему послѣ своего пораженія въ Польшу. Болеславъ II Смѣлый настигъ обремененныхъ добычею Чеховъ, окружилъ ихъ въ лѣсахъ войскомъ и засѣками; но Богемскій Князь Вратиславъ избѣгнулъ опасности, притворясь, будто бы желаетъ мира. Набѣги Прусаковъ не дозволили далѣе преслѣдовать Чеховъ. Болеславъ II Смѣлый, изгналъ Прусаковъ изъ предѣловъ Польши, и окружилъ замокъ Гродекъ, незадолго предъ тѣмъ вновь укрѣпленный. Не въ силахъ будучи взять его, онъ вторично обратился въ Моравію на Чеховъ, и, разоривъ оную, заключилъ съ Вратиславомъ миръ, съ условіемъ, чтобы убытки Поляковъ были вознаграждены, и чтобы Яроміръ спокойно оставался въ Польшѣ, гдѣ онъ и пробылъ до самой кончины Прагскаго Епископа Севера, послѣ котораго назначенъ былъ занять его должность. Богемская война, и отступленіе отъ Гродека содѣлали Прусскихъ язычниковъ еще дерзновеннѣе: гра-

бительства ихъ безпрестанно умножались. Король, для прекращенія сего своеволія, столь скрытно дѣйствовалъ противъ непріятелей, что они, ничего не зная, готовились переправляться чрезъ рѣку Сару въ Померанію. Весенняя вода затрудняла имъ переправу: варварскія толпы должны были ждать до утра; между тѣмъ Король, извѣщенный о томъ лазутчиками, подступивъ ближе, приказалъ своему войску пуститься вплавь чрезъ рѣку. Таковое неожиданное дѣйствіе встревожило Прусаковъ, между тѣмъ какъ непредусмотрительная смѣлость Короля подвергла воиновъ его опасности. Поляки, тяжело вооруженные, тонули во множествѣ. Прочіе, сбросивъ съ себя вооруженіе, доплыли до непріятелей и одержали побѣду, однакожъ не безъ чувствительнаго съ своей стороны урона. Съ того времени Польское войско начало вооружаться легче.—Сею побѣдою возстановлено спокойствіе въ странахъ, нынѣ Пруссіею называемыхъ, и Прусаки въ третій разъ обязались быть въ повиновеніи и платить дань.

Польша, обезпеченная съ Западной стороны отъ нападенія Чеховъ и Прусаковъ, начала помышлять о возвращеніи отъ Россіи владѣній, утраченныхъ Мечиславомъ II. Болеславъ I, пріобрѣтши Кіевъ и доставивъ великое Княженіе зятю своему, Туровскому Князю Святополку, ласкалъ себя надеждою содѣлать

Россію данницею своею; но войны Нѣмецкія, дѣйствія Новогородскаго Князя Ярослава, изгнаніе Святополка изъ Кіева и иныя обстоятельства, дѣлали весьма не прочною власть Польскаго Короля въ Россіи. Низость характера Мечислава II совершенно уничтожила мнѣніе о силѣ Польскихъ Государей; Казиміръ же I имѣлъ столько собственныхъ дѣлъ, что въ чужія никакъ не могъ мѣшаться, и, чрезъ родство съ Новогородскимъ Княземъ Ярославомъ, вынужденный искать его помощи противъ Мазовшанъ, не могъ помышлять о возвращеніи утраченныхъ Мечиславомъ II владѣній. Наконецъ кончина Ярослава, прежде Новогородскаго Князя, потомъ Великаго Князя Кіевскаго, возникшія между наслѣдниками его междоусобія при раздѣлѣ Государства, дали Болеславу II случай воевать Россію. Кіевскій Князь Изяславъ Ярославовичь, изгнанный Полоцкимъ Княземъ Всеславомъ, искалъ съ своими сыновьями помощи въ Польшѣ, а Болеславъ II подъ симъ предлогомъ намѣревался овладѣть частію Россіи. Онъ лично выступилъ съ войскомъ, которое шло тремя дорогами во всей готовности, опасаясь нечаяннаго нападенія. Всеславъ находился уже близь Бѣлагорода съ войскомъ, состоявшимъ изъ Кіевлянъ, Печенѣговъ и Половцевъ; но узнавъ о силѣ и готовности Короля къ бою и о приближеніи Мстислава съ передовыми отрядами,

не рѣшился итти далѣе, и, оставивъ обозъ, бѣжалъ тайно съ нѣсколькими преданными ему людьми въ Полоцкъ. Войско послѣдовало примѣру Всеслава и затворилось въ Кіевѣ. Городъ пришелъ въ смятеніе: измѣнники умышляли сдать Кіевъ; но боясь гнѣва Изяславова, обратились къ Святославу и Всеволоду съ просьбами о помощи, говоря, что ежели они не получатъ отъ нихъ скораго пособія, то зажгутъ городъ, и съ женами и дѣтьми своими бѣжатъ къ Цареградскому Императору. Князья, обнадеживъ Кіевлянъ, отправили къ Изяславу Посольство, предлагая ему миръ и старѣйшинство, ежели онъ прибудетъ въ городъ самъ, съ малымъ отрядомъ, безъ Поляковъ. Къ сему присовокупили они, что бѣжавшій въ Полоцкъ Всеславъ, помышляетъ уже не о побѣдахъ и пріобрѣтеніяхъ, но о собственномъ владѣніи и способахъ сохранить жизнь свою; что кромѣ его нѣтъ враговъ; что согласіе между братьями гораздо дороже кровопролитныхъ торжествъ.

Изяславъ, по совѣту Короля, отвѣчалъ на сіе посольство, что онъ прежде желаетъ удостовѣриться въ расположеніи къ нему Кіевлянъ. Между тѣмъ Король, опасаясь измѣны, оставивъ обозъ, самъ съ войскомъ, готовымъ къ бою, продолжалъ походъ, а Изяславова сына, Мстислава, съ отборнѣйшимъ отрядомъ послалъ впередъ къ городу. Впущен-

ный въ городъ Мстиславъ тотчасъ занялъ удобнѣйшія для защиты мѣста; потомъ схвативъ зачинщиковъ бунта и виновниковъ отцевскаго изгнанія, однихъ велѣлъ предать смерти, другихъ лишить зрѣнія, и всѣхъ прочихъ оковавъ страхомъ, увѣдомилъ отца и Короля, что столица успокоена. Тихо приближались они къ городу: граждане за семь миль встрѣтили Короля, и, вмѣстѣ съ Изяславомъ, ввели въ Кіевъ. Болеславъ, возвративъ Изяславу его Княженіе, отправилъ съ нимъ часть войска противъ Веслава, который, слыша о приближеніи брата, бѣжалъ и предоставилъ ему Полоцкъ. Изяславъ Полоцкое Княженіе отдалъ сыну своему Мстиславу, по смерти котораго, вскорѣ его постигшей, досталось оное Святополку, или, какъ свидѣтельствуютъ Русскія лѣтописи, Святополку-Михаилу (61).

Болеславъ, прекративъ замѣшательства въ Россіи, расположилъ свое войско въ окрестностяхъ Кіева, а самъ, увлеченный красотою мѣста и Русскихъ женъ, съ отборнѣйшимъ отрядомъ оставался въ городѣ. Изяславъ, во все время пребыванія Короля въ семъ городѣ, доставлялъ его войску пищу и одежду, надѣляя въ то же время подарками Короля и ближнихъ его, по достоинству каждаго.

Въ слѣдующемъ году Король пошелъ на Перемышльскую землю, покоренную Владимі-

ромъ еще при Мечиславѣ I. Неважныя мѣста и неукрѣпленные города взялъ онъ безъ затрудненія; но Перемышлемъ овладѣлъ не иначе какъ послѣ долговременной осады, и только голодомъ принудилъ оный къ сдачѣ. Въ семъ городѣ Гейза, сынъ Венгерскаго Короля Белы, обиженный Венгерскимъ Королемъ Соломономъ, которому съ братомъ уступилъ было тронъ по смерти отца, — просилъ заступленія Болеславова. Болеславъ II Смѣлый направилъ путь въ Венгрію и силою оружія водворилъ согласіе между братьями, назначивъ Соломону двѣ части Королевства, а Гейзѣ съ братомъ третью часть онаго. Отсюда возвратясь въ Перемышль, Болеславъ не переставалъ наблюдать за дѣйствіями Россіянъ, все еще безпокойныхъ. Возникшій между братьями новый раздоръ, вновь призывалъ его въ Кіевъ.

Русскіе Князья Всеволодъ и Святославъ возстали противъ брата своего Изяслава, который, не имѣя силъ противостоять имъ, бѣжалъ изъ Кіева въ Перемышль, а братья между тѣмъ овладѣли столицею (22 Марта 1073). Болеславъ II Смѣлый, наблюдая болѣе собственную пользу нежели выгоды изгнанника, распустилъ слухъ, будто бы идетъ на Кіевъ, а между тѣмъ покорялъ своей власти Волынь. Когда Изяславъ увидѣлъ, что даже сокровища, имъ привезенныя, нимало не помогли ему къ

возвращенію Княженія, что отправилъ сына своего къ Папѣ Григорію, а самъ поѣхалъ къ Императору Генриху IV. Сей послѣдній взялся быть посредникомъ, отправивъ посольство въ Кіевъ къ Всеволоду, брату Изяслава; но Посолъ его, Трирскій Духовный сановникъ Бурхардъ, свойственникъ Всеволода, забывъ объ Изяславѣ, думалъ только о выгодахъ Императора. Получивъ значительные дары для своего Государя, онъ склонилъ его къ супружеству съ Евпраксіею Всеволодовною. Обманутый Императоромъ Изяславъ бѣжалъ опять въ Польшу, когда увидѣлъ, что Болеславъ II Смѣлый, недовольный Императоромъ Генрихомъ, началъ преклоняться къ сторонѣ Саксонцевъ. Между тѣмъ въ Россіи Олегъ Святославовичь отнялъ у Всеволода Черниговъ, а Болеславъ II Смѣлый (1077 г.) подступалъ къ Кіеву. Побѣдивъ Всеволода, Король Польскій осадилъ городъ и голодомъ принудилъ оный къ сдачѣ. Въѣзжая въ столицу, окруженный вооруженными воинами, онъ ударилъ саблею въ златыя врата, для возобновленія слѣдовъ прадѣдовскаго меча. Войско его расположено было въ разныхъ частяхъ обширнаго города, съ запрещеніемъ, подъ строжайшимъ наказаніемъ, чинить обиды жителямъ, которые, чувствуя цѣну такой милости, принесли Королю безчисленные дары, щедро раздѣленные имъ между воинами, по заслугамъ каждаго.

Водворивъ въ городѣ тишину, онъ завелъ во всемъ надлежащій порядокъ: учредилъ денежную подать, распредѣлилъ снабженіе пищею, одеждою и всѣми потребностями, и, предоставивъ себѣ верховную власть, Изяслава наименовалъ Намѣстникомъ и Великимъ Княземъ Кіевскимъ. Сыновьямъ его отдалъ Княженія: Владиміру Смоленское, Святополку Полоцкое и Новогородское, Ярополку Вышегородское.

Болеславъ II стоялъ бы на ряду съ лучшими Государями Польскими, если бы то же счастіе, которое вознесло его на высшую степень величія и богатства, научило его, что на сей степени можно устоять только съ помощію добродѣтели. Король, намѣреваясь остаться въ Кіевѣ, имѣлъ въ виду не одно утвержденіе тишины въ ономъ, но и желаніе провести весело время въ городѣ, обиловавшемъ всѣми предметами роскоши, всѣми избытками торговли съ Греками, научившими Кіевлянъ жить пышно, со всею Азіатскою роскошью; особливо же привлекала Болеслава красота Россіянокъ. Подобно воинству Аннибала въ Капуѣ, Поляки полюбили Кіевскія прелести, прилѣпились къ онымъ, слабѣли духомъ и—утратили славу. Одна зима, проведенная въ Кіевѣ, совершенно перемѣнила и Короля и войско. Отъ избытка удовольствій угасъ воинственный духъ, исчезло повиновеніе; покоритель и завоеватель многихъ наро-

довъ дошелъ до такой степени разврата, что лучше бы ему было пасть отъ меча, нежели отъ мерзости страстей. Болеславъ, дотолѣ строгій исполнитель воинскаго порядка, доступный для всѣхъ и щедрый, сдѣлался низкимъ расточителемъ милостей для льстецовъ, одобрявшихъ гнусные его пороки. Онъ утопалъ въ пьянствѣ и тѣлесныхъ наслажденіяхъ, невидимый для своихъ воиновъ и неприступный для всѣхъ вообще. Военныя приказанія отдаваемы были женщинами; изъ мущинъ только тотъ могъ имѣть къ нему доступъ, кто умѣлъ изыскивать новыя, еще имъ неиспытанныя удовольствія. Сей образъ жизни былъ, отчасти, слѣдствіемъ обдуманнаго намѣренія Россіянъ, которые предвидѣли отъ того близкое паденіе и Короля и народа Польскаго. Богъ, наказуя его за развратную жизнь, допустилъ въ самой Польшѣ новыя несчастія, обратившія ее, такъ сказать, въ ничтожество.—Болеславъ II вездѣ и у всѣхъ пришелъ въ презрѣніе. Даже собственное его войско, раздѣлявшее съ нимъ всѣ пороки, возненавидѣло его. Самые низкіе льстецы осуждали въ немъ то, что считали для себя позволительнымъ (62).

Въ то время, когда Болеславъ II велъ себя такимъ образомъ въ Кіевѣ (63), подданные его въ Польшѣ, послѣдуя примѣру своего Государя, не видя надъ собою надзора и властей,

начали также развращаться. Короля и воиновъ его, оставившихъ тамъ женъ и дочерей, уже нѣсколько лѣтъ не было въ отечествѣ. Дѣвицы, оставленныя безъ присмотра, теряли нравственность. Супруги, обольщаемыя страстію, или принуждаемыя силою, или обманутыя ложными слухами о смерти мужей, расторгали священныя узы брака. Нѣкоторыя даже раздѣляли супружеское ложе съ собственными служителями и подданными. Но и во тмѣ общаго разврата являются иногда свѣтлые лучи чистой добродѣтели; такъ и въ сей народной порчѣ нравовъ, нашелся образецъ вѣры и нравственности. Маргарита, жена Николая Стременца, владѣльца села Зембоцина, не далеко отъ Прошовицъ, видя разстилаемыя повсюду сѣти противъ невинности, съ двумя своими сестрами скрылась на башнѣ Зембоцинской церкви; гдѣ и находилась до окончанія сихъ бѣдствій, питаясь тѣмъ, что родственники ея доставляли ей тайно. Къ несчастію сей примѣръ не нашелъ подражательницъ. Извѣстія о томъ смущали Польскихъ воиновъ въ Кіевѣ. Въ изступленіи ревности, они разсказывали другъ другу о претерпѣваемыхъ ихъ семействами посрамленіяхъ, и совѣтовались, что дѣлать; ропотъ и жалобы стали доходить до слуха Болеслава; но трудно было безъ Королевскаго дозволенія оставить городъ. Утопая въ удовольствіяхъ,

не допуская къ себѣ никого, Болеславъ откладывалъ дозволеніе или не хотѣлъ дать его; наконецъ нашлись многіе, кои, предпочитая домашнія дѣла строгости наказанія, рѣшились удалиться самовольно. Сей примѣръ увлекъ за собою другихъ, такъ что Король остался въ Кіевѣ только съ тѣми, кои или не имѣли въ Польшѣ ни помѣстій, ни родства, или еще очарованы были прелестями Кіевлянокъ.

Съ возвращеніемъ въ Польшу осрамленнаго войска, мужья силою начали отыскивать права свои, которыхъ не хотѣли имъ уступать гнусные похитители женъ ихъ. Отъ сего родились ссоры, нападенія и насилія. Невѣрныя супруги возставали противъ мужей, отъ страха ли наказанія или отъ привычки къ порочной жизни. Надобно было прибѣгать къ оружію, и въ нѣдрахъ отечества продолжать войну, съ честію оконченную внѣ онаго. Наконецъ мужья одержали верхъ, и погубивъ разными муками соблазнителей вмѣстѣ съ женами, кровію загладили семейный стыдъ, каковымъ сами себя покрыли за границею. Болеславъ II также возвратился въ Краковъ, похожій болѣе на бѣглеца, нежели на побѣдителя, и опасаясь, чтобы Россіяне, видя его безоружнымъ, не изгнали силою или не причинили ему какаго либо вреда. Возвращеніе его явило новое зрѣлище жестокостей.

Приказавъ захватить всѣхъ, бывшихъ поводомъ къ бѣгству изъ Кіева, онъ однихъ казнилъ, другихъ бросилъ въ тюрьму или лишилъ имущества; не простилъ и женщинамъ, уже примирившимся съ мужьями. Считая рожденныхъ въ отсутствіе ихъ дѣтей незаконными, онъ приказалъ бросать младенцевъ, а матерямъ ихъ кормить щенятъ (64).

Сей Государь, столь строго каравшій чужіе проступки, самъ отнюдь не гнушался всякаго рода пороками. Онъ гналъ безвинныхъ, отягощалъ народъ разнаго рода налогами, не наблюдалъ правды въ судахъ, бѣдныхъ не охранялъ отъ насилій, — занимался единственно любовными дѣлами и утопалъ въ роскоши. Лѣтописи того времени, упомянувъ съ похвалою о вышеприведенномъ добродѣтельномъ поступкѣ Маргариты Стременецъ, не забыли и безстыдной Христины, жены Шляхтича Мечислава, которую Болеславъ разлучилъ съ мужемъ, и не устыдился жить съ нею публично. Такой примѣръ истреблялъ въ Польшѣ прежній духъ народа: мужество и добродѣтель уступали мѣсто разврату, жестокости и подозрительности; въ дворянскихъ домахъ возникли раздоры, въ духовенствѣ оказались робость и малодушіе; поселяне явились злѣйшими врагами своихъ господъ. Къ довершенію

всего, Россіяне начали слагать съ себя зависимость отъ Польши.

Кіевская столица, освободившись отъ Поляковъ, содѣлалась немедленно ѳеатромъ новыхъ происшествій. Всеволодъ, негодуя на племянниковъ своихъ въ Черниговѣ, особливо же на Олега Святославича, умышлялъ на нихъ съ Изяславомъ; но когда сей палъ жертвою отъ руки одного изъ Олеговыхъ воиновъ, то Всеволодъ возсѣлъ на Кіевскій престолъ, удаливъ Ярополка Изяславича отъ наслѣдства и тѣмъ самымъ ослабивъ вліяніе Польши на Россію, между тѣмъ какъ Болеславъ II Смѣлый въ собственномъ Государствѣ былъ слишкомъ озабоченъ своими дѣлами.

Всѣ сіи событія не могли убѣдить Короля въ необходимости перемѣны поведенія; напротивъ того, онъ съ каждымъ днемъ дѣлался болѣе жестокимъ. Совѣты Вратислава, Богемскаго Князя, и сестры Свентохны на него не дѣйствовали; а Гнѣзненскій Архіепископъ Петръ Наленчь не имѣлъ твердости увѣщевать Короля. Но Станиславъ Щепановскій, Епископъ Краковскій, принялъ на себя сію смѣлую обязанность. Во время грубаго невѣжества Духовенство нерѣдко посредничествомъ своимъ прекращало угнѣтеніе народа; но жаль, что увлекаясь важностію своего званія, оно простирало иногда слишкомъ далеко духовную власть, которая всегда должна бы находиться

въ зависимости отъ властей свѣтскихъ.—Нельзя впрочемъ сказать о Епископѣ Станиславѣ, что онъ простеръ свою власть далѣе, нежели сколько онъ имѣлъ на то права по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Скромныя его увѣщанія не исправляли Короля. Епископъ вынужденъ былъ грозить ему клятвою, и наконецъ угрозу сію выполнилъ. Вспыльчивый Болеславъ II Смѣлый, не думая объ исправленіи, и пренебрегая симъ строгимъ церковнымъ наказаніемъ, умышлялъ пагубу невиннаго Епископа. Однажды, когда Св. Станиславъ въ Краковской церкви Св. Михаила совершалъ Литургію, Король съ бѣшенствомъ бросился туда съ толпою готовыхъ на злодѣяніе воиновъ. Но и они не дерзнули поднять рукъ на невиннаго Пастыря, и изъ почтенія или отъ ужаса пали ницъ на землю; Король, укоряя ихъ въ малодушіи, обнажилъ мечь свой, и бросившись къ алтарю, на которомъ совершалась безкровная Жертва и возсылалось теплое моленіе о прощеніи убійцъ, поразилъ его въ голову, и кровію его окропилъ стѣну; тогда воины схватили окровавленное тѣло и изрубили оное въ куски близъ церкви (8-го Маія 1079 г.).

Ужасное преступленіе сіе повлекло за собою и ужасныя послѣдствія. Св. Станиславъ не ставилъ себя выше Короля, подобно Папѣ Григорію VII, который, въ слѣдствіе сего,

отлучилъ отъ Церкви цѣлый народъ, а Короля лишилъ трона точно такъ какъ нѣкогда Императоры, и въ послѣдствіи преемники его лишали иныхъ Государей коронъ. Конечно Папскія клятвы не имѣли бы столь важныхъ послѣдствій, если бы вражды между Государями и ихъ вельможами не усиливали стороны Папской. Пришедшій въ ненависть Болеславъ II Смѣлый не могъ нигдѣ найти пристанища. Духовенство, вооруженное противъ него, возбуждало свѣтскихъ владѣльцевъ, между коими нашлись и такіе, которые въ ограниченіи Королевской власти усматривали собственныя свои выгоды. Подобно Генриху IV, Болеславъ II Смѣлый, послѣ отлученія отъ Церкви оставленный подданными своими, которые должны были бы сохранить ненарушимо свое подданство, принужденъ былъ бѣжать изъ Польши. Онъ употреблялъ всѣ способы поддержать власть свою; но всѣ его усилія остались тщетными. Удалившись въ Венгрію, онъ искалъ тамъ помощи для возвращенія себѣ короны, но Король Владиславъ, опасаясь гнѣва Григорія VII, не осмѣлился вступиться за убійцу.

Между тѣмъ на Польскій престолъ вступилъ братъ его, Владиславъ I Германъ, избранный, какъ кажется, вельможами и духовенствомъ, мимо Мечислава, двѣнадцатилѣтняго сына Болеслава II Смѣлаго. Но Влади-

славъ Германъ правилъ Государствомъ не въ качествѣ Короля, а какъ Князь: ибо Папа не соглашался дать ему Королевскаго титула, въ которомъ и прежніе Папы отказывали Польскимъ Государямъ, считая оный незаконно полученнымъ отъ Нѣмецкихъ Императоровъ.

Гдѣ и какъ Болеславъ II Смѣлый умеръ, не извѣстно. Одни пишутъ, что зараженный какимъ-то вередомъ, онъ впалъ въ бѣшенство и либо умеръ въ семъ припадкѣ, либо самъ себя лишилъ жизни 21 Марта 1080 года. Другіе увѣряютъ, что онъ на охотѣ упалъ съ лошади и былъ растерзанъ своими собаками. Иные утверждаютъ, что ушедши изъ Венгріи въ Каринтію въ нищенской одеждѣ, вступилъ тамъ въ монастырь, и провелъ остатокъ жизни въ услугахъ при монастырской кухнѣ, въ примѣрномъ покаяніи; еще нѣкоторые повѣствуютъ, что по совѣту Венгерскаго Короля Владислава онъ отправился въ Римъ, и получивъ отъ Папы разрѣшеніе, послѣдніе дни свои, по его назначенію, провелъ въ одеждѣ Черница.

Первыя сказанія, суть, вѣроятно, выдумки враговъ Королевскихъ и имъ подобныхъ, которые даже и Генриху IV отказали въ погребеніи. Вторыя не согласуются съ духомъ Болеслава II Смѣлаго; свѣдѣнія же о гробѣ его

въ Оссіяхъ (65), что въ Каринтіи, суть весьма сомнительны.

Великія дарованія Болеслава II Смѣлаго предсказывали Польшѣ славу временъ его Прадѣда; но необузданность страстей, жестокость и другіе пороки, вкоренившіеся въ немъ во время пребыванія его въ Кіевѣ, не только затмили добрыя качества сего Короля, но и всю Польшу погрузили въ великія бѣдствія.

ВЛАДИСЛАВЪ I ГЕРМАНЪ.

(1081—1102).

Междоцарствіе, бывшее послѣ бѣгства Болеслава II Смѣлаго, привело Польшу въ весьма затруднительное положеніе. Во всѣхъ концахъ Государства возникли грабежи и разбои, въ тѣ времена обыкновенные; сосѣдніе же народы старались заблаговременно извлекать изъ таковыхъ обстоятельствъ собственную выгоду. Россійскій Теребовльскій Князь Василько Ростиславовичь опустошалъ границы Польши, а Венгерцы (1081 г.) овладѣли Краковомъ.

Внутреннія смятенія склонили Государственные Чины просить Владислава I, брата Болеслава II, принять бразды правленія. Однимъ изъ первыхъ его попеченій было успо-

коить Государство и прекратить разбои и грабежи. Происшедшія тогда въ Венгріи замѣшательства отвлекли Венгерцевъ отъ Польши, но малодушный Владиславъ I не явилъ себя способнымъ къ правленію въ такихъ обстоятельствахъ, въ каковыхъ Польша тогда находилась.

Его супружество съ Іудиѳью (1083 г.), дочерью Богемскаго Князя Вратислава; возвращеніе племянника Мечислава съ товарищами, бѣжавшихъ съ несчастнымъ Болеславомъ II въ Венгрію; заточеніе въ монастырь, въ Саксоніи, побочнаго сына Збигнѣва; рожденіе сына законнаго, Болеслава Кривоустаго, — всѣ сіи событія казались быть залогомъ царствованія безмятежнаго; но разныя несчастія, одно за другимъ, уничтожили всѣ пріобрѣтенія Болеслава II.

Императоръ Генрихъ IV (1086 г.) нуждался въ помощи Чеховъ для поддержанія себя на тронѣ, который оспоривали у него Саксонскіе Герцоги, и далъ титулъ Короля Богеміи и Польши Богемскому Князю Вратиславу, руководствуясь въ семъ случаѣ извѣстною мнимою Императорскою властію, которая будто бы распространялась на весь міръ. Малодушный Владиславъ I Германъ не употреблялъ Королевскаго титула или потому, что оный не признанъ былъ Папами и что онъ самъ еще не былъ коронованъ, или страшась воз-

вращенія брата, или наконецъ по другой какой причинѣ; довольно того, что онъ былъ причиною паденія Государства и короны. Хотя Императорскія опредѣленія уже и въ то время считались ничтожными, хотя Владиславъ I Германъ (1088 г.), по кончинѣ первой своей супруги, вошелъ въ родство съ Императоромъ, женясь на его сестрѣ Іудиѳѣ, вдовѣ Венгерскаго Короля Соломона, однакожь изъ самыхъ сихъ обстоятельствъ по смерти Вратислава возникли войны и неудовольствія съ сыномъ сего послѣдняго, Бретиславомъ.

Смерть Мечислава, сына Болеслава II, дала поводъ къ совершенному отпаденію Россіи (66). Онъ палъ жертвою тѣхъ, кои опасались его мщенія за изгнаніе отца его; Мечиславъ же, женясь на Евдоксіи (67) Изяславовнѣ, снискалъ общую любовь, и тѣмъ усиливалъ власть свою въ Россіи. Неизвѣстно участвовалъ ли въ семъ преступленіи Владиславъ I Германъ; достовѣрно лишь то., что онъ взиралъ весьма равнодушно на дѣйствія Россіянъ.

Безпрерывныя войны съ Поморянами и Чехами (1091—1095) отклоняли вниманіе Владислава I Германа отъ другихъ предметовъ; но вскорѣ возгорѣлась въ Польшѣ междоусобная война и отъ собственной его вины. Поляки въ ратномъ строѣ привыкли находиться подъ предводительствомъ самихъ Королей. Малодушный Владиславъ I Германъ, вмѣсто

себя, поручалъ начальство надъ войскомъ Гетману или Воеводѣ своему Сецѣху. Пользуясь довѣренностію Государя, онъ имѣлъ власть неограниченную. Сіе вооружило противъ него многихъ вельможъ, которыхъ онъ притѣснялъ какъ временщикъ. Многіе, не перенося гоненій, сами оставляли отечество, и еще большее число ихъ было изгоняемо. Они скоплялись въ Богеміи и Саксоніи. Богемскій Князь Бретиславъ, опустошившій Силезію (1092 г.), охотно принималъ ихъ и совѣтовалъ имъ искать правосудія силою. Съ общаго согласія призвали въ Бреславль Збигнѣва, побочнаго сына Владислава I Германа, гдѣ онъ былъ принятъ тамошнимъ Правителемъ Магнусомъ, врагомъ Сецѣха, съ намѣреніемъ принудить Короля удалить его отъ себя. Но Владиславъ I Германъ вступился за своего любимца. Чехи вторгнулись въ Силезію и начали свирѣпствовать огнемъ и мечемъ. Однакожь вскорѣ заключенъ съ ними миръ при посредствѣ Венгерскаго Короля Владислава въ то самое время, когда объявленъ былъ общій Крестовый походъ противъ Сарациновъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Владиславъ I, кажется, призналъ Збигнѣва (68) сыномъ своимъ и отдалъ ему Силезію, а Графство Глацское уступилъ, въ видѣ награды, Болеславу. Сіе было началомъ раздора. Вторичный бунтъ Збигнѣва, осада Бреславля, сдача онаго Магнусомъ, бѣгство Збигнѣва

въ Крушвицу, разрушеніе сего города, бывшаго нѣкогда столичнымъ, — всѣ сіи событія были несчастными слѣдствіями неспособности къ правленію Владислава I Германа, и причиною того, что между тѣмъ внѣшнія обстоятельства упускаемы были изъ вида. Россійскіе Князья спорили другъ съ другомъ за Кіевъ, подобно какъ въ послѣдствіи Польскіе за Краковъ. Побѣжденные требовали помощи Поляковъ. Кіевскій Князь Святополкъ съ Давидомъ Игоревичемъ Владимірскимъ ослѣпили Теребовльскаго Князя Василька. Злодѣи, страшась мщенія, скрылись въ Польшѣ (69). Владиславъ Германъ приступилъ было къ Брестy Литовскому, но, ничего не сдѣлавъ, возвратился въ Гнѣзно. Поморяне, узнавъ о малодушіи Владислава Германа, возобновили свои нападенія (1102); сверхъ того назначеніе сыновьямъ Удѣловъ, вліяніе Сецѣха въ правленіе, ненависть его къ наслѣдникамъ Государя, происшедшіе отъ того раздоры и наконецъ междоусобія между отцемъ и сыновьями, весьма сильно дѣйствовали на упадокъ Государства. Въ сихъ обстоятельствахъ Венгерцы въ первый разъ вмѣшались въ дѣла Россіи. Венгерскій Король Коломанъ, по просьбѣ Святополка, осадилъ Перемышль, но, претерпѣвъ нечаянное пораженіе отъ Половцевъ, едва успѣлъ спастись. Скоро послѣ того Россіяне начали дѣлать нападенія на Польшу даже за Вислою,

и ограбивъ нѣкоторыя мѣста, думали уже возвращаться съ добычею; но юный Болеславъ догналъ ихъ и побѣдилъ.

После сей, одержанной Болеславомъ побѣды, Владиславъ, который уже давно по болѣзни и по слабости здоровья почти никуда не выѣзжалъ, скончался въ Плоцкѣ 5 Іюня (1102 г.). Нѣкоторые, полагаясь на свидѣтельство Длугоша, думаютъ, что онъ лишился жизни отъ яда, даннаго ему недостойнымъ сыномъ Збигнѣвомъ. Владиславъ жилъ 59 лѣтъ, правилъ Государствомъ 21 годъ. Отъ перваго супружества съ Іудиѳью Богемскою онъ оставилъ сына Болеслава, прозваннаго Кривоустымъ, по неправильности губъ, испорченныхъ въ дѣтствѣ болѣзнію; отъ второй супруги, также Іудиѳи, дочери Императора Генриха III, и вдовы Венгерскаго Короля Соломона, имѣлъ трехъ дочерей. Изъ нихъ одна была въ супружествѣ за какимъ то Россійскимъ Княземъ, другая вышла за одного изъ Польскихъ вельможъ, третья находилась въ монастырѣ. Лѣтописи не сохранили именъ ни ихъ, ни мужей. Владиславъ былъ нрава кроткаго, непамятозлобиваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченныхъ способностей, въ предпріятіяхъ слабъ, лѣнивъ, слѣдовалъ по большей части внушеніямъ другихъ. Онъ не любилъ войны, а начавъ, не умѣлъ продолжать. Походы на Поморянъ и удержаніе ихъ въ за-

висимости слѣдуетъ приписать болѣе счастію нежели мужеству его. Нерадѣніе о Россійскихъ областяхъ дало поводъ Князьямъ не только отказаться отъ дани, которую они платили Польшѣ со времени Болеслава Храбраго, но и совсѣмъ уклониться отъ повиновенія и даже дѣлать набѣги на Польшу. Излишняя любовь его къ сыну Збигнѣву родила междоусобіе, возобновившееся потомъ отъ раздѣленія Государства между имъ и Болеславомъ. Польша въ XI вѣкѣ испытала тѣ же несчастія, какія были во Франціи и Германіи во время слабыхъ Карломановъ, въ IX и X вѣкахъ, когда сыновья поднимали оружіе противъ отцевъ за раздѣлъ владѣній. Подозрѣніе, падающее на Владислава Германа, будто бы онъ отравилъ племянника своего Мечислава, безславитъ память его. Богуфалъ приписываетъ сему Королю основаніе Каѳедральной церкви въ Краковскомъ замкѣ, во имя Св. Вацлава, также учрежденіе при оной 24 Каноническихъ мѣстъ для избранія Епископа, которое въ прежнія времена происходило въ собраніяхъ Духовенства и зависѣло отъ онаго.

БОЛЕСЛАВЪ III, КРИВОУСТЫЙ.

(1102—1139).

Въ началѣ своего царствованія Болеславъ III Кривоустый имѣлъ болѣе дѣла съ внутренними врагами, нежели съ чужеземными. Единокровный братъ его Збигнѣвъ, сдѣлавшись Княземъ части Государства (т. е. Мазовіи), и будучи недоброжелателемъ Болеслава III, неоднократно возставалъ противъ своихъ соотечественниковъ, приставая то къ Чехамъ, то къ Прусакамъ и Поморянамъ. По его наущенію возгаралісь войны съ Чехами, Помераніею и Пруссіею. Раздоръ между Боривоемъ и Святополкомъ, Богемскими Князьями, возникшій по случаю раздѣла подарковъ Збигнѣва, далъ Полякамъ поводъ къ мести. Но предвидя близкую войну съ Поморянами, возженную тѣмъ же Збигнѣвомъ,—Король не могъ самъ предводительствовать войскомъ, которое имѣло двоякое назначеніе. Одну часть его Болеславъ оставилъ при себѣ, и разгласилъ будто думаетъ идти на Чеховъ, желая сею молвою обмануть Святополка и заставить его не заботиться о своей Моравіи: дѣйствительно же онъ намѣ-

ревался идти на Поморянъ; другую часть ввѣрилъ Зелиславу съ повелѣніемъ вступить въ Моравію, по направленію къ Ольмюцу. Сія часть Моравіи принадлежала Святополку. Походъ его былъ такъ стремителенъ, что не смотря на сильную стужу, Зелиславъ выступилъ съ войскомъ, раздѣленнымъ на три отряда, и въ весьма короткое время опустошилъ Моравію огнемъ и мечемъ. Хищники брали все, что могли взять; а поселянъ отсылали въ Польшу на жительство. Нѣсколько времени не примѣтно было сопротивленія со стороны туземцевъ: ибо Святополкъ, занятый войною въ Богеміи, и обманутый молвою, что Польское оружіе имѣло совсѣмъ иную цѣль, не думалъ о безопасности Моравіи. Но вторженіе Поляковъ въ сію область заставило его принять быстрыя мѣры: съ великою поспѣшностію набрано было войско. Зелиславъ обремененный добычею, уже приближался на обратномъ пути къ границамъ, когда узналъ отъ лазутчиковъ, что Святополкъ его преслѣдуетъ. Гетманъ остановился, и пославъ больныхъ, плѣнныхъ и всю добычу впередъ, самъ съ войскомъ готовымъ къ битвѣ устремился назадъ, и послѣ суточнаго похода, изготовился къ бою. Моравскія знамена не замедлили явиться. Сраженіе длилось съ утра до вечера, пока обѣ стороны, считавшія себя побѣжденными, не были разлучены мракомъ

ночи. Поляки, потерявъ много людей, вознаградили ихъ множествомъ плѣнныхъ. Храбрый Зелиславъ лишился руки въ бою; но умѣлъ отмстить за себя, умертвивъ лѣвою рукою того Моравца, который отсѣкъ ему правую. Болеславъ, въ награду подвиговъ Зелислава, сверхъ многихъ знаковъ своей милости, подарилъ ему вылитую изъ золота руку.

Между тѣмъ Померанія была покорена. Колобреги и другіе города взялъ самъ Болеславъ, и пошелъ въ Моравію, для довершенія мести надъ Чехами. Оттуда онъ возвратился опять въ Померанію, для прекращенія возникшихъ тамъ замѣшательствъ. Поморяне, пребывая въ грубомъ язычествѣ, еще не имѣли тогда собственнаго Князя, но селились близъ многолюднѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ, и признавали надъ собою власть частныхъ владѣльцевъ, коихъ избирали сами и въ военачальники въ случаѣ войны. Сильнѣйшій изъ таковыхъ владѣтелей, Святиборъ, бывшій, кажется, въ свойствѣ съ Болеславомъ III Кривоустымъ, по женѣ своей, дочери Владислава Германа, хотѣлъ основать здѣсь удѣльное Княженіе. Поморяне схватили его и заключили въ темницу (1105 г.), подъ предлогомъ его нестерпимой жестокости. Болеславъ III Кривоустый вступился за него, но болѣе для того, чтобы упрочить свое владычество, нежели для освобожденія вѣроломнаго Святибора (1106 г.).

Въ сей войнѣ прославился Скарбиміръ взятіемъ Бытомля и богатой добычи. Но Поморяне, предувѣдомленные братомъ Короля, Збигнѣвомъ, немедленно по уходѣ Скарбиміра сами вошли въ Польскія границы, выжгли волости, и наконецъ въ числѣ трехъ тысячь вооруженныхъ воиновъ подступили къ селенію, гдѣ Король забавлялся охотою. Случилось, что Болеславъ съ осмидесятью вооруженными охотниками находился въ ближнемъ лѣсу и тамъ онъ встрѣтился съ Поморянами. Мужественный Государь не устрашился ихъ множества. Давъ приказаніе окружавшимъ его людямъ не оставлять его въ семъ опасномъ случаѣ, онъ первый съ обнаженною саблею бросился на враговъ. Храбрость и отчаяніе открыли Королю путь чрезъ ихъ ряды; но онъ думалъ о побѣдѣ, а не о бѣгствѣ. Обратившись назадъ, онъ снова бросился на непріятелей, и снова прорѣзался сквозь ихъ толпы. При немъ оставалось уже только пять человѣкъ; Скарбиміръ, сражавшійся съ другой стороны, уже не былъ виденъ; не смотря на сіе, онъ рѣшился еще однажды напасть на язычниковъ, которыхъ число значительно уменьшилось: одинъ Полякъ разилъ ихъ по нѣскольку вдругъ. Подъ Королемъ убили лошадь, и прежде нежели одинъ изъ оставшихся при немъ пяти всадниковъ успѣлъ подать ему другую, онъ былъ

окруженъ непріятелями и долженъ былъ сражаться пѣшій. Тутъ подоспѣлъ къ нему на помощь Скарбиміръ, покрытый ранами и лишенный глаза, съ тридцатью равно израненными и утомленными битвою товарищами. Поморяне, опасаясь, чтобы не явилось ихъ еще болѣе, начали разсыпаться. И дѣйствительно, охотники, увѣдомленные объ опасности, въ каковой находился Король, мгновенно бросились на его защиту; но были встрѣчены Болеславомъ, который уже возвращался съ мѣста побоища съ веселіемъ на лицѣ. Молва о семъ происшествіи разнеслась по всей Польшѣ; всѣ радовались спасенію Короля: нѣкоторые однакожь, видя раны его, совѣтовали ему не подвергаться безъ нужды опасностямъ, могущимъ навлечь бѣдствія для всего Государства. Тогда же опредѣлено начать войну съ Поморянами. Собрали войско, призвали на помощь союзныхъ Россіянъ на основаніи договора съ Святополкомъ, и сверхъ того наняли Венгерцевъ. Но возникшія въ Богеміи безпокойства, заставили раздѣлить сіе войско на двѣ части.

Причиною тому была вражда Боривоя съ Святополкомъ. Боривой и младшій братъ его Собѣславъ уѣхали въ Польшу, испытавъ невѣрность Святополка, который по сему случаю возобновилъ грабежи въ Силезіи подъ предлогомъ мести за данное братьямъ убѣжище,

но въ самомъ дѣлѣ по наущенію Збигнѣва, который не преставалъ возбуждать и Чеховъ и Поморянъ противъ брата своего Болеслава III Кривоустаго. Болеславъ, видя себя въ столь затруднительномъ положеніи, ввѣрилъ одну часть войска Скарбиміру для усмиренія Поморянъ, а съ другою, подъ собственнымъ предводительствомъ, двинулся къ лѣсамъ Шумавскимъ, отдѣляющимъ Силезію отъ Богеміи, гдѣ думалъ встрѣтить готоваго къ бою Святополка. Но сіе движеніе Польской рати оказалось напраснымъ. Святополкъ, освѣдомясь о походѣ Болеслава, отвлеченный важнѣйшими обстоятельствами въ мятежной Богеміи, или не желая сразиться съ Королемъ,—пробылъ нѣкоторое время въ своихъ лѣсахъ, и бѣжалъ въ Богемію. Болеславъ счелъ не приличнымъ преслѣдовать бѣглеца: онъ удовольствовался разореніемъ волостей и взятіемъ плѣнниковъ на пути къ замку Козле. Сія крѣпость находится въ Опольскомъ Княжествѣ, въ Силезіи, близъ Моравіи, и обезпечена болѣе естественнымъ своимъ положеніемъ, нежели искусствомъ: рѣка Одеръ, разливаясь по низменнымъ мѣстамъ, образуетъ кругомъ болота, которыя дѣлаютъ ее неприступною. Неосторожность Кастеллана была причиною потери сей крѣпости. Болеславъ хотѣлъ уже итти въ Померанію; но опасаясь, чтобы въ его отсутствіе не овладѣли симъ

замкомъ Поморяне или Чехи и не вздумали выстроить тамъ другую крѣпость, рѣшился самъ основать таковую. Для совершенія сей работы нужно было много людей. Королевское войско уменшилось пособіемъ, даннымъ Венгерскому Князю Альмусу, брату Коломана. Сей несчастный Князь, боясь жестокости Короля, бѣжалъ прежде въ Германію, а оттуда въ Польшу. Послѣ бѣгства Святополка съ Чехами, Болеславъ, не желая оставлять войско въ бездѣйствіи, отдалъ часть онаго, прежде похода къ Козле, Альмусу, съ присланными отъ Коломана Венгерцами, и приказалъ ему защищать силою права свои предъ братомъ. Болеславу извѣстна была злоба Збигнѣва, который недавно еще, вопреки дружескимъ увѣреніямъ и клятвѣ, хотѣлъ лишить его жизни руками наемныхъ Поморянъ. Но великодушный Болеславъ желалъ имѣть яснѣйшія доказательства вѣроломства своего брата. Онъ отправилъ къ нему пословъ съ приглашеніемъ принять участіе въ работѣ. Мятежный братъ не только не далъ помощи Королю, но даже, нарушая самыя права народныя, оковалъ цѣпями Королевскихъ посланныхъ. Не довольствуясь симъ, онъ далъ полную свободу своей зависти и гордости; возбуждалъ противъ него Нѣмцевъ, Чеховъ и Поморянъ, и отклонялъ сихъ послѣднихъ отъ повиновенія. Намѣреніе Збигнѣва было изгнать

Болеслава изъ Польши и быть самому Королемъ. Отстроивъ какъ можно поспѣшнѣе Козленскій замокъ, Болеславъ обратился къ Помераніи, откуда онъ намѣревался наблюдать за дѣйствіями варваровъ и Збигнѣва, собиравшаго на него войско. Между тѣмъ Скарбиміръ имѣлъ успѣхи въ Помераніи. Крамольное знамя Збигнѣва развѣвалось уже только въ одномъ Бѣлгородѣ, къ осадѣ котораго прибылъ самъ Король. Расположивъ войско около крѣпости, онъ самъ распоряжалъ осадою: велѣлъ строить мосты, дѣлать окопы; для охраненія выстроены башни съ складными мостами, приготовлены стѣнобитныя орудія. Работы были не продолжительны: приступлено къ осадѣ. Непріятель разилъ осаждавшихъ каменьями, кипящею смолою и всѣмъ, что смѣлость, отчаяніе и гнѣвъ могли придумать. Когда уже стѣны были повреждены, Болеславъ окружилъ городъ густыми рядами стрѣльцевъ какъ для прегражденія пути изъ города, такъ и для пособія своимъ воинамъ, уже готовымъ вторгнуться въ оный. Король, предводительствуя избраннымъ воинствомъ, самъ двинулся впередъ со щитомъ надъ головою и съ сѣкирою въ рукѣ, и разрушивъ часть воротъ, вошелъ въ городъ. Воинство бросилось въ слѣдъ за Королемъ, очищая себѣ путь мечами: между тѣмъ стѣны пали съ трехъ сторонъ, и городъ сдѣлался добычею побѣдителей. — Умѣренный въ сча-

стіи, Болеславъ помнилъ, что непріятелей и язычниковъ надобно сдѣлать своими подданными и Христіанами. Онъ прекратилъ неистовство разъяреннаго войска, смягчась отчаяніемъ жителей, молившихъ его о пощадѣ съ женами и дѣтьми. Осудивъ сами себя на казнь, они получили прощеніе. Каждой гражданинъ остался при своемъ имуществѣ и при прежнихъ правахъ.

После сей побѣды Болеславъ III Кривоустый углубился въ Померанію, тогда какъ несогласія Генриха, Короля Оботритовъ, или Славянскихъ земель между Эльбою и Одеромъ, съ своими подданными язычниками, представляли возможность перейти за Одеръ и возвратить утраченныя Прадѣдомъ его, Мечиславомъ II, области. Генрихъ, не любимый народомъ, и по одной необходимости бывшій въ зависимости у Саксонскаго Князя Магнуса, не могъ воспрепятствовать переправѣ Поляковъ. Они осадили Штетинъ и завоевали прилежащія къ морю области. Въ Чарнковѣ противосталъ Полякамъ Гнѣвоміръ; но счастіе служило Болеславу III. Государь Польскій, простивъ побѣжденнаго, предложилъ ему принять Св. крещеніе. Гнѣвоміръ исполнилъ желаніе Короля и крестился со всѣмъ своимъ народомъ. Его послушаніе не осталось безъ награды: онъ получилъ обратно свои владѣ-

нія и сверхъ того начальство надъ частію новопріобрѣтенной земли.

Временное спокойствіе въ Помераніи дало Болеславу возможность думать о средствахъ къ усмиренію Збигнѣва. Оскорбленія, недавно имъ нанесенныя Княжескимъ посламъ, отказъ въ пособіи для исправленія замка Козле, и разнесшійся слухъ, что по выходѣ Короля изъ Помераніи, сей клятвопреступникъ снова волновалъ умы Поморянъ, Пруссовъ и Чеховъ, убѣдили наконецъ Болеслава въ необходимости рѣшить участь Збигнѣва. Собравъ Совѣтъ, Король предложилъ оному всѣ поступки брата своего противъ него и противъ Государства, требуя, чтобы столь явныя злодѣйства были и наказаны по приговору публичному. Обвиняли Збигнѣва въ томъ, что онъ, во вредъ брату и всему Государству, не только внушеніями, но и незаконными союзами, деньгами, подарками, и обѣщаніями, возбуждалъ умы враговъ Польши; что во время войны онъ помогалъ непріятелямъ и войскомъ и совѣтами, и дозволялъ имъ скрываться въ своемъ удѣлѣ; что передавалъ имъ всѣ тайны и намѣренія Польскаго Двора; что плѣнныхъ Поморянъ, заключенныхъ въ крѣпостяхъ брата, продавалъ, а находившихся въ его удѣлѣ, отпускалъ безъ выкупа; что похищенною у Поляковъ Чехами и Поморянами добычею, дѣлился съ ними, какъ участникъ ихъ хищниче-

ства; что всякой разъ, когда Болеславъ вынужденъ былъ воевать съ Чехами, либо съ Поморянами, онъ, пользуясь затруднительными обстоятельствами брата, возбуждалъ противъ него новыхъ непріятелей. Удостовѣрясь въ истинѣ сихъ обвиненій перехваченными письмами и другими доводами, Совѣтъ положилъ употребить всѣ силы къ усмиренію сего врага Отечества, не терпѣть его болѣе въ Государствѣ, лишить его Удѣла и тѣмъ избавить народъ отъ сей язвы. Король и Совѣтъ къ скорѣйшему приведенію въ исполненіе таковаго положенія побуждены были молвою, будто Збигнѣвъ въ Помераніи и Богеміи принималъ новыя мѣры, съ намѣреніемъ напасть на Отечество вдругъ съ трехъ сторонъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Болеславъ увидѣлъ себя въ самомъ затруднительномъ положеніи: онъ не зналъ, куда ему прежде обратиться; наконецъ разсудилъ, вступивъ въ переговоры съ однимъ непріятелемъ, начать въ то же время войну съ другимъ; для умноженія же силъ своихъ нанялъ Венгерцевъ и союзныхъ Россіянъ.

Переговоры съ Чехами были успѣшны: для того, не обращая вниманія на Поморянъ, Болеславъ III Кривоустый обратился противъ Збигнѣва, который не довѣрялъ счастію, и ушелъ въ Мазовію съ намѣреніемъ просить пособія у Пруссаковъ. Болеславъ овладѣлъ Удѣ-

ломъ вѣроломнаго брата; но въ самое то время, когда хотѣлъ нанести ему рѣшительный ударъ, смягчился, и простивъ виновнаго, по ходатайству Кіевскаго Князя Святополка и Епископовъ, оставилъ ему Мазовію въ ленное владѣніе.

Около того же времени, когда Болеславъ находился въ Мазовіи, толпа Поморскихъ разбойниковъ, сдѣлавъ неожиданное вторженіе изъ Накла въ Спицимиръ, едва не лишила свободы и жизни престарѣлаго Гнѣзненскаго Архіепископа Мартина, прибывшаго туда для устройства духовныхъ дѣлъ съ Архидіакономъ Николаемъ. Поморяне, кромѣ древней вражды къ Полякамъ и жадности къ церковному богатству, имѣли и личное къ Архіепископу неудовольствіе за то, что онъ по важности своего сана и по общему почтенію могъ имѣть вліяніе на Государственныя дѣла, и ревнуя о обращеніи язычниковъ и правахъ Церкви, принуждалъ Поморянъ къ крещенію и платежу десятины. Всѣ скрытные противъ него замыслы доселѣ оставались безуспѣшными: и такъ рѣшились употребить насиліе. Мятежъ произошелъ при самомъ началѣ Богослуженія: малое число вѣрнаго народа въ церкви не въ силахъ было защищать своего пастыря; самые ближніе его, услышавъ шумъ, разбѣжались. Язычники схватили прежде Архидіакона, въ ужасѣ павшаго близъ алтаря, и при-

нявъ его, по богатому облаченію, за Архіепископа, требовали, чтобы онъ уничтожилъ законъ о десятинѣ; однакожъ не могли заставить его сдѣлать сіе, и только вынудили у него обѣщаніе уплатить имъ большую сумму денегъ; наконецъ посадили на возъ и увезли съ собою. Другіе изъ хищниковъ вломились въ Епископскій домъ и ограбили оный; наконецъ, радуясь богатой добычѣ и мысля, что самъ Архипастырь находится въ ихъ рукахъ, они поспѣшно удалились, дабы избѣгнуть погони за собою. Но Мартинъ, въ теченіе трехъ дней скрываясь подъ церковною крышею, остался невредимъ.

Едва уничтожены были Збигнѣвовы замыслы, какъ возгорѣлась Нѣмецкая война. Генрихъ V, Императоръ Нѣмецкій, намѣревался низложить съ трона Венгерскаго Короля Коломана. Сей, по праву союзника, требовалъ помощи отъ Болеслава III Кривоустаго. Супружество его съ Іудиѳью, дочерью Польскаго Монарха, получившею въ приданое Графство Спижское, утвердило союзъ между ими. Такимъ образомъ когда Императоръ Генрихъ V съ Богемскимъ Княземъ Святополкомъ вторгнулся въ Венгрію, въ то самое время Болеславъ III Кривоустый съ лишеннымъ короны Борживоемъ вступилъ въ Богемію.—Святополкъ, свѣдавъ о семъ движеніи Польскихъ войскъ, съ поспѣшностію возвратился въ Богемію: не на-

ходя уже тамъ Болеслава, онъ приписалъ опустошеніе Богеміи злоумышленію вельможъ, коимъ оставилъ ее въ управленіе, и одного изъ нихъ, Мунину, по доносу нѣкоего Вацка, лишилъ власти и казнилъ вмѣстѣ съ его сыновьями; также, по совѣту Императора, умертвилъ три тысячи непріязненныхъ себѣ Чеховъ и между прочимъ всю фамилію Версовичей. Только не многіе изъ оной бѣжали въ Польшу, гдѣ были обласканы Болеславомъ, получили обширныя земли, и назывались Равитами. Отсутствіе Святополка изъ Венгріи значительно ослабило силы Императора, и напротивъ возбудило надежду и мужество въ Коломанѣ. Нѣмецкіе Писатели свидѣтельствуютъ, что Генрихъ, потерявъ много времени въ пріобрѣтеніи Пресбурга, выжегъ только предмѣстія около крѣпости и опустошивъ земли между Дунаемъ и Вагомъ, возвратился съ маловажною корыстію и значительною потерею людей. Венгерскіе Историки, а за ними и Кромеръ, пишутъ, что сію войну безъ великаго кровопролитія кончилъ Генрихъ, склоненный къ тому дарами Коломана, и что Польскія войска возвратились въ отечество, не бывъ употреблены въ дѣло. Какъ бы то ни было, когда Болеславъ, заключивъ съ Коломаномъ союзъ, далъ ему вспомогательное войско, и потомъ, по отбытіи Святополка въ Венгрію, велъ въ Богемію Боривоя съ Собѣ-

славомъ: Императоръ Генрихъ, разгнѣванный на Поляковъ, предпринялъ противъ нихъ войну и обязался къ оной присягою. Прежде нежели сія война началась, Болеславъ, возвратясь изъ Богемскаго похода, узналъ къ горести своей о кончинѣ супруги своей Сбыславы и о новомъ возстаніи Поморянъ по наущенію Збигнѣва.

Императоръ, который клялся отмстить Болеславу III, вынужденъ былъ отложить войну до слѣдующаго года, между тѣмъ война съ Поморянами уже пылала. Чарнковскій владѣлецъ Гнѣвоміръ поднялъ знамя бунта; Збигнѣвъ, измѣнникъ брата, перешелъ при осадѣ Воллина ночью къ Поморянамъ, и съ ними напалъ на Королевскій станъ. Но бдительный Болеславъ, по обыкновенію, самъ наблюдалъ за ночною стражею; услышавъ шумъ, немедленно собралъ стражей и ударилъ на непріятелей сзади, между тѣмъ какъ въ станѣ встрѣтило ихъ уже готовое къ отраженію войско. Видя себя такимъ образомъ окруженными и думая, что попали въ приготовленную для нихъ сѣть, Поморяне рѣшились спасаться бѣгствомъ. Многіе изъ нихъ убиты; еще болѣе взято въ плѣнъ, и между сими послѣдними былъ самъ Збигнѣвъ. Въ слѣдующій день поутру Болеславъ созвалъ военный Совѣтъ, гдѣ каждый излагалъ свое мнѣніе о наказаніи измѣнника; но въ жестокости приго-

вора всѣхъ превзошелъ Сецѣхъ, недавно возвратившійся изъ изгнанія. Онъ признавалъ Збигнѣва достойнымъ жесточайшихъ мукъ, или жертвою неистовства народа, который долженъ разорвать его на части. По излишнему милосердію Государя, виновный и на сей разъ получилъ прощеніе и только былъ изгнанъ изъ Отечества. Збигнѣвъ отправился въ Богемію, потомъ къ Императору, котораго снова побуждалъ въ войнѣ съ Поляками. Взятіе Уисця и Воллина и казнь Гнѣвоміра успокоили часть Помераніи, а взятіе Накла обезпечило границу. Храбрость Болеслава III и Гетмана Скарбиміра подъ Накломъ доставили Полякамъ побѣду и восемь тысячъ плѣнныхъ.

Между тѣмъ приближалось время войны Нѣмецкой. Многочисленное войско Императора Генриха V набрано было изъ Саксоніи, Турингіи, Франконіи, Баваріи и Швабіи. Къ нему присоединился Святополкъ съ Чехами, и Генрихъ V, идучи съ столь грозными силами, домогался не только вознагражденія Святополка, но также возвращенія Збигнѣву половины Государства, и сверхъ того ежегоднаго платежа трехъ сотъ гривенъ или ежегоднаго доставленія трехъ сотъ вооруженныхъ всадниковъ. Императоръ приступилъ къ Любушу; взявъ оный двинулся къ Бытомлю надъ Одеромъ въ Силезіи (не вдалекѣ отъ Глогау).—

Осада Бытомля была неудачна для Императора, который съ того времени оказывалъ презрѣніе къ Збигнѣву, обѣщавшему ему удобное покореніе Польши. Отступаясь отъ части своихъ домогательствъ онъ послалъ къ Болеславу III слѣдующую вѣжливую грамоту: „Императоръ Генрихъ Князю Польскому да„руетъ милость и желаетъ здравія. Уважая „высокую добродѣтель твою, и внявъ совѣту „Князей народа моего, извѣщаю тебя, что я „удовольствуюсь тремя стами гривенъ, и спо„койно возвращусь въ свое Государство. Сего „довольно для славы моей и для утвержденія „между нами любви и мира. Но если не хо„чешь принять моего предложенія, то ожи„дай меня въ Краковѣ.“ Болеславъ отвѣтствовалъ Генриху безъ надменности и безъ униженія: „Болеславъ Князь Польскій Генриху „Императору желаетъ мира, но не за деньги. „Отъ Твоего Императорскаго Величества за„виситъ удалиться или остаться здѣсь. Что „касается до меня, то никакія угрозы не при„нудятъ меня сдѣлаться твоимъ данникомъ. „Скорѣе соглашусь лишиться Польскаго Госу„дарства, нежели управлять имъ въ безслав„номъ мирѣ.“

Послѣ сего отвѣта Императоръ Генрихъ V, отыскавъ мелкое мѣсто на Одерѣ, перешелъ рѣку, разсѣялъ отрядъ Поляковъ, заграждавшихъ ему путь, и двинулся къ Глогау.

Поляки тревожили его безпрестанными нападеніями, долго не допускали до самаго города, наконецъ онъ осадилъ его, дѣйствовалъ съ разныхъ сторонъ разрушительными орудіями, и, не смотря на мужество и храбрость осажденныхъ, довелъ ихъ до того, что опасаясь, въ случаѣ взятія города приступомъ, быть жертвою жестокости непріятеля, они обѣщали сдаться, если въ теченіе пяти дней не получатъ пособія отъ Болеслава. Императоръ, полагая ли, что Поляки не имѣютъ довольно мужества напасть на него, или потому, что отсрочка нужна была для него столько же, сколько и для жителей Глогау, согласился на ихъ желаніе и требовалъ заложниковъ. Глоговяне выслали къ непріятелю дѣтей знатнѣйшихъ фамилій, и взяли съ него клятву, что они будутъ возвращены. Между тѣмъ отправили къ Болеславу донесеніе о заключенномъ договорѣ и просили его спѣшить для спасенія города и своихъ подданныхъ.

Болеславъ остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Глогау въ лѣсахъ надъ Одеромъ, окруживъ себя для безопасности засѣками. По причинѣ уменьшенія числа войскъ своихъ послѣ Померанскаго похода, онъ не могъ рѣшиться напасть на Императорскія полчища, которыя были почти во сто разъ сильнѣе. Между тѣмъ, хваля мужество осажденныхъ, онъ также и грозилъ имъ, что если

они сдадутся Нѣмцамъ, то понесутъ отъ его меча тѣже бѣдствія, которыхъ ожидаютъ отъ непріятелей. Императоръ тщетно ожидалъ исполненія обѣщанія; наконецъ послалъ къ воротамъ избраннѣйшихъ воиновъ узнать о намѣреніи осажденныхъ, которые, вмѣсто отвѣта, начали стрѣлять въ нихъ, успѣвъ уже приготовиться къ отраженію непріятеля въ теченіе пяти срочныхъ дней: исправили поврежденыя стѣны и башни, и запасшись разными орудіями, въ чемъ участвовали самыя женщины. Генрихъ сдѣлалъ приступъ, и для большаго устрашенія гражданъ, приказалъ на крышахъ подвижныхъ стѣнъ, подъ защитою которыхъ Нѣмцы должны были подступать къ городу, привязать данныхъ ему отъ города заложниковъ, въ числѣ коихъ находился и сынъ градоначальника, такъ что осажденные должны были выстрѣлами своими разить своихъ единоземцевъ и родственниковъ. Но въ сердцахъ, любившихъ Отечество и Короля, онѣмѣлъ гласъ Природы, и жестокость Нѣмцевъ еще болѣе воспламеняла мужество осажденныхъ. Не внимая воплямъ невинныхъ дѣтей своихъ, они стрѣляли и въ непріятелей и въ своихъ. Смѣлые Нѣмцы, рѣшившіеся подступить ближе къ стѣнамъ, или старавшіеся влѣзть на оныя по лѣсницамъ, были побиваемы камнями, колодами съ гвоздями, или обливаемы кипяткомъ

и горящею смолою. Приступъ былъ повторяемъ нѣсколько дней и Генрихъ, дивясь мужеству врага, и претерпѣвъ большую потерю въ людяхъ, долженъ былъ отступить. Убитыхъ Чеховъ Святополкъ предалъ землѣ на поляхъ Глоговскихъ; Нѣмцы же своихъ вывезли за границу. Глоговяне остались для потомства примѣромъ мужества и вѣрности.

Между тѣмъ Болеславъ III безпрестанно тревожилъ войско Нѣмецкое. Онъ не давалъ ему покоя, нападая и днемъ и ночью; захватывалъ стражей; окруживъ оное своими отрядами, держалъ какъ бы въ осадѣ. Таковыя дѣйствія Болеслава снискали ему уваженіе даже въ непріятельскомъ станѣ, гдѣ, изъ ненависти къ Генриху, пѣли пѣсни въ похвалу Польскаго Государя. Императоръ приказалъ объявить, что за подобныя пѣсни назначается смертная казнь, и не видя возможности оставаться долѣе въ такомъ положеніи, послалъ Святюполка съ Чехами къ Бреславлю и противъ Поляковъ. Шедшіе къ Бреславлю побѣждены посланнымъ отъ Болеслава отрядомъ, другая же часть вскорѣ возвратилась въ Богемію, по смерти Святополка, убитаго измѣннически ночью отъ руки Ивана Цисты, по наущенію Гроецкаго Графа Вигберта. (Гроецъ въ Мисніи). Чехи, по причинѣ неустройства собственныхъ дѣлъ, не хотѣли находиться при Императорѣ; съ ними бѣжалъ

и Збигнѣвъ. Болеславъ III, видя ослабленіе силъ Императорскихъ, изъявилъ Генриху V расположеніе свое къ миру, но получивъ надменный отказъ, началъ еще сильнѣе дѣйствовать противъ Нѣмцевъ. Императоръ, оставивъ Глогау, обратился къ Бреславлю. Болеславъ III шелъ за нимъ, и подъ самымъ Бреславлемъ Нѣмцы претерпѣли жесточайшее пораженіе. Впрочемъ трудно рѣшить, произошло ли между ими сраженіе близъ Бреславля на *Песьемъ полѣ*, гдѣ нынѣ мѣстечко Песье-поле или *Гундсфельдъ*, или Императоръ безпрестанными нападеніями Поляковъ вынужденъ былъ бѣжать, потерявъ значительное число войска. Кадлубекъ, Богуфалъ и еще одинъ безъименный историкъ только упоминаютъ о сей битвѣ; Длугошъ описываетъ ее со всѣми подробностями. Мартинъ Галлъ и другіе современные Историки, писавшіе о Генрихѣ V, умалчиваютъ объ оной. Тѣмъ болѣе славы для Польскаго Государя, если онъ умѣлъ избавиться отъ непріятелей безъ битвы и нанесъ ему такія раны, какъ бы сражаясь съ нимъ въ полѣ. Однакожь народное преданіе въ Силезіи подтверждаетъ повѣсть о битвѣ, и отъ оной выводитъ названіе мѣста сраженія, Песье-поле, гдѣ будто бы псы влачили по полю трупы Нѣмцевъ, остававшихся безъ погребенія. Не можемъ не упомянуть здѣсь о происшествіи, которое доказываетъ высоко-

мѣріе и скупость Императора, и благородный образъ мыслей предка одной изъ знаменитыхъ Польскихъ фамилій. Императоръ надѣялся, что сдѣлаетъ Польскихъ пословъ подъ Глогау уступчивѣе, показавъ имъ неисчерпаемый источникъ способовъ его къ самой продолжительной войнѣ: онъ привелъ ихъ въ кладовую и, указавъ на груды золота и серебра, молвилъ: „вотъ мое оружіе, которое преподастъ мнѣ силы къ покоренію Поляковъ." Тогда одинъ изъ пословъ, Скарбекъ, снявъ съ своего пальца перстень, бросилъ оный въ Императорскіе сундуки, и сказалъ: „Пусть золото лежитъ съ золотомъ." Генрихъ отвѣчалъ ему по Нѣмецки: *Hab-dank* (спасибо), и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. По сей причинѣ гербъ фамиліи Скарбковъ названъ *Габ-данкомъ*.

Побѣда надъ Нѣмцами въ Силезіи открыла Болеславу III путь въ Богемію и подала возможность возвратить Богемскую корону Боривою, находившемуся тогда въ Польшѣ. Польскій Государь далъ ему значительное войско, съ помощію котораго и при посредствѣ Гроецкаго Графа Вигберта вступивъ снова на тронъ, онъ уѣхалъ въ Померанію для отмщенія за разбои, учиненные въ Мазовіи во время войны Нѣмецкой. Генрихъ V опять низвелъ Боривоя съ престола; но мстить Полякамъ не дозволяло ему воспоминаніе претерпѣнныхъ отъ нихъ бѣдствій и

предстоявшій Италіянскій походъ. Онъ далъ знать Болеславу III, что желаетъ его пріязни, и приглашалъ его въ Бамбергъ. Болеславъ III пріѣхалъ туда, заключилъ миръ, женился на Саломеѣ, дочери Графа де Бергенъ, а малолѣтнюю племянницу Императора помолвилъ за старшаго своего сына Владислава II, едва имѣвшаго тогда шесть лѣтъ отъ роду. Не продолжительная Богемская война, начавшаяся для пособія Собѣславу противъ брата его, Богемскаго Князя Владислава, давшаго убѣжище Збигнѣву, кончена была договоромъ, по которому сей послѣдній получилъ Затцъ. Когда такимъ образомъ Польша наслаждалась миромъ, Болеславъ III, если вѣрить одной Силезской лѣтописи XV вѣка, совершилъ путешествіе въ Святую землю.

Новыя безпокойства въ Богеміи и изгнаніе Собѣслава принудили Польскаго Государя къ новому походу противъ Владислава, который давалъ убѣжище Збигнѣву. Сія война кончена взятіемъ Глаца. Владиславъ, Богемскій Князь, уступилъ брату Градецъ съ четырьмя другими городами и часть Моравіи, и перестралъ покровительствовать Збигнѣву, который и потомъ нерѣдко съ шайками разбойниковъ нападалъ на Силезію.

Наступила Прусская война, въ которой участвовалъ и Збигнѣвъ. Послѣ побѣды надъ Прусаками сей измѣнникъ притворился каю-

щимся.—Успѣвъ обмануть брата, онъ получилъ позволеніе возвратиться въ Польшу; но неосторожные разговоры, самохвальство и надменность его не замедлили открыть въ немъ крамольныя намѣренія злодѣя. Государь слишкомъ поспѣшно изрекъ противъ него смертный приговоръ, но еще болѣе спѣшили исполнители онаго. Козма, Пражскій Деканъ, пишетъ, что Збигнѣвъ былъ ослѣпленъ, и вскорѣ послѣ того умеръ.

Святополкъ и Вартиславъ, начальники Помераніи, и Скарбиміръ, Воевода Краковскій, бывшій до того времени преданнымъ Королю, взбунтовались. Болеславъ III, успѣвъ упредить дѣйствія Скарбиміра, поймалъ самаго его и ослѣпилъ; съ тѣхъ поръ Кастелланъ Краковскій началъ имѣть первенство предъ Воеводою. Въ сіе время бѣжалъ въ Польшу Ярославъ Святополковичь, Князь Владимірскій. Но дѣла Померанскія еще не позволяли Болеславу заняться Россіею. Дважды побѣжденный Святополкъ отосланъ былъ въ Польшу на вѣчное заточеніе. Позднѣйшіе лѣтописцы Польскіе, слѣдуя Богуфалу, относятъ къ сему же времени походъ Болеслава III въ Данію. Они повѣствуютъ, что нѣкто Петръ Датскій, бѣжавъ въ Польшу, уговорилъ его воевать Данію, съ цѣлію обогатиться сокровищами, оставшимися послѣ Короля Эрика. Завладѣвъ оными и побѣдивъ Короля Авеля,

онъ возвратился въ Польшу и основалъ фамилію Дуниныхъ. Какъ во всякой баснѣ, такъ и въ сей находятся слѣды правды. Основаніями оной могли быть усиліе Датчанъ, Саксонцевъ и Поляковъ пріобрѣсти приморскіе берега отъ Эльбы до Одера, управленіе ими же Славянина Генриха Годешалковича, побѣды его надъ Датчанами, и набѣги даже до Ютландіи, замѣшательства въ Даніи, раздоръ между Датскими Королевичами Николаемъ и Канутомъ, потопленіе сокровищъ владѣвшаго Шлезвигомъ Канута при перевезеніи оныхъ съ Зеландіи на Фіонію для укрытія отъ Славянъ, которые перебили въ Даніи третью часть народа, и наконецъ дружба того же Канута съ Генрихомъ Славяниномъ, который, мимо собственныхъ сыновей, сдѣлалъ его наслѣдникомъ своего Славянскаго Королевства, короткое время существовавшаго въ Мекленбургѣ и окрестностяхъ онаго. Николай, Датскій Король, вступилъ въ союзъ съ Болеславомъ III противъ Поморскаго Князя Вартислава, и дочь Болеслава III сговорилъ за сына своего Магнуса. Вартиславъ, тревожимый съ сухаго пути Поляками, а съ моря Датчанами, пріѣхалъ на флотъ Николая съ просьбою о мирѣ, но былъ увезенъ въ городъ Рыпенъ и тамъ заключенъ въ темницу; Болеславъ III простеръ свое оружіе далѣе за Одеръ, и въ землѣ Лутичей и Оботритовъ искалъ новой

добычи. Около сего времени Датчанинъ Петръ прибылъ въ Польшу изъ Славянской земли, доставшейся по смерти Генриха Датскому Королевичу Кануту. Поморяне (1122 г.) искали помощи даже у Русскихъ. Кіевскій Князь Владиміръ (Мономахъ) собралъ войско подъ предлогомъ преслѣдованія Ярослава, уже три года жившаго въ Польшѣ; а зять его, Перемышльскій Князь Володарь, въ отсутствіе Болеслава III, вторгнулся въ Польшу. Въ то время Петръ, владѣлецъ Ксёндза, предводитель Польскаго войска (это, какъ должно думать, былъ Петръ Дунинъ, т. е. Датскій), вызвался поймать Володаря безъ кровопролитія. Предложеніе понравилось Королю, и Петръ привелъ оное въ исполненіе. Взявъ съ собою тридцать воиновъ, готовыхъ на все, онъ отправился въ Перемышль. Допущенный къ Князю, на вопросъ: за чѣмъ онъ прибылъ? отвѣчалъ, что возненавидѣвъ Польское правленіе, желаетъ вступить въ службу Володаря. Обидныя для славы Короля рѣчи и льстивыя обѣщанія убѣдили легковѣрныхъ въ чистотѣ его намѣреній, которыя онъ старался подтвердить разными услугами; но однажды, когда Володарь, будучи съ нимъ на охотѣ, отдалился отъ своихъ людей, Петръ незапно напалъ на него въ лѣсу, и связавъ увелъ подъ стражею за границу и заключилъ въ зàмкѣ своемъ Ксёндзѣ.

Король, увидѣвъ въ своихъ рукахъ Володаря, вознамѣрился итти подъ Владиміръ Волынскій, для возвращенія престола изгнанному Ярославу. Для того пригласилъ онъ къ содѣйствію Венгровъ. Съ ихъ помощію взяты были Белза, Червоноградъ и другіе города; но когда Ярославъ убитъ подъ Владиміромъ, (а не подъ Кіевомъ, какъ говоритъ Длугошъ), а Венгры безъ вѣдома Короля Стефана II, по внушенію Козмы Пашмана, объявили желаніе возвратиться домой, то Болеславъ III разсудилъ не оставаться долѣе въ Россіи, и заключивъ миръ съ Василькомъ, братомъ Володаря, отпустилъ плѣнника своего за знатную сумму денегъ. Кажется въ сіе время Петръ получилъ въ даръ имѣніе Скржинно, и, при посредничествѣ Короля, женился на Россійской Княжнѣ Маріи, близкой родственницѣ супруги Болеслава III. Не извѣстно, была ли она дочь Володаря, какъ свидѣтельствуетъ Нарушевичь; достовѣрно лишь то, что Петръ Дунинъ достигъ высочайшей степени знатности, и властію своею много способствовалъ къ обращенію Поморянъ. Когда же Папа (по сказанію Ортлиба), за похищеніе у какого-то Славянскаго владѣтеля молодой дѣвушки, и за насиліе и измѣну, оказанныя Володарю, въ вѣрности къ которому онъ далъ присягу и крестилъ у него дочь,—вмѣсто церковнаго покаянія обязалъ его выстроить семь

церквей, онъ выстроилъ семдесять семь, и щедро снабдилъ оныя всѣми потребностями. Сіи церкви находятся большею частію въ Силезіи и Великой Польшѣ, гдѣ, какъ Староста или Кастелланъ, Петръ Дунинъ нѣкоторое время былъ Намѣстникомъ съ Королевскою властію въ Бреславлѣ, Крушвицѣ и Калишѣ. Удивительно, что въ Помераніи не видно слѣдовъ его щедрости: причиною тому или непостоянство въ Вѣрѣ новообращеннаго народа, или войны, безпрерывно тамъ происходившія.

Поморскій Князь Вартиславъ, возвратясь изъ плѣна Датскаго, и видя, что всѣ бѣдствія его народа происходили отъ грубости нравовъ и невѣжества, началъ помышлять о обращеніи въ Христіанскую вѣру своихъ единоземцевъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ объ утвержденіи себя въ Княжескомъ достоинствѣ. Онъ давно уже тайно исповѣдывалъ оную, крестясь въ Мерзебургѣ во время бытности его по какому-то случаю въ плѣну у Нѣмцевъ. Намѣреніе Вартислава, какъ общеполезное, согласовалось съ желаніемъ Болеслава III: ибо Государь Польскій понималъ, что со введеніемъ Христіанской вѣры водворится и миръ въ Помераніи. Для того въ теченіе трехъ лѣтъ тщетно искалъ онъ между Польскими Епископами достойнаго Апостола для Поморянъ; но когда ни одинъ изъ нихъ на то не соглашался, тогда принялъ на себя столь

трудный подвигъ, воспитатель Болеслава III, Бамбергскій Епископъ Св. Оттонъ. Сей почтенный и благочестивый Епископъ, по просьбѣ Государя, съ согласія Императора Генриха V и по совѣту своего духовенства, отправился въ Померанію со всѣмъ великолѣпіемъ, подобающимъ сану его, зная уже, что Поморяне не задолго предъ тѣмъ умертвили Испанскаго пустынника Бернарда, какъ нищаго бродягу, искавшаго пользы болѣе для себя, нежели сколько для нихъ. Оттонъ прежде всего поѣхалъ въ Гнѣзно; оттолѣ, обласканный Государемъ, отправился въ Померанію въ сопровожденіи Полковника Павла, съ военнымъ отрядомъ. Вартиславъ встрѣтилъ Св. Оттона близъ Старогрода; но язычники не радовались его прибытію и грозили мученическимъ вѣнцемъ ему и всей его свитѣ. Убѣдительное краснорѣчіе и искреннее усердіе, чуждое видовъ своекорыстія, увѣрили Поморянъ, что его намѣренія были отличны отъ постыдныхъ намѣреній Саксонскихъ Епископовъ, которые Лутичей и другихъ Славянъ обращали силою оружія не для Вѣры, а для покоренія своей власти. Городъ Пирычь первый обратился къ Христіанству. Въ Каминѣ Княгиня воспріяла Св. крещеніе, а Вартиславъ отрекся отъ многоженства, къ которому дотолѣ былъ привязанъ. Только главнѣйшіе города, Штетинъ и Юлинъ, противились введенію Христіанства.

Св. Оттонъ, донося о томъ Болеславу, просилъ его употребить противъ упрямыхъ язычниковъ и милость и угрозы. Болеславъ чрезъ помянутаго Павла прислалъ къ жителямъ Штетина слѣдующую грамоту:

„Милостію Всемогущаго Бога, Болеславъ „Князь Польскій, врагъ всѣхъ язычниковъ, По„морянамъ и гражданамъ Штетина, храня„щимъ вѣрность присяги, (объявляю) посто„янный миръ и прочную дружбу; вѣролом„цамъ же — огнь, мечь и гнѣвъ неумолимый. „Могу справедливо негодовать на васъ за пре„ступленіе вашего обѣта, за отверженіе го„сподина и отца моего Епископа Оттона, до„стойнаго всякихъ почестей, всюду прослав„леннаго жизнію своею, и истиннымъ Богомъ „посланнаго къ вамъ чрезъ мое посредство „для вашего спасенія; но я внемлю предста„тельству за васъ пословъ моихъ и вашихъ, „мужей достойныхъ уваженія, въ томъ числѣ „и самаго Епископа, Апостола вашего и Еван„гелиста. Слѣдуя ихъ совѣту и ходатайству, „и желая склонить васъ къ пріятію на себя „ига Христова, облегчаю васъ въ вашихъ по„винностяхъ и податяхъ. Вся Померанія бу„детъ платить ежегодно Польскому Князю, „кто бы онъ ни былъ, только по триста „гривенъ серебромъ, а на случай войны сна„ряжать въ походъ десятаго хозяина, снаб„дивъ его одеждою и деньгами. Исполнивъ сіе

„и принявъ вѣру Христову, будете съ нами „въ мирѣ и обрѣтете жизнь вѣчную; равно „во всѣхъ нуждахъ своихъ, какъ друзья и то- „варищи, найдете въ Полякахъ помощниковъ „и защитниковъ вашихъ.“

Сія умѣренность Болеслава III склонила и самыхъ закоренѣлыхъ язычниковъ къ принятію Св. крещенія: они видѣли, что способъ обращенія ихъ различествовалъ съ тѣмъ, какой употребляемъ былъ противъ другихъ Славянскихъ народовъ. Сами охотно разрушая свои языческія капища, они принесли сокровища оныхъ въ даръ Св. Оттону; но сей ревностный Апостолъ не принялъ ихъ, а раздѣлилъ между народомъ, и тѣмъ доказалъ свое безкорыстіе. Встрѣтясь въ пограничныхъ лѣсахъ надъ Муромскимъ озеромъ (Muerītzer See, Muromskie jezioro) съ бѣглыми Славянами, которые укрывались отъ гоненія Саксонцевъ, и объявили ему желаніе креститься, онъ отправилъ ихъ къ законному ихъ Пастырю Св. Норберту, Магдебургскому Архіепископу, который, не извѣстно точно по какимъ причинамъ, жестоко обходился съ Славянами. Славные подвиги Св. Оттона возвысили блескъ царствованія Болеслава III; онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ для распространенія свѣта ученія Христіанскаго. Почти вся Померанія обратилась по случаю облегченія податей, кромѣ острова Ругена и принадлежавшихъ къ оному береговъ

твердой земли, куда Христіанство введено Датчанами гораздо позднѣе. Не смотря на сіе, въ двадцать лѣтъ спустя потомъ (1146 г.) собранныя будто бы для Крестоваго похода толпы Саксонцевъ, Богемцевъ и Моравцевъ, предводимые Саксонскими Епископами и Епископомъ Ольмуцкимъ Генрихомъ, хотѣли вторично обратить, или, лучше сказать, покорить Померанію, уже принадлежавшую имени Христову. Сіе войско подступило подъ Штетинъ и увидѣло готовность его къ отпору. Князь Ратиборъ и Епископъ Албертъ выставили на стѣнахъ города кресты и дали знать пришлецамъ, что ежели въ городѣ еще и есть язычники, то ихъ надобно заставить присоединиться къ паствѣ Христовой не мечемъ, но убѣжденіемъ.—Тогда толпы сіи удалились.

По водвореніи спокойствія въ Помераніи, (1125 г.) наступила война съ Богемцами и Россіянами. Болеславъ III, пославъ часть войска въ Богемію на помощь изгнанному Собѣславу, самъ пошелъ противъ Россіи. Побѣда при Вилиховѣ въ Россіи и миръ въ Богеміи кончили сію войну (1125—1131), за которою слѣдовало нѣсколько лѣтъ мира. Въ теченіе сего времени Король занимался собственными дѣлами, распоряженіями по духовной части и ходилъ пѣшкомъ на поклоненіе гробамъ Св. Ида во Францію и Св. Стефана въ Венгрію. Между тѣмъ Россія лишилась Владиміра Мономаха.

Звенигородскій Князь Владиміръ и Перемышльскій Ростиславъ начали между собою войну. Сей послѣдній искалъ помощи у своихъ соотечественниковъ, а Владиміръ у Венгровъ. Послѣ разныхъ оборотовъ счастія, Владиміръ долженъ былъ бѣжать въ Венгрію. Венгры вторично стали мѣшаться въ дѣла Россіянъ, что, вѣроятно, дало Полякамъ поводъ къ войнѣ съ Венграми.

Борисъ, сынъ Коломана I, рожденный въ Кіевѣ отъ Россійской Княжны Предславы во время ея изгнанія, вознамѣрился овладѣть Венгерскимъ престоломъ по смерти роднаго брата своего Стефана II, который наслѣдникомъ своимъ назначилъ было родственника своего Белу Слѣпаго. Борисъ нашелъ въ Венгріи много друзей, не смотря на то, что Коломанъ I, возненавидѣвъ Предславу во время ея беременности, никогда не признавалъ его законнымъ сыномъ. Надобно полагать, что Стефанъ II имѣлъ уже нѣкоторыя непріятности съ Поляками по смерти первой жены его, Польки Іудиѳи, дочери Болеслава III, когда Графство Спижское, ея приданое, должно было возвратиться въ Польское владѣніе. Участіе, принимаемое Венграми въ дѣлахъ Россіи, частое ослушаніе Россіянъ по лѣвую сторону Днѣпра, которые, если вѣрить современнымъ лѣтописцамъ, обязаны были повиновеніемъ Болеславу III, какъ Польскому Госу-

дарю, и наконецъ, можетъ быть, исканіе Россіянами покровительства Венгровъ, разрывали мало по малу дружбу сихъ последнихъ съ Поляками.* И такъ не трудно было Борису склонить Болеслава къ подкрепленію домогательства его на престолъ Венгерскій. Греки также благопріятствовали Борису, какъ свойственнику Императора Восточнаго. Бела полагался на своихъ союзниковъ, Маркграфа Австрійскаго Леопольда и Богемскаго Князя Собеслава; но къ сей явной помощи онъ присовокупилъ еще тайную измену: онъ послалъ многихъ Венгровъ къ Борису и приказалъ имъ при содействіи Русскихъ устроить измену во время самаго сраженія, где бы оное ни последовало, въ Графстве ли Спижскомъ или на берегахъ Сайо. Въ следствіе таковаго распоряженія Венгры и Галицкіе Россіяне начали обращаться въ бегство. Заметивъ сіе, Болеславъ III хотелъ знать мысли своего Гетмана, Сендомирскаго Воеводы Втебора. „Разве не догадываешься—сказалъ ему сей— „что изменники нарочно перешли къ намъ, „чтобы, обманувъ, темъ легче потомъ пре„дать насъ въ руки непріятелей. Нетъ со„мненія, что число ихъ вскоре увеличится: „для того постараемся прежде управиться „съ малымъ количествомъ. Призовемъ къ себе „мужество и не отдадимся въ неволю.“ Такою речью приготовивъ приверженцевъ Бориса

къ битвѣ, онъ обнажилъ саблю, извѣстную подъ именемъ *журавля*, и вмѣстѣ со Вшеборомъ устремился на Венгровъ, предводимыхъ Белою. Не задолго предъ тѣмъ присоединился къ Белѣ Ярополкъ Кіевскій. Быстрое движеніе Поляковъ разстроило ряды Венгровъ и Россіянъ; но случай перемѣнилъ счастіе. Борисъ съ частію Россіянъ стоялъ на стражѣ въ той сторонѣ, откуда Бела ждалъ къ себѣ на помощь Австрійцевъ. Узнавъ о приближеніи ихъ, онъ обратился въ бѣгство и увлекъ за собою одного Воеводу, поставленнаго Королемъ въ тылу измѣнившихъ Венгровъ и Галичанъ. Король окруженный Нѣмцами, Россіянами и Венграми, искалъ спасенія въ собственной храбрости своей. Оставалось ему только открывать себѣ путь чрезъ густые ряды непріятелей. Дѣйствуя саблею, онъ лишился коня. Венгры, напавъ на него, хотѣли взять въ плѣнъ: Государь продолжалъ защищаться, пока одинъ изъ простыхъ воиновъ не подвелъ ему своего коня. Болеславъ III даровалъ дворянское достоинство избавителю своему и щедро одарилъ его. Напротивъ того въ наказаніе малодушія Воеводы, послалъ ему въ даръ прялку, веретено и заячью шкурку. Сіи дары привели вельможу въ отчаяніе: онъ повѣсился на колокольной веревкѣ.

Во время пребыванія Болеслава III въ Венгріи, Богемцы вторгнулись въ Силезію. Тотъ

самый Князь Собѣславъ, который получилъ значительную помощь отъ Болеслава III, поднялъ противъ него оружіе, какъ союзникъ Венгерскій (1133 г.). Богемцы ограбили Силезію, вывезли оттуда большія суммы денегъ, вывели множество плѣнныхъ и стада дикихъ коней, за что Болеславъ излилъ свою месть на Богемію и Моравію. Наконецъ послѣ вторичныхъ взаимныхъ набѣговъ и грабежей въ Богеміи, Силезіи и, кажется, въ Венгріи, при посредствѣ Императора Лотарія вражда прекратилась. Въ Мерзебургѣ (1135 г.) заключено трехлѣтнее перемиріе съ Богемцами, и Болеславъ III получилъ Рыцарское достоинство, за что отдалъ въ зависимость Императоровъ Ругію и Померанію.—Отбытіе Короля въ Германію открыло заговоръ, не задолго предъ тѣмъ составленный. Россіяне склонили одного изъ Венгровъ къ сдачѣ Вислицы, при чемъ пролито было много Польской крови. Нарушевичь думаетъ, что сей измѣнникъ былъ самъ Борисъ, котораго Болеславъ III столь сильно поддерживалъ въ Венгріи. Длуготъ повѣствуетъ, что Польскій Государь, вооруживъ дворянство и всѣхъ земледѣльцевъ, насытилъ месть свою опустошеніемъ Русскихъ земель, и особенно Владимірскаго Княжества; но другіе Историки о семъ умалчиваютъ.

Богемская война кончилась миромъ въ Глацѣ (1137 г.).

Неудачные походы въ Венгрію, (а не на Галичь, какъ пишетъ Длугошъ), повергли Короля въ величайшую горесть, которая разстроила его здоровье и ускорила кончину. Болеславъ III умеръ (1139 г.) отъ болѣзни, продолжавшейся цѣлой годъ. Тѣло его погребено въ Плоцкѣ.—Онъ жилъ 54 года, царствовалъ около 36 лѣтъ. Болеславъ прославился воинственнымъ духомъ. Онъ одержалъ сорокъ семь побѣдъ. Нѣмцы боялись его и искали его дружбы. Онъ пріобрѣлъ Померанію, Пруссію и многія земли за нижнимъ Одеромъ; нѣсколько разъ облагалъ данію Россіянъ и освободилъ Силезію отъ нападковъ Богеміи. — Болеславъ былъ Государь обходительный, благочестивый, веселый, щедрый и великодушный, но слишкомъ легковѣрный. — Длугошъ пишетъ, что онъ былъ средняго роста, имѣлъ смуглое лице, нѣсколько испорченныя неправильностію губы, отъ бывшаго на нихъ въ младенчествѣ вереда: отъ чего и прозванъ *Кривоустымъ*.

Съ смертію Болеслава III на долгое время угасло величіе Польши, которая, бывъ раздѣлена на мелкія Княжества, едва не сдѣлалась добычею сосѣдей; но мужественный Владиславъ Локтикъ спасъ Государство и народъ, потерявъ только Померанію и Силезію, и на время Пруссію и часть Россіи.—Болеславъ III, предъ кончиною своею ослабѣвъ духомъ и тѣломъ, учинилъ завѣщаніе, которымъ, по быв-

шему тогда въ Россіи и другихъ странахъ обычаю, раздѣлилъ Государство между сыновьями своими, съ тѣмъ, чтобъ старшій сынъ имѣлъ надъ прочими власть во время войны, а во время мира всѣ были равны между собою. Дурной примѣръ подобнаго раздѣла въ Россіи не убѣдилъ его во вредѣ онаго. Казнь Збигнѣва не выходила у него изъ памяти; раздѣленіемъ Государства думалъ онъ предупредить несогласія между дѣтьми своими; но вышло противное тому. Не многіе изъ вельможъ его видѣли въ семъ раздѣленіи упадокъ Отечества: большая ихъ часть, помышляя о собственныхъ выгодахъ, съ удовольствіемъ взирала на уменьшеніе Королевской власти.

Владиславъ II, какъ старшій сынъ, получилъ въ удѣлъ области Краковскую, Сѣрадскую, Ленчицкую, Силезію и Поморанію. *Болеславу IV Кудрявому* достались Мазовія съ Куявіею, земли Добринская и Хелмская; юному *Мечиславу*, прозванному *Старымъ* по уму его, Великая Польша, а *Генриху* Сендомирія и Люблинская область. Двухлѣтнему *Казиміру II* ничего не назначено; когда же спросили о томъ отца, то онъ далъ несвязный отвѣтъ, который каждый изъ древнихъ дѣеписателей толкуетъ по своему. Отвѣтъ сей былъ слѣдующій: „Знаете, что среди четырехъ колесъ „есть кузовъ и мѣсто для сидѣнія. Сему ди„тяти предназначается лучшее наслѣдіе не-

„жели его брашьямъ. Предоставьше опеку-„намъ его забошиться объ участи его.“ Въ отвѣтѣ семъ нѣкоторые усматриваютъ духъ пророчества; но мнѣ онъ кажется доказательствомъ помѣшательства въ разсудкѣ умиравшаго.—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Правленіе Наслѣдственныхъ Государей Дома Пястовъ, и раздѣленіе Государства на Удѣлы.

1140—1289.

Линія Силезская.

1140—1148.

ВЛАДИСЛАВЪ II.

(1140—1148)

Не долго братья пребывали въ согласіи. Владиславъ II, по требованію супруги своей Агнесы, дочери Леопольда Святаго, Маркграфа Австрійскаго, и внуки Императора Генриха IV, желалъ единовластвовать въ Польшѣ, и потому, для уничтоженія родительскаго завѣщанія, собралъ Сеймъ въ Краковѣ; видя же непреклонность Сейма, рѣшился силою овладѣть Удѣлами братьевъ. Не жалѣя денегъ для подкупленія противниковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ нанималъ постороннихъ воиновъ съ намѣрс-

ніемъ ослабить сторону братьевъ, которые въ сей крайности прибѣгали къ милосердію самой Агнесы; но просьбы ихъ остались тщетными: отвѣтъ ея былъ, что лучше править Государствомъ одному. Таковое самоуправство и введеніе иноземнаго войска, взволновали умы многихъ вельможъ, изъ коихъ первыми были Гнѣзненскій Архіепископъ Іаковъ и Сендомирскій Воевода Вшеборъ. Ненависть, которую давно уже навлекла на себя гордая Агнеса (70), болѣе и болѣе усиливала сторону младшихъ братьевъ Владислава людьми, оскорбляемыми ея надменностію. Графъ Петръ Скринскій, Староста, Воевода или Кастелланъ (71) Бреславскій, дерзнулъ у самаго Двора предстательствовать за гонимыхъ Князей.

Сей и еще другой поступокъ навлекли на него жестокую месть. Однажды Князю Владиславу II случилось съ Графомъ быть на охотѣ и ночевать подъ открытымъ небомъ. Онъ сказалъ вельможѣ: теперь жена твоя покойнѣе нежели мы отдыхаетъ съ Игуменомъ (Скринскимъ, котораго она любила). Графъ отвѣчалъ: Государь, и твоей супругѣ вѣроятно лучше теперь въ объятіяхъ Добеша (72) (такъ назывался Нѣмецъ, бывшій у нея въ милости). Отъ сей шутки родилась величайшая ревность. Князь обвинялъ Агнесу въ нарушеніи супружеской вѣрности; но она умѣла разувѣрить супруга, и Добешъ признанъ не-

виннымъ. Условились наказать мнимаго лжедоносителя. Нѣмецъ, какъ будто болѣе прочихъ обиженный въ семъ дѣлѣ, избранъ для исполненія надъ Петромъ жестокаго приговора. Графъ, не думая ни о какой бѣдѣ, праздновалъ тогда въ Бреславлѣ свадьбу дочери своей съ Яксою, Сербскимъ Вельможею. Добешь явился въ городъ съ толпою вооруженныхъ, схватилъ Петра и представилъ его Князю. Владиславъ, опасаясь народнаго гнѣва, откладывалъ казнь его; но женская месть заставила его дать приказаніе отрѣзать невинному Петру языкъ и лишить его зрѣнія. Древніе лѣтописцы повѣствуютъ, будто бы онъ, спустя потомъ нѣсколько времени, чудесно получилъ опять даръ слова и зрѣніе (73).

Вскорѣ междоусобная война воспылала. Сендомиряне первые подняли оружіе. Духовенство требовало отъ Папы Евгенія III отлученія Владислава II отъ Церкви, между тѣмъ какъ Вшеборъ (1145 г.) истреблялъ надъ Пилицею Княжескія войска. Но, по прибытіи Россіянъ, Владиславъ II скоро превозмогъ защитниковъ своихъ братьевъ, которые лишась своихъ удѣловъ, затворились въ Познани, гдѣ Владиславъ II осадилъ ихъ и надѣялся скоро овладѣть городомъ и всею Польшею, согласно условію его съ Императоромъ Конрадомъ II. (Онъ нарочно ѣздилъ къ нему предъ отбытіемъ его въ Крестовый походъ, и въ ожида-

нія помощи его, принялъ отъ него необыкновенную инвеституру на всю Польшу). Свойство Императора съ Владиславомъ II (женатымъ на родной сестрѣ Конрада) не дозволяло Папѣ Евгенію III отлучить Владислава отъ Церкви; но по отбытіи Императора въ Крестовый походъ, когда и Папа менѣе нуждался въ пособіи противъ крамольныхъ Римлянъ, онъ не усумнился изречь проклятіе на Владислава II и Агнесу. Гнѣзненскій Архіепископъ Іаковъ Свинка самъ пріѣхалъ въ ихъ станъ и торжественно объявилъ имъ сіе отлученіе. Между тѣмъ приверженцы осажденныхъ собирались для ихъ освобожденія: осада откладывалась со дня на день, и неосторожность воиновъ Владислава II довершила его неудачу. По данному съ башни Св. Николая знаку, толпы преданныя юнымъ Князьямъ съ одной, а жители города съ другой стороны, съ такою быстротою устремились на войско Владислава, что оное немедленно было опрокинуто, и претерпѣло совершенное пораженіе (1148 г.). Владиславъ II ушелъ въ Богемію, потомъ въ Германію для полученія пособія, а Агнеса продолжала защищаться въ Краковскомъ замкѣ; но принуждена была наконецъ послѣдовать за мужемъ.

Старшая Мазовецкая линія.

БОЛЕСЛАВЪ IV, КУДРЯВЫЙ,

Мазовецкій Князь.

(1149 — 1173.)

Правленіе Государствомъ и Удѣлъ изгнаннаго Владислава II достались старшему по немъ Болеславу IV Кудрявому, который предвидя возобновленіе войны по возвращеніи Императора Конрада изъ Палестины, искалъ, вмѣстѣ съ братьями, союзниковъ въ Россіи и въ Германіи болѣе для себя, нежели для народа. Съ Саксонскими Князьями заключенъ былъ союзъ въ Крушвицѣ, а Іудиѳь, сестра Князей Польскихъ, помолвлена за Оттона I, сына Алберта Медвѣдя, перваго Маркграфа Брандебургскаго. Сія дружба полезна была Болеславу, но стоила дорого и ему и цѣлому Государству: ибо Маркграфы Брандебургскіе, Ангальтскаго (Askańskiego) Дома, начали распространять границы Мархіи до самой Польши, и составлять мало по малу новую Мархію за Одеромъ. Поляки по дружбѣ, и для избѣжанія войны съ Нѣмцами, равнодушно смотрѣли на

таковыя пріобрѣшенія. Императоръ Конрадъ III хотѣлъ было вступиться за сестру и шурина, къ чему возбуждалъ его и другой шуринъ Князь (потомъ Король) Богемскій, Владиславъ; но продолжительная болѣзнь Императора, посредничество Саксонскихъ Князей (1150) и Маркграфа Алберта, наконецъ собственныя его дѣла и возникшія въ Италіи безпокойства воспрепятствовали ему возвратить тронъ Владиславу II. Обѣщаніемъ быть на Сеймѣ въ Мерзебургѣ и уплатою значительной суммы денегъ, Болеславъ IV Кудрявый отклонилъ Конрада отъ Силезіи и въ тоже время (1151) обезпечилъ себя со стороны Россіи, вступивъ въ бракъ съ Галицкою Княжною Анастасіею Владиміровною, а брата своего женивъ на сестрѣ ея Евдоксіи (74).

Кончина Императора Конрада III прекратила замыслы Владислава II возвратить себѣ тронъ. Конраду III наслѣдовалъ племянникъ его Фридрихъ I Рыжебородый, Государь съ обширнымъ умомъ, но чрезвычайно властолюбивый, жестокій и гордый. По смерти Агнесы вторичное супружество изгнанника Владислава II съ дочерью Алберта Медвѣдя, Маркграфа Брандебургскаго, который отклонилъ Конрада III отъ войны съ Польшею, стяжало ему милость новаго Монарха; вѣроятно также, что и честолюбивые замыслы Императора склонили его слухъ къ просьбамъ

Владислава II. Фридрихъ I рѣшился воевать Польшу, но до 1157 года не могъ начать войны.

Послѣ Вирцбургскаго Сейма онъ отправилъ посольство къ Болеславу IV Кудрявому, съ предложеніемъ возвратить тронъ Владиславу II. и заплатить ему дань. Отвѣтъ, что Поляки никогда не бывали данниками, прогнѣвалъ сего высокомѣрнаго Государя, который приписывалъ себѣ власть надъ цѣлымъ міромъ. Владиславъ, Князь (потомъ Король) Богемскій, шуринъ изгнанника, наиболѣе побуждалъ Императора къ сему походу: онъ выступилъ съ многочисленнымъ войскомъ Нѣмцевъ и Чеховъ и перешелъ за Одеръ. Намѣреніе Болеслава было защищаться способами, не разъ уже съ пользою испытанными противъ Нѣмецкихъ полчищъ. Но онъ не имѣлъ духа родителя своего Болеслава III Кривоустаго, Императоръ же Фридрихъ, дѣятельнѣйшій изъ Нѣмецкихъ Государей, преслѣдовалъ бѣжавшихъ Поляковъ съ такою быстротою, что не смотря на всѣ усилія послѣднихъ, не смотря на недостатокъ продовольствія въ Нѣмецкомъ и Богемскомъ войскахъ, Болеславъ принужденъ былъ просить мира, между тѣмъ какъ Императоръ дошелъ до Епископства Познанскаго съ войскомъ, достаточнымъ для покоренія цѣлаго Государства. Миръ состоялся въ Крисгофѣ, въ Епархіи Познанской. Бо-

леславъ IV Кудрявый далъ клятву, за себя и за весь народъ, въ томъ, что братъ Владиславъ изгнанъ изъ Государства отнюдь не изъ презрѣнія къ Римской Имперіи; сверхъ того обѣщалъ подарить Императору двѣ тысячи, Вельможамъ Нѣмецкимъ тысячу гривенъ серебра, Императрицѣ двѣсти гривенъ золота, и столько же гривенъ серебра Двору,—за нескорое прибытіе на Нѣмецкій съѣздъ, къ которому онъ былъ приглашаемъ, и за неуплату дани съ нѣкоторыхъ, лежащихъ за Одеромъ земель. Кромѣ того онъ обязался присягою дать триста копейщиковъ Фридриху, шедшему на усмиреніе Медіоланцевъ; а между тѣмъ, для дальнѣйшихъ соглашеній съ братомъ Владиславомъ, прибыть въ Магдебургъ, гдѣ въ два праздника Рождества Христова назначенъ былъ Императоромъ общій съѣздъ Нѣмецкихъ Владѣтелей. Въ залогъ вѣрности таковыхъ обѣщаній отданъ Фридриху меньшой изъ Князей, Казиміръ, съ свитою изъ Польскихъ дворянъ. Но отъ всѣхъ сихъ условій, вынужденныхъ обстоятельствами, и трудныхъ для народа, Болеславъ отказался въ послѣдствіи времени: не далъ обѣщанныхъ денегъ, не ѣздилъ въ Магдебургъ и не ставилъ для Фридриха копейщиковъ.

Современный Писатель Викентій, Каноникъ Прагскій, повѣствуетъ, что Болеславъ IV долженъ былъ просить прощенія у Импе-

ратора, подходя къ нему босикомъ и поднося ему на своей головѣ обнаженный мечь. Нѣмецкіе современники умалчиваютъ о семъ. Длугошъ пишетъ, что Болеславъ IV Кудрявый сопутствовалъ (1158) Императору въ Италіанскомъ походѣ; но то былъ Бреславскій Князь Болеславъ Высокій, о коемъ сказываютъ, что онъ въ семъ походѣ убилъ нѣкоего великана на поединкѣ; а современники приписываютъ сіе Тирольскому Графу Алберту. Между тѣмъ какъ Императоръ Фридрихъ I Рыжебородый былъ въ Италіи и Германіи, изгнанникъ Владиславъ II умеръ (1159). Не льзя съ достовѣрностію полагать, что онѣ умеръ въ Плоцкѣ, на пути въ Польшу для соглашенія съ братьями. Вѣроятнѣе, что онъ кончилъ жизнь за границею и погребенъ въ Альтенбургѣ (Староградѣ) въ Верхней Саксоніи (Турингіи), или въ Саксоніи Нижней (Голстиніи), или наконецъ въ городѣ Пегау, между Альтенбургомъ и Вейсенфельсомъ.

(1162) Почти четырехлѣтнее пребываніе Императора въ Италіи не позволяло ему входить въ дѣла Польши. Но послѣ усмиренія Медіоланцевъ онъ снова вступился за сыновей Владиславовыхъ, склоненный къ тому услугами въ Италіанской войнѣ старшаго изъ нихъ Болеслава Высокаго. Просьбы и угрозы Императора Фридриха I съ одной, и невозможность скорой съ его стороны помощи и

необходимость съ другой стороны, открывали путь къ миру и согласію. Болеславъ Высокій, старшій сынъ Владислава II, очень хорошо зналъ обстоятельства Нѣмецкой Имперіи и Дома Гогенштауфенъ: сила и способы Фридриха I не соотвѣтствовали его предпріимчивости и властолюбивымъ замысламъ; и потому, хотя предъ паденіемъ Медіолана и положено было на Сеймѣ на поляхъ Ронкальскихъ, что Императоры Нѣмецкіе, какъ наслѣдники Императоровъ Римскихъ, суть Государи цѣлаго міра, но сія власть состояла токмо въ одномъ пышномъ титулѣ. Болеславъ Высокій хорошо понималъ, что въ Италіи Папы, Короли Сицилійскіе и сильнѣйшіе города Ломбардіи, а въ Германіи Удѣльные Князья будутъ затруднять Императора въ достиженіи цѣли его, и что власть Императора можетъ распространяться только по мѣрѣ успѣха его оружія; онъ не могъ ожидать съ его стороны никакой помощи: ибо Императоръ долженъ былъ собственную выгоду предпочесть чужой пользѣ. Въ слѣдствіе сего онъ охотно принялъ съ братомъ Мечиславомъ (1163) часть, которую имъ уступилъ добровольно Болеславъ Кудрявый за отреченіе отъ всякихъ дальнѣйшихъ правъ и притязаній. Сія часть была нынѣшняя Силезія съ нѣкоторыми участками въ Мархіи и Лузаціи, въ послѣдствіи времени отъ оной отшедшими.

Оба первые Силезскіе Князья, Болеславъ Бреславскій въ Нижней, Мечиславъ Ратиборскій (потомъ и Опольскій) въ Верхней Силезіи, начали вмѣстѣ княжить (1163) въ качествѣ Членовъ Польскаго Государства; но въ послѣдствіи времени родившіеся раздоры и возвращеніе младшаго брата Конрада изъ Фульдскаго монастыря были причиною раздѣленія Силезіи на три, а по смерти Конрада на двѣ особыя части.

Между тѣмъ внутреннія безпокойства совершенно ослабили могущество Поляковъ отъ нижней Эльбы до Одера, а Саксонцы и Датчане содѣлались обладателями сей Славянской страны, нѣкогда свободной, и еще недавно пріобрѣтенной Болеславомъ III Кривоустымъ. Саксонскій Князь Генрихъ Левъ и первый Маркграфъ Брадебургскій Алберть Медвѣдь были особенно страшны для Славянъ за Одеромъ. Одинъ покорилъ Оботритовъ въ Мекленбургѣ, другой Вилковъ или Лутичей въ Брандебургѣ. Оботритскіе Князья, отъ крови коихъ происходятъ нынѣшніе Великіе Герцоги Мекленбургскіе, поддались Генриху Льву; но Албертъ Медвѣдь хитростію и силою овладѣлъ было страною Гавловъ и иныхъ Славянъ между Эльбою и Одеромъ, гдѣ теперь средняя Мархія Брандебургская. — Яссо или Якса, Сербскій Князь, съ помощію Поляковъ, выгналъ еще однажды Нѣмцевъ изъ города

Брандебурга, во время отсутствія Алберта въ Италію, но не долго держался въ немъ. Принужденный уступить по возвращеніи Алберта, онъ бѣжалъ въ Померанію. Отъ него произошли тамъ Графы Ходзько (Guetzkó). Короли Датскіе также дѣлали притязанія на землю Славянъ за Одеромъ, основывая оныя на наслѣдіи Королевича Канута, который, послѣ смерти Генриха Годешалковича, по волѣ его и завѣщанію, господствовалъ надъ Оботритами, и для утвержденія своего владычества заплатилъ даже коронныя деньги Императору Лотарію. Послѣ его кончины, послѣдовавшей въ Даніи отъ измѣны его двоюроднаго брата Магнуса, сіе Славянское Королевство сдѣлалось добычею Воеводъ, изъ коихъ нѣкоторые только признавали надъ собою власть Польскихъ Государей, какъ то: Вирикиндъ въ Гавелбергѣ, Манфредъ въ Брандебургѣ, и всѣ Князья Поморскіе. Притязанія Канута были возобновляемы Валдемаромъ I. Императоръ Фридрихъ I обольстилъ его обѣщаніемъ дать ему Славянскую землю, бывшую нѣкогда во власти Канута; но пріѣхавъ въ Мецъ на Сеймъ, сдѣлалъ его своимъ данникомъ и подарилъ ему только Княжество и островъ Ругенъ (1162), имъ же самимъ при помощи Саксонцевъ завоеванныя. Въ сихъ обстоятельствахъ почти вся Славянская земля надъ Нижнею Эльбою и Одеромъ перешла въ руки Дат-

чанъ и Нѣмцевъ, кромѣ тѣхъ частей, которыя оставались еще за Поморскими Князьями, Богиславомъ и Казиміромъ Вартиславовичами; но и они содѣлались Князьями Нѣмецкой Имперіи, когда Императоръ Фридрихъ I, преслѣдуя Генриха Льва, осадилъ Любекъ. Опустошенныя столь частыми войнами земли были заселяемы колоніями Нѣмецкими, Фландрскими и другими. Такимъ образомъ мало по малу Славянскій языкъ исчезъ въ тѣхъ краяхъ совершенно.

Когда Прусскіе язычники (1164) начали дѣлать набѣги на Польскія границы, Болеславъ IV съ братьями встрѣтилъ ихъ, побѣдилъ и заставилъ принять Христіанскую Вѣру, но чрезъ годъ они опять возвратились къ язычеству и ограбили (1165) Мазовію и Куявію. Опасеніе Нѣмецкой войны удержало месть Поляковъ. Болеславъ IV послалъ для заключенія мира въ Ахенъ Плоцкаго Епископа Вернера, который, исполнивъ возложенное на него порученіе (1166), получилъ въ награду часть мощей Св. Генриха II (Императора) и Сигизмунда (Короля) Бургундскаго.

Отвративъ отъ себя войну съ Императоромъ, Болеславъ обратилъ оружіе противъ вѣроломныхъ Прусаковъ. Войско его было усилено отрядами изъ Удѣловъ братьевъ его. Язычники, не смѣя явиться на полѣ битвы, скрылись въ тайныхъ мѣстахъ и помышляли

объ уловленіи Поляковъ хитростію. При Болеславѣ находились четыре Прусака, которые, доказавъ нѣкогда Князю преданность свою, пользовались его милостями и довѣріемъ. Какъ знакомыхъ съ мѣстоположеніемъ, Князь назначилъ ихъ вожатыми своего войска. Но нѣсколько хитрецовъ, бѣжавшихъ изъ Прусскаго стана къ Болеславу, и притворившихся обиженными отъ своихъ единоземцевъ, подкупили ихъ и условились съ ними о времени и мѣстѣ измѣны. Поляки, опустошивъ уже часть непріятельской земли, приведены были къ топямъ и болотамъ, около коихъ таились многолюдныя толпы Прусаковъ. Измѣнники увѣряли, что близъ сихъ мѣстъ пасутся большія стада и хранятся сокровища, оберегаемыя ничтожною стражею (1167). Желаніе добычи завлекло Поляковъ въ пагубу. Генрихъ, Князь Сендомирскій, вѣря измѣнникамъ, что переправа чрезъ топи не будетъ продолжительна, вступилъ въ оныя съ своимъ отрядомъ; тогда Прусская пѣхота пустила въ него тучи стрѣлъ. Сей отрядъ по великому числу непріятелей, не могъ двигаться впередъ; итти назадъ было ему также не возможно по вязкости мѣста, въ которомъ гибли и люди и кони, обремененные оружіемъ. Непріятель нападалъ спереди и съ обѣихъ сторонъ, а соотечественники, оставшіеся назади, изумленные нечаянностію нападенія и желая

подать помощь, сами гибли. Въ семъ дѣлѣ много Поляковъ пало отъ меча и стрѣлъ; но большая часть утонула въ болотахъ. Князь Генрихъ умеръ геройскою смертію, впереди своего отряда; съ нимъ погибъ почти весь цвѣтъ Польскаго юношества. Оставшіеся въ живыхъ едва успѣли убѣжать въ Польшу, не имѣвъ даже времени отыскать тѣло убитаго Князя. Прусаки, овладѣвъ станомъ ихъ, всю добычу, по языческому обыкновенію, посвятили богамъ своимъ.

(1168) Къ сему несчастію, какого Поляки доселѣ еще не испытывали, присоединились внутренніе безпорядки. На съѣздѣ Епископовъ и Правителей положенъ конецъ ссорѣ Болеслава IV Кудряваго съ Мечиславомъ II Старымъ, и Княжества Сендомирское и Люблинское отданы Казиміру II, который до того времени не имѣлъ Удѣла и, вѣроятно только послѣ Ахенскаго посольства, выпущенъ изъ залога. Болеславъ IV, по причинѣ ли своего малодушія или за неудачи въ походахъ, былъ не любимъ Поляками. Пользуясь нерасположеніемъ къ нему народа, Силезскіе Князья начали съ нимъ явную войну и опустошивъ Великую Польшу, принудили его уступить имъ крѣпости, которыя онъ оставилъ было за собою въ Силезіи.

(1170) Въ Краковской области явилась сильная партія, подъ начальствомъ Яксы Мѣ-

ховскаго и нѣкоего Святослава, противъ малодушнаго Болеслава IV и брата его Мечислава; она звала на тронъ Казиміра II. Но сей съ презрѣніемъ отвергнулъ ихъ предложеніе, сказавъ, что они случайныя неудачи приписываютъ личной винѣ Царственной Особы, забывая о благодѣяніяхъ и кроткомъ ея правленіи, и бѣдствія Отечества мыслятъ исправить поступкомъ, влекущимъ за собою другія, еще ужаснѣйшія. Сіе благоразуміе Казиміра отвратило бурю: тишина водворилась въ Государствѣ.

(1173) Болеславъ IV скончался на 46 году отъ рожденія и на 25 царствованія, сдѣлавъ завѣщаніе, по которому наслѣдственныя Княжества Мазовецкое и Куявское оставлены въ собственность тринадцати-лѣтнему сыну его Лешку, подъ опекою Казиміра; главное же управленіе Государствомъ, по Уставу Болеслава III Кривоустаго, должно было принадлежать старшему брату. Въ томъ же завѣщаніи сказано было, что, въ случаѣ бездѣтства Лешка, Удѣлъ его долженъ по смерти его принадлежать опекуну. Во время Болеслава, размноженіе Дома Пястовъ, сила и богатство частныхъ людей, начали ослаблять Монархическія права; чему способствовали также и народные съѣзды, состоявшіе изъ Князей, родственниковъ Короля и знатнѣйшаго Дворянства, которое, присвоивая себѣ право из-

бранія Государей, изданія и перемѣны законовъ, произвело наконецъ то, что титулъ Короля, дотолѣ не раздѣльный съ властію самодержавною, уничтожился.

Линія Великопольская.

МЕЧИСЛАВЪ III, СТАРЫЙ.

(1174—1178).

Мечиславъ III Старый вступивъ по завѣщанію отца на Польскій тронъ, не долго наслаждался спокойствіемъ. Сей Государь, побуждаемый духомъ мщенія, или желая соединить въ своихъ рукахъ всю власть, явилъ себя жестокимъ и несправедливымъ. Будучи и самъ не чуждъ пороковъ, онъ окружилъ себя грабителями и людьми безбожными. Изъ нихъ главнымъ былъ нѣкто Генрихъ Кетличь, родомъ изъ Бауценскаго округа, въ Лузаціи, поставленный судьею и правителемъ въ Краковѣ, и вздумавшій сверхъ новыхъ, дотолѣ небывалыхъ податей, учрежденныхъ въ видѣ пожертвованій, извлечь корысть и изъ самаго судопроизводства. Опредѣленные въ Провинціяхъ, особенно въ Краковской, *Инстигаторы*, или, какъ тогда ихъ называли, *слуги*, (званіе

полезное для храненія тишины и порядка, еслибы не обратили его на грабежъ) наполнили Государство ябедами, клеветами и тяжбами. Княжеское право подъ названіемъ *лѣснаго*, наблюдаемо было со всею строгостію. Въ лѣсахъ, тогда еще изобильныхъ, находилось множество всякаго рода звѣрей. Кто убивалъ медвѣдя, истребителя пчельниковъ, или другое какое животное, тотъ предаваемъ былъ суду, какъ оскорбитель Величества, и долженъ былъ выкупаться денежною пенею, состоявшею изъ семидесяти гривенъ. Часть сихъ денегъ поступала въ казну: прочее доставалось доносителямъ.

Желаніе хозяйничать, строиться и заселять деревни служило Дворянству поводомъ къ приниманію постороннихъ людей въ свои села. Но тайные доносители наблюдали, кто и какими людьми заселялъ оныя. Ежели владѣлецъ принималъ къ себѣ свободнаго хлѣбопашца, то его наказывали какъ лишающаго другихъ свободы; а если крѣпостнаго, то подвергали взысканію, какъ будто бы онъ хотѣлъ присвоивать себѣ чужихъ людей — и мнимая вина сопровождалась пенею семидесяти гривенъ. Только Жиды, издавна гнѣздившіеся въ Государствѣ, находили себѣ покровителей въ судахъ. За малѣйшую обиду, нанесенную имъ школьниками, наказывались родители вышепомянутою пенею. Ей же подвер-

гался и тотъ, кто по невѣдѣнію принималъ къ себѣ на дворъ заблудшую скотину: таковыхъ обвиняли въ воровствѣ. Кто же не въ состояніи былъ платить пени, того отправляли въ рудокопни.

Но симъ не ограничивалась жестокость. При взносѣ пени сборщики браковали монету. По тогдашнему обыкновенію, въ Польшѣ, Богеміи и другихъ сосѣдственныхъ Государствахъ, деньги были ежегодно переливаемы, и, кто не имѣлъ новыхъ, тотъ могъ употреблять серебро свое только по вѣсу и достоинству метала. Когда обвиненный желалъ выкупиться отъ наказанія (что всегда дозволялось), то онъ долженъ былъ заплатить пеню монетою того года, и ежели онъ не купилъ оной у мѣнялъ, то сборщики обвиняли его въ подлогѣ денегъ или въ утайкѣ старой, вышедшей изъ употребленія монеты. Тогда брали у подсудимаго все имущество и самаго его подвергали пыткамъ и заключенію. Подобныхъ насилій не избѣгали и Духовныя лица, не рѣдко лишавшіяся въ пыткахъ и жизни и имущества, которое описывалось въ казну или поступало въ собственность частныхъ лицъ. Къ злобѣ и корыстолюбію недостойныхъ судей и начальника ихъ Кетлича присовокупилась ненавистная политика самаго Мечислава, желавшаго властвовать однимъ ужасомъ и старавшагося разными мѣрами

ослабить богатое Дворянство съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы пресѣчь замыслы онаго къ уничиженію Монархической власти: ибо со времени раздѣленія Государства, Государи Польскіе теряли уваженіе въ глазахъ народа,—чему были поводомъ примѣры въ Германіи, гдѣ сильнѣйшіе Графы, Маркграфы и Сановники Императорскаго Двора, мало по малу усиливаясь и богатѣя, содѣлались наконецъ Удѣльными Владѣтелями. Мечиславъ хотѣлъ явить себя настоящимъ Государемъ. Главные виды его обращены были на Краковскую область, сильнѣйшую предъ иными числомъ и богатствомъ Дворянства и Духовенства,—область, которая уже и прежде умышляла лишить престола Болеслава Кудряваго, для введенія Республиканскаго образа Правленія.

Гедеонъ (Гешка), Епископъ Краковскій, не могъ взирать равнодушно на таковыя жестокости, и рѣшился представить Князю, что онъ, ввѣрясь недостойнымъ Совѣтникамъ, губитъ народъ и престаетъ быть отцемъ Отечества. Сію истину Епископъ облекъ въ слѣдующую аллегорію: женщина въ траурной одеждѣ принесла въ судъ жалобу на сына, который, имѣя будто бы подъ своимъ смотрѣніемъ стадо, ввѣрилъ его наемникамъ, отъ нерадѣнія коихъ оно содѣлалось добычею волковъ.— Мать означала Краковскую область, наемники—приближенныхъ и друзей Князя, волки

жестокость и насиліе. Въ семъ кроткомъ увѣщаніи вся вина падала на дурно избранныхъ Совѣтниковъ, но и Князь естественно причастенъ былъ оной за не осмотрительный выборъ людей, оказавшихся злодѣями. Замѣчаніе Епископа не подѣйствовало: Мечиславъ разсудилъ аллегорическую жалобу матери правосудно; но не преставалъ отягощать Краковской области; узнавъ же настоящій смыслъ аллегоріи, вознегодовалъ на Епископа, изгналъ его изъ своихъ владѣній, а друзей его предалъ смерти. Таковое оскорбленіе Духовнаго сана усилило всеобщій ропотъ и породило тайный противъ Мечислава заговоръ подъ предводительствомъ Епископа Гедеона и Краковскаго Воеводы Стефана. Отправясь въ Сендомиръ, они предложили корону Казиміру II, и, не смотря на его противорѣчіе, убѣдили принять оную. Казиміръ II въѣхалъ въ Краковъ съ малочисленною свитою Дворянъ; предъ нимъ отворились городскія ворота, и крѣпость съ цѣлою областію признала его своимъ избавителемъ.

Линія Малопольская, прерываемая иногда линіею Великопольскою.

КАЗИМІРЪ II, СПРАВЕДЛИВЫЙ.

(1178 — 1194)

Со вступленіемъ на престолъ Казиміра II, Мечиславъ III Старый уѣхалъ въ Великую Польшу, и, созвавъ тамъ Совѣтъ, положилъ противиться Малой Польшѣ. Зная превосходство силъ ея, онъ заблаговременно прибѣгнулъ къ зятьямъ своимъ, Богемскому Князю Собѣславу, Фридриху Лотарингскому и Бернарду Саксонскому изъ Дома Ангальтскаго; но замыслы его были ниспровергнуты неожиданнымъ происшествіемъ. Старшій сынъ его Оттонъ (1179) вооружился на него за то, что младшіе братья, отъ другой матери рожденные, получили лучшія земли; а жители Великой Польши, какъ будто изъ презрѣнія къ поступку Оттона, поддались Казиміру II, предпочитая кроткое его Правленіе. Во время сихъ безпорядковъ возмутились обѣ Померанія для возвращенія себѣ свободы. Казиміръ II не взялъ всей Великой Польши, но оставивъ оную въ рукахъ хищника Оттона, удо-

вольствовался однимъ Гнѣзномъ, какъ Столицею Государства, и отдалъ Померанію Слупскую въ ленное владѣніе Богуславу, сыну Вартислава I и зятю Мечислава III, а Гданскую (Мархію Данцигскую) родственнику Жирослава Самбору. Такимъ образомъ обезпечивъ себя съ Сѣвера и Запада, Казиміръ обратилъ вниманіе и оружіе противъ Россіи, у которой взялъ Брестъ, Владиміръ и Перемышль и старался примирить между собою Силезскихъ Князей, дабы тѣмъ надежнѣе возстановить порядокъ въ Государствѣ. Изъ сихъ Князей Мечиславъ I Ратиборскій, недовольный Болеславомъ Высокимъ за неравный раздѣлъ Силезіи, соединился съ старшимъ его сыномъ Ярославомъ, обижавшимся по причинѣ вторичнаго супружества отца, выгналъ его изъ Бреславля и принудилъ бѣжать изъ своихъ владѣній; въ то же время и третій братъ Конрадъ, оставивъ духовное званіе, началъ домогаться своей части. Но посредничество Казимира II произвело новый раздѣлъ; при чемъ онъ, желая имъ согласія, подарилъ Мечиславу I Ратиборскому области Битомскую и Освѣтимскую. Польша имѣла крайнюю нужду въ мирѣ съ сосѣдними землями для исправленія внутреннихъ безпорядковъ и неустройства. Ея Вельможи, оружіемъ и силою пріобрѣтшіе значительныя помѣстья, считали себя Удѣльными Владѣтелями, особливо съ того време-

ни какъ самовольно перестали нести всѣ повинности, кромѣ военной, на основаніи феодальнаго права, которое владычествовало въ Европѣ послѣ паденія Римской Имперіи.

Недостатокъ въ деньгахъ, грубое невѣжество народовъ, взаимные набѣги, невозможность содержать войска въ дисциплинѣ—необходимо вели къ сему образу Государственнаго устройства. Болеславъ Храбрый подчинилъ было феодальную систему въ Польшѣ вліянію Монархической Власти, и хотя послѣ его смерти разныя обстоятельства ослабляли его постановленія; однакожь и Болеславъ III Кривоустый, достойный правнукъ Болеслава Храбраго, еще умѣлъ возстановить послушаніе, совсѣмъ уничтожившееся при слабомъ правленіи отца его и при замѣшательствахъ, происшедшихъ послѣ бѣгства Болеслава Смѣлаго. Но потомъ раздѣленіе Верховной власти уменьшило власть Государей. Дворянство привыкло не повиноваться и предпочитать частную выгоду общей, обогащаясь помѣстьями и при малѣйшемъ случаѣ поднимая знамя бунта. Владиславъ II и Мечиславъ III заплатили утратою короны за желаніе распространить верховную власть; хотя употребленные ими къ тому способы и оправдываютъ нѣсколько ихъ противниковъ. Между тѣмъ злоупотребленія, родившіеся отъ уменьшенія сей власти, пустили корень слишкомъ

глубоко. Сильное Дворянство присвоивало себѣ тѣ преимущества, кои принадлежали однимъ Государямъ; отягощало бѣдный народъ въ селахъ и городахъ требованіемъ для себя подводъ, какъ будто бы на Государственныя надобности. Частыя поѣздки Государей для рѣшенія на мѣстѣ тяжебныхъ дѣлъ, требовали, чтобы поселяне и граждане безденежно удовлетворяли всѣмъ ихъ дорожнымъ надобностямъ. Надменное дворянство, переѣзжая съ мѣста на мѣсто въ сопровожденіи многочисленной свиты, принуждало бѣдныхъ поселянъ къ таковой же повинности, и въ случаѣ сопротивленія, скудное достояніе оратая, пріобрѣтенное въ потѣ лица его, дѣлалось добычею насилія. Духовенство было подвержено тѣмъ же бѣдствіямъ: движимое и недвижимое имѣніе умершихъ Епископовъ поступало въ раздѣлъ между сильнѣйшими Дворянами, или присоединялось къ казнѣ Княжеской, съ обидою родственниковъ покойнаго. Надлежало исправить всѣ сіи безпорядки; но благоразуміе требовало чрезвычайной осторожности. Мечиславъ Старый, вступивъ на престолъ, намѣревался утвердить власть свою на уничиженіи Дворянства, и съ сею цѣлію обложилъ оное новыми податями и повинностями; въ областяхъ возстановилъ суды, коихъ основаніемъ были ябеда и корыстолюбіе. Явилось множество клеветниковъ и доносителей, людей низ-

кихъ душею, съ продажною совѣстію, которые не рѣдко угнѣтали самую невинность изъ видовъ своекорыстія. Казиміръ II пресѣкъ сіе зло; указавъ границы судебной расправѣ и опредѣливъ повинности и права дворянства, приступилъ къ искорененію другаго рода безпорядковъ. Для того онъ собралъ въ *Ленчицѣ первый Законодательный* въ Польшѣ *Сеймъ.* Духовенство, которое одно только и знало въ сіе время грамоту, первенствуя въ Совѣтѣ Государей по учености своей и состоянію, первенствовало и на семъ Сеймѣ. Къ назначенному времени прибыли въ Ленчицу Гнѣзненскій Архіепископъ Збиславъ, Епископы: Гедеонъ Краковскій, Жирославъ Бреславскій, Херувимъ Познанскій, Лупусъ Плоцкій, Онольфъ Куявскій, Гавдентій Любушскій, Конрадъ Каминскій, и приглашены Силезскій Князь Болеславъ Бреславскій, Князья Польскіе: Лешекъ Мазовецкій, Оттонъ Познанскій и знатнѣйшее Дворянство для принятія и утвержденія Законовъ. Дабы произвесть сильнѣйшее впечатлѣніе на умы, Епископы въ полномъ облаченіи провозглашали статьи Законовъ и на ослушниковъ ихъ возлагали Церковную клятву. Такимъ образомъ Уложеніе принято всѣми. Отправленное въ Римъ посольство застало Папу Александра III въ Тускулумѣ, и получило подтвержденіе *Ленчицкаго Устава*, укрѣ-

пленнаго печатями Государя, Епископовъ и Дворянства.

Поводомъ къ сему посольству было еще и другое обстоятельство: Казиміръ II желалъ утвердить для своего потомства право наслѣдства на престолъ, заграждая путь къ оному старшимъ линіямъ Князей Польскихъ. Ибо хотя Князья Силезскіе и отказались отъ притязаній своихъ, однакожъ иногда возобновляли оныя, а сверхъ того ихъ отреченіе служило болѣе въ пользу линіямъ Великопольскихъ Князей, нежели потомству Казиміра. Папа Александръ III, благопріятствуя видамъ Казиміра II, и изъ благодарности за то, что онъ не мѣшался въ Церковныя дѣла въ то время, когда Императоръ Фридрихъ I далъ Риму нѣсколькихъ Анти-Папъ, уничтожилъ Уставъ Болеслава III Кривоустаго, на основаніи котораго верховная власть должна была принадлежать старшему сыну, и утвердилъ выборъ Казиміра, присовокупивъ, что родительское завѣщаніе не можетъ служить ни ему, ни его потомству препятствіемъ къ верховной власти.

Такъ водворенъ былъ нѣкоторый порядокъ въ Польшѣ, но еще не уничтоженъ поводъ къ раздорамъ за тронъ. Линія Великопольская не отставала отъ своихъ требованій; ея примѣру слѣдовали Князья Силезскіе: Государственная тишина не могла быть про-

должительною. Мечиславъ III Старый получилъ обратно Великую Польшу, примирившися съ сыномъ своимъ Оттономъ чрезъ посредство зятя своего Богуслава, Князя Штетинскаго, тогда какъ Казиміръ II Справедливый находился въ Россіи и приводилъ въ прежнее подданство Брестъ и Галичь. Не довольствуясь симъ, Мечиславъ III вооружилъ Силезцевъ и Императора Фридриха I противъ Казиміра II (1183) и выманилъ у Мазовецкаго Князя Лешка, сына Болеслава Кудряваго, запись на Мазовію, на случай, если онъ послѣ себя не оставитъ потомства. Однакожъ всѣ сіи замыслы рушились: (1184) ибо Лешекъ, увидѣвъ, что Мечиславъ III хотѣлъ владѣть Мазовіею еще при его жизни, отступился отъ своей записи, и подтвердивъ родительское завѣщаніе, вторично объявилъ право наслѣдства за Казиміромъ II. Нѣмцы удержаны были отъ нападенія на Польшу своими собственными обстоятельствами. Но въ то самое время, когда одна туча бѣдствій удалялась отъ Польши, новыя безпокойства въ Россіи обратили на себя вниманіе Казиміра. Жители Галича отправили своего Князя Мстислава Ярославича и призвали къ себѣ княжить брата его Владиміра, который изгналъ въ Венгрію Романа Мстиславича, воспитанника и племянника Казиміра II. Бела III, Король Венгерскій, вмѣсто того, чтобы дать ему помощь, по-

14

садилъ на Галицкій престолъ сына своего Андрея (1185). Но Казиміръ II, по случаю Крестовыхъ походовъ, остался съ Венгріею въ мирѣ. По смерти Лешка Мазовецкаго, онъ, какъ наслѣдникъ его, взялъ себѣ Мазовію и Куявію.

(1187) Владычество Венгерцевъ въ Галичѣ было не продолжительно. Владиміръ Ярославичъ, бѣжавъ изъ заключенія въ Венгріи, сталъ нападать на Польскія и Венгерскія земли. Казиміръ отправилъ противъ него Краковскаго Воеводу Николая, и побѣдивъ его, простилъ какъ родственника; потомъ выгналъ Венгерцевъ изъ Галича, и отдалъ его тому же Владиміру, съ обязательствомъ платежа дани Польшѣ. Оскорбленный симъ, Бела III хотѣлъ мстить, но собственныя его дѣла, переходы войскъ Фридриха I въ Палестину и претерпѣнныя тамъ Крестоносцами бѣдствія воспрепятствовали его намѣреніямъ. По сему случаю заключено перемиріе на три года. Съ тѣхъ поръ Казиміръ II поддерживалъ вліяніе свое на Россію; но когда присутствіе его тамъ оказалось нужнымъ для разрѣшенія споровъ между Россійскими Князьями, (1191) тогда Мечиславъ III, распустивъ слухъ будто Казиміръ II отравленъ въ Россіи, пріѣхалъ съ сыновьями въ Краковъ, и вторично овладѣлъ утраченнымъ скиптромъ. Тамъ приняли его охотно, съ великолѣпіемъ. Только два брата,

Воевода и Гетманъ Николай и Пелка, Краковскій Епископъ, затворили предъ нимъ крѣпость. Казиміръ II, получивъ извѣстіе о сей измѣнѣ, собралъ, сколько могъ, воиновъ, и получивъ пособіе отъ Россійскихъ Князей Владиміра Галицкаго, Романа Владимірскаго и Всеволода Бельзскаго, спѣшилъ къ Кракову, и былъ встрѣченъ Дворянствомъ и поселянами, которые измѣнили ему потому только, что были увлечены обманомъ. Мечиславъ III и сынъ его бѣжали, но вскорѣ примирились съ Казиміромъ II: ибо Мечиславъ, побѣжденный болѣе снисходительностію Казиміра нежели его оружіемъ, удовольствовался своимъ Удѣломъ, и уже не предпринималъ ничего ко вреду брата. Казиміръ II, обезпечивъ себя со стороны Великой Польши, нашелъ возможность итти на Прусаковъ и Ятвяговъ (1192). Побѣдивъ сихъ послѣднихъ на Подлясьѣ или Полѣсьѣ, онъ обратилъ вниманіе на Венгровъ, съ которыми кончилось перемиріе; заключилъ съ ними миръ (1193) и опредѣлилъ границею горы Татарскія и Карпатскія или Кремпакъ.

(1194) Казиміръ умеръ отъ апоплексическаго удара. Съ Еленою Всеволодовною, Княжною Бельзскою, прижилъ онъ двухъ сыновей, Лешка Бѣлаго, названнаго такъ по бѣлымъ волосамъ, и Конрада, родоначальника Князей Мазовецкихъ. Казиміръ II умѣлъ ограничивать гнѣвъ свой, былъ привѣтливъ и не памято-

злобивъ: доказательство сей добродѣтели онъ явилъ еще въ юности, когда играя въ кости съ какимъ-то Яномъ, получилъ отъ него пощечину, и простилъ ему сію обиду. Справедливость его доказывается уступкою брату Великой Польши. Въ битвахъ былъ онъ мужественъ, въ мирѣ благоразуменъ. Любили его и подданные и иноземцы; всѣ сіи качества возвышались еще болѣе пріятною наружностію. Монашествующее духовенство отъ щедротъ его получило фундуши въ Сулеёвѣ, Плоцкѣ и Копривницѣ, а бѣлое въ Краковѣ. Онъ уменьшилъ власть и надменность Дворянства; но съ тѣмъ вмѣстѣ облегчилъ оное въ податяхъ и повинностяхъ, учрежденныхъ корыстолюбивымъ Мечиславомъ.

ЛЕШЕКЪ V, БѢЛЫЙ.

До Казиміра II Справедливаго существовало еще нѣкоторое единство Монархіи: ибо не смотря на скоропреходящія бури и сильное вліяніе вельможъ, перевѣсъ былъ всегда на сторонѣ верховной власти; но потомъ, когда каждый Князь сталъ почитать себя независимымъ, повиновеніе часъ отъ часу слабѣло. Вынужденный обстоятельствами, и допущенный Казиміромъ избирательный образъ Правленія, раздѣленіе и безъ того уже не обшир-

наго Государства между малолѣтными сыновьями, слабость опеки и раздоры при Дворѣ, —приготовили конечное паденіе верховной власти.

Стараніемъ Краковскаго Епископа Пелки, *Лешекъ V Бѣлый* избранъ былъ Государемъ и Княземъ Краковскимъ, мимо Князей другихъ линій, именно же, Мечислава III Стараго Великопольскаго и Мечислава I Князя Ратиборскаго, домогавшихся престола. По молодости Лешка Бѣлаго опека надъ нимъ поручена была матери его Еленѣ, а правленіе Воеводѣ Николаю и Краковскому Епископу Пелкѣ (1196). Безпокойный Мечиславъ III началъ междоусобіе. Въ битвѣ надъ Мозгавою войска Малопольскія одержали (1199) кровопролитную побѣду. Но Мечиславъ III, пользуясь несогласіями, возникшими между Княгинею Еленою и Правителями, достигъ обманомъ того, чего не могъ получить силою. Прельщенная лестными обѣщаніями, Княгиня уступила ему Краковъ и переѣхала съ сыномъ въ Сендомиръ. Когда Мечиславъ III не устоялъ въ словѣ, Краковскій Воевода Николай, вѣрный другъ Казиміра II, (1201) возвратилъ на тронъ Лешка Бѣлаго. Вмѣсто благодарности, онъ нашелъ въ Княгинѣ Еленѣ неблаговоленіе, имѣя враговъ, которые условились изгнать его; но онъ предупредилъ ихъ, уѣхавъ добровольно къ Мечиславу III и указавъ ему путь къ Кракову. И такъ

Мечиславъ III Старый въ третій разъ вступилъ на престолъ, и оставался на ономъ уже до смерти. Онъ умеръ въ Калишѣ, и погребенъ въ церкви Св. Павла, имъ самимъ основанной. Въ послѣдствіи времени, когда сіе зданіе обветшало, церковь была перенесена изъ онаго въ Коллегіату Пресвятыя Богородицы.

Смертію Мечислава III не прекратились раздоры. Большинство голосовъ призывало на тронъ Лешка Бѣлаго; но Краковскій Воевода Николай противился сему, пока не принято условіе, чтобы Лешекъ Бѣлый удалилъ отъ себя Сендомирскаго Воеводу Гаворка, на что Лешекъ не согласился не смотря на просьбы самаго Гаворка. По сему избранъ въ Краковскіе Князья, съ согласія самаго Лешка, Владиславъ III Тонконогій, сынъ Мечислава III.

ВЛАДИСЛАВЪ III, ТОНКОНОГІЙ.

Въ непродолжительное его правленіе Силезскіе Князья, раздѣляясь, по смерти Глоговскаго Князя Конрада Тонконогаго, на двѣ линіи, правили своими Удѣлами почти самовластно, точно такъ какъ Лешекъ Бѣлый съ братомъ Конрадомъ въ Сендомиріи и въ Мазовіи. Поморскіе Князья, пользуясь симъ, и имѣя у себя войско, равное Великопольскому, стали уклоняться отъ подданства Польши.

Въ Россіи Владимірскій Князь Романъ, съ согласія опекуновъ Лешка Бѣлаго сдѣлавшись Княземъ Галицкимъ, (1196) помышлялъ не только объ отпаденіи отъ Польши, но и объ овладѣніи всею Россіею. Онъ покорялъ Литву, и увидѣвъ, что Лешекъ Бѣлый отказался отъ короны, пересталъ уважать его; началъ (1204) распространять свои набѣги до самаго Сендомира и требовалъ Люблина, будто бы въ вознагражденіе за военные убытки. Но Плоцкій Воевода Христинъ сразилъ его подъ Завихвостомъ (1205), и хотя можно было полагать, что сія побѣда откроетъ Польскому оружію путь въ Россію, однакожь дѣло кончилось мирно: ибо Владиславъ Тонконогій, навлекшій на себя непріязнь Духовенства, не могъ думать о покореніи Галича.

ЛЕШЕКЪ V, БѢЛЫЙ.

(1207—1228)

По смерти Краковскаго Воеводы Николая, Лешекъ V Бѣлый, (1207) возвратился въ Краковъ по старанію Краковскаго Епископа Пелки. Владиславъ Тонконогій уступилъ ему престолъ безъ кровопролитія и самъ уѣхалъ въ Познань. Сдѣлавшись Краковскимъ Княземъ, Лешекъ отдалъ брату сво-

ему Конраду Мазовію и Куявію, оставивъ за собою Малую Польшу съ округами Сърадскимъ и Ленчицкимъ и съ Данцигскою или Гданскою Помераніею, которую, по дальности разстоянія, ввѣрилъ Святополку на правахъ Удѣльнаго Князя.

(1214.) Между тѣмъ какъ продолжались сіи безпрестанные раздѣлы и безпорядки, Венгры, по смерти Романа, начали снова помышлять о Россіи. Венгерскій Король Андрей II, котораго Россіяне, жители Галича, просили дать имъ въ Князья сына своего Коломана, не только отдалъ ему Галицкое Княжество, но даже угрозами и вліяніемъ Папской власти принудилъ Лешка Бѣлаго выдать за него дочь свою Саломею (1215). Но Венгерское владычество въ Галичѣ существовало не долго: Коломанъ отвратилъ отъ себя сердца народа насильственнымъ обращеніемъ его къ Латинскому обряду, а Мстиславъ Мстиславовичъ нашелъ вскорѣ способъ къ овладѣнію Галичемъ (75). Разбивъ присланные въ пособіе Коломану Польскіе и Венгерскіе полки, онъ занялъ городъ, плѣнивъ и самаго Коломана съ малолѣтною супругою, выпущенныхъ потомъ черезъ два года (1217) при заключеніи мира на условіяхъ, чтобы младшій Венгерскій Королевичъ Андрей женился на малолѣтной дочери Мстислава и получилъ за нею въ приданое Галицкое Кня-

жество. Но и сіе предположеніе рушилось: ибо Венгерскій Король Андрей II, отъѣзжая въ Палестину, сдѣлалъ совсѣмъ другія распоряженія, и того же своего сына, съ согласія Папы, обручилъ съ дочерью Арменскаго Короля Льва. Такимъ образомъ Венграмъ осталось отъ Россіи одно только пустое названіе въ титулѣ Королевскомъ.

Между тѣмъ какъ Галичь переходилъ въ другія руки, колебалась и Мазовія. Ея Князь Конрадъ допустилъ погибнуть Воеводѣ Христину, приказавъ его прежде лишить зрѣнія въ селеніи Коваляхъ. Причиною сей жестокости было смѣлое увѣщаніе Воеводы юному Князю за его развратную жизнь. Но усердіе Христина принято за предлогъ къ овладѣнію Мазовіею и составленію изъ оной Удѣльнаго Княжества. Плоцкій Прелатъ Янъ Чапля, Канцлеръ и любимецъ Конрада, былъ главою враговъ Христина и виновникомъ его казни, которой и самъ послѣ подвергся. Сей Христинъ, мужъ рѣдкаго ума и прозорливости, сначала опекунъ Княжескій, доставившій ему Куявію и Мазовію, потомъ побѣдитель Романа подъ Завихвостомъ и гроза Прусаковъ, Литовцевъ, Ятвяговъ и иныхъ окрестныхъ языческихъ народовъ, былъ въ такой славѣ, что свои называли его *Великимъ Воеводою*, а язычники *божкомъ Польскимъ*. Могущество его снискало

ему враговъ и безвременную гибель, а гибель его повергла народъ въ бѣдствія.

(1217.) Прусаки, узнавъ о плачевной смерти своего побѣдителя, взялись за оружіе, и въ весьма короткое время разоривъ Хелмно и болѣе 250 церквей и часовень, дѣлали набѣги даже до Плоцка, столицы Мазовіи. Отъ сихъ успѣховъ гордость язычниковъ возрасла до такой степени, что они посылали даже требовать отъ Конрада коней и богатой одежды: будучи не въ силахъ удовлетворять жадности ихъ, онъ приглашалъ къ себѣ гостей на пиръ и забиралъ у нихъ коней и одежду. Прусскій Епископъ Христіанъ совѣтовалъ Конраду учредить духовное ополченіе, по примѣру Рыцарей Меченосцевъ, которые съ успѣхомъ воевали тогда (1167) Ливонію. Братья Добринскіе, основатели Ливонскаго ордена, или братья ополченія Христова въ Добрынѣ, не могли устоять противъ язычниковъ. Вѣсть о бѣдствіи Мазовіи достигла до Рима. Папа Гонорій поручалъ Гнѣзненскому Архіепископу Генриху и Прусскому Епископу Христіану, замѣнить обѣты Крестоносцевъ Іерусалимскихъ въ обязанность воевать Пруссію, позволяя вступать въ орденъ всякому, кто захочетъ участвовать въ сей войнѣ.

—Не лучше шли дѣла и въ Великой Польшѣ. Владиславъ Тонконогій безпрестанно ссорился то съ Духовенствомъ, то съ племянникомъ сво-

имъ Владиславомъ Одоничемъ (Оттоновичемъ). Великая Польша страдала отъ собственнаго оружія, какъ Мазовія отъ чужаго. Только въ Силезіи подъ скиптромъ Генриха Бородатаго, было нѣсколько спокойнѣе: тамъ Св. Гедвига съ супругомъ своимъ строила монастыри и другія Богоугодныя заведенія; (1203—1218) похвальному ихъ примѣру подражали Казиміръ и Людмила въ Верхней Силезіи. Въ тѣ времена монастыри были весьма полезны: монахи распространяли науки и просвѣщеніе и поощряли народъ къ воздѣлыванію пустынь. Между тѣмъ (1218) въ Польской Помераніи возрастало могущество Святополка. Онъ отнялъ у Датчанъ Слупскъ, завоеванный Валдемаромъ II.

(1222.) Общее вооруженіе Польши противъ Прусаковъ было отчасти удачно, и Мазовецкій Князь Конрадъ I уже далъ привилегію на учрежденіе Епископства Прусскаго или Хелмскаго. Но спокойствіе возстановлено было не надолго: ибо войска, по тогдашнему обычаю, разошлись. Въ Великой Польшѣ вспыхнула новая война (1223) между Владиславомъ Тонконогимъ и Владиславомъ Одоничемъ (Оттоновичемъ), а Малая Польша терпѣла (1225) отъ вражды двухъ знатнѣйшихъ фамилій, Одровонжовъ и Грифовъ. Лешекъ Бѣлый хотѣлъ было Яна Грифа лишить честнаго имени за то, что онъ въ сраженіи

съ Прусаками обратился въ бѣгство. Грифы, Краковскій Воевода Маркъ и Каноникъ Андрей, братъ Яна, уѣхали въ Силезію и убѣдили Генриха I. Бородатаго домогаться Кракова. Превосходство силъ Лешка и союзника его, Мазовецкаго Князя Конрада, склонило Генриха I къ миру, особенно когда онъ увидѣлъ ничтожную толпу защитниковъ Марка. Должно думать, что случай сей послужилъ къ заключенію не только мира но и искренней дружбы, тѣмъ болѣе, что Св. Гедвига съ самаго начала отсовѣтывала супругу своему начинать войну. Во время сихъ происшествій Прусскіе язычники, пользуясь отсутствіемъ Конрада, шедшаго на помощь брату, возобновили набѣги на Мазовію. По совѣту Генриха Бородатаго, Мазовецкій Князь Конрадъ I призвалъ Крестоносцевъ въ Пруссію для покоренія язычниковъ.

Сіи Крестоносцы, или братья—Рыцари Нѣмецкаго ордена, составляли духовное воинство, учрежденное (1190) при осадѣ Птолемаиды, сначала для призрѣнія немощныхъ и раненыхъ, а потомъ для защиты странниковъ, на подобіе древнѣйшихъ братьевъ Св. Іоанна или позднѣйшихъ Мальтійскихъ кавалеровъ, и по образцу Рыцарей Храма. Папа Целестинъ III утвердилъ существованіе сего ордена, и далъ имъ уставъ Мальтійскій для служенія больнымъ и бѣднымъ, и правила Хра-

мовыхъ Рыцарей для службы военной. На сихъ-то Рыцарей Генрихъ Бородатый обратилъ вниманіе Мазовецкаго Князя Конрада I, который (1225) отправилъ посольство къ ихъ четвертому Магистру, (76) Герману Зальцу, прося его о присылкѣ Рыцарей и обѣщая отдать имъ Хелминскую землю. Императоръ Генрихъ II и Папа Гонорій III радовались сему предложенію: одинъ помышлялъ о распространеніи мнимаго своего владычества надъ свѣтомъ, другой о духовномъ вліяніи на Славянскія земли; они не только побуждали Германа Зальца къ принятію сдѣланнаго ему предложенія, но даже преждевременно приняли подъ свое покровительство орденъ и будущія пріобрѣтенія его въ Пруссіи. Тогда Германъ отправилъ Конрада Ландисберга съ товарищемъ для обозрѣнія обѣщанной земли. Они прибыли въ Мазовію еще до возвращенія Конрада I, Мазовецкаго Князя, и Ландисбергъ принялъ начальство надъ войскомъ, собраннымъ противъ язычниковъ Княгинею Агазіею, но претерпѣлъ пораженіе и едва не умеръ отъ ранъ. Прежде нежели Конрадъ I предоставилъ (1228—1230) Крестоносцамъ Хелминскую землю, Императоръ Фридрихъ II, по мнимому праву обладанія свѣтомъ и распоряженія языческими владѣніями, отдалъ оную со всѣми будущими пріобрѣтеніями Крестоносцамъ;

тоже сдѣлалъ и Папа Гонорій III, какъ Глава Христіанскаго міра.

(1228) Безпокойства въ Великой Польшѣ, гдѣ Владиславъ Одоничь, (Оттоновичь), мстя Владиславу Тонконогому за несправедливое владѣніе его собственностію, старался лишить его Удѣла, дали мысль Лешку Бѣлому созвать съѣздъ въ Гонсавѣ, близъ Жнина. Предлогомъ къ тому было примиреніе Великопольскихъ Князей, а настоящею цѣлію онаго возвращеніе Накла, коимъ завладѣлъ Святополкъ. На съѣздъ были призваны также Старосты Святополкъ, всѣ Епископы и Вельможи коронныхъ провинцій. Лешекъ намѣревался обмануть Святополка; но сей избѣгнулъ приготовленной для него сѣти. Святополкъ и Владиславъ Одоничь согласились упредить Лешка. Владиславъ обѣщалъ быть въ Гонсавѣ къ началу съѣзда; Святополкъ напротивъ того долженъ былъ подъ разными предлогами откладывать свое прибытіе, и потомъ сдѣлать нечаянное нападеніе.

Совѣщаніе началось въ присутствіи Князей, Гнѣзненскаго Архіепископа Викентія, Епископовъ и множества знатнѣйшихъ обывателей. Три дня ждали Святополка, чтобъ рѣшить походъ къ Наклу. Въ четвертый день, въ то время когда Лешекъ и Генрихъ были въ банѣ, произошло ужасное смятеніе. Святополкъ, узнавъ чрезъ лазутчиковъ, что Князья

въ банѣ, ворвался въ Гонсаву съ толпою воиновъ, и побивъ безоружныхъ, велѣлъ отыскивать Лешка и Генриха. Лешекъ выбѣжалъ изъ бани, и, почти нагій, сѣвъ на коня, съ нѣсколькими изъ своихъ воиновъ ускакалъ. Святополкъ преслѣдовалъ его до деревни Марцинова, гдѣ сей Государь, послѣ мужественнаго сопротивленія, палъ отъ руки его. Нѣкоторые увѣряютъ, что Святополкъ схватилъ бѣжавшаго изъ бани Лешка, и посадивъ его на своего коня, намѣревался увезти его живаго; но слыша за собою погоню, собственною рукою умертвилъ его и бросилъ трупъ его на дорогѣ. Между тѣмъ Поморцы напали въ банѣ на Генриха. Княжескій слуга Вейсенбургъ, видя его плавающаго въ крови, собственнною грудью закрылъ его отъ новыхъ ранъ. Убійцы, поразивъ сего вѣрнаго слугу, удалились, думая что подъ нимъ убитъ и Генрихъ; но онъ былъ взятъ своими воинами и на носилкахъ препровожденъ въ Бреславль (14 Ноября 1228).

Таковъ былъ плачевный конецъ Лешка Бѣлаго, Государя добраго, справедливаго, въ дружбѣ и намѣреніяхъ твердаго, но къ царствованію неспособнаго и слишкомъ чистосердечнаго. Лешекъ имѣлъ за сорокъ лѣтъ, правилъ Государствомъ 33 года, включая въ то число промежутки владѣнія Мечислава и Владислава Тонконогаго. Отъ Русской Княжны

Гремиславы, дочери Ярослава, имѣлъ онъ Саломею, бывшую въ послѣдствіи Королевою Галицкою, и малолѣтнаго сына Болеслава, наслѣдника отцевскихъ Княженій и Польскаго престола. Въ царствованіе его введены въ Польшу духовные ордена, Доминиканскій и Францисканскій, для обращенія къ Христіанству Прусскихъ и Татарскихъ язычниковъ, и для облегченія Епископовъ въ духовныхъ дѣлахъ.

При Лешкѣ Бѣломъ Польша утратила на время Поморье и власть надъ Княжествомъ Галицкимъ и другими въ Россіи, гдѣ Мстиславъ Мстиславовичь повелѣвалъ самодержавно, отражая съ успѣхомъ Венгровъ, неоднократно переходившихъ Карпатскія горы.

БОЛЕСЛАВЪ V, ЦѢЛОМУДРЕННЫЙ.

(1228—1279).

Малолѣтство Лешка Бѣлаго повергло Польшу въ бѣдствія междоусобій; юность осмилѣтняго сына его, Болеслава V, имѣла тѣже слѣдствія. Мазовецкій Князь Конрадъ и Князь Бреславскій Генрихъ I Бородатый домогались опеки надъ нимъ силою оружія. Побѣда осталась на сторонѣ Генриха, и онъ принялъ бразды правленія по волѣ и желанію

Гремиславы, матери Князя, и Воеводъ Марка Краковскаго и Пакослава Сендомирскаго. Но спокойствіе было не продолжительно. Когда Генрихъ I Бородатый распустилъ войско, Конрадъ неожиданно вторгнулся въ Краковское Княжество, и, съ помощію нѣкоторыхъ жителей онаго, бывъ признанъ опекуномъ, схватилъ Генриха въ Спитковицкой церкви во время самой обѣдни, и заключилъ его въ темницу въ Плоцкѣ, или, какъ другіе пишутъ, въ Черскѣ.

(1229)—Между тѣмъ какъ сіе происходило въ Малой Польшѣ, Владиславъ Тонконогій и Владиславъ Оттоновичь междоусобіемъ своимъ разоряли Великую Польшу. Въ Мазовіи Конрадъ I щедро раздавалъ Крестоносцамъ волости и привилегіи, дабы обезпечить себя со стороны Пруссіи на время дѣйствій своихъ съ Генрихомъ въ Краковскомъ Княжествѣ. Въ сихъ бѣдствіяхъ Польши Св. Гедвига, супруга Генриха Бородатаго, пріѣхала въ Мазовію, и уговорила противниковъ къ заключенію мира (1230.) Освобожденный изъ заключенія супругъ ея отказался отъ опеки и возвратился въ Силезію; не смотря на то, мстительный Конрадъ не преставалъ угнетать народъ въ Малой Польшѣ за преданность къ Генриху. Опольскій Князь Казиміръ присвоилъ себѣ землю Велюнскую, которая называлась тогда Рудскою.—Наконецъ, когда притѣсненія Кон-

рада дошли до высочайшей степени, (1234) Болеславъ бѣжалъ изъ Сецѣхова, гдѣ находился съ матерью въ заключенiи, въ Силезiю искать покровительства. Тогда Генрихъ I Бородатый снова вступилъ въ опеку, и правилъ съ честiю Государствомъ до самой своей кончины (1238). Конрадъ еще разъ пытался присвоить себѣ опеку надъ слабымъ Болеславомъ: (1239) сей воспротивился ему и принявъ самъ бразды правленiя, обручился съ Св. Кунигундою, дочерью Белы IV, Короля Венгерскаго.

Хотя раздѣленiе Польскаго Королевства на многiя мелкiя Княжества влекло за собою раздробленiе силъ народныхъ, народъ же Польскiй, будучи по языку и обычаямъ одинъ, никогда не былъ склоненъ къ Федерализму и даже не способенъ къ оному; однакожъ обрабатыванiе земли, науки, ремесла и промышленость начинали процвѣтать среди всѣхъ безпорядковъ и бѣдствiй внутреннихъ и внѣшнихъ, среди войнъ кровавыхъ, когда нужно было напрягать всѣ силы, чтобы не дать Государству погибнуть. Таковы были войны Казимiра I противъ язычниковъ и крамольниковъ, и войны Болеславовъ I, II и III противъ всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ.—При Болеславѣ IV было иначе: сосѣди сдѣлались спокойнѣе, а внутреннiе раздоры не такъ

были чувствительны отъ слабости силъ мелкихъ Князей и отъ другихъ причинъ.

По свидѣтельству Гнѣзненскаго Архіепископа Пелки (1237) (77), приходскія школы, повсюду учрежденныя, были въ хорошемъ состояніи. Изъ сихъ-то школъ вышли первые Польскіе лѣтописцы Матвѣй герба Холевы (1166); Кадлубекъ Епископъ Краковскій (1204); Богуфалъ Епископъ Познанскій (1253) и иные, писавшіе послѣ Мартина Галла (78) или Галлика, (1109—1138) Зарейнскаго Нѣмца. Также и монашескіе ордена старались распространять просвѣщеніе, ревнуя въ семъ отношеніи одинъ другому. Цистерсы, Норбертанцы (79) и другіе заняли мѣста Бенедиктинцевъ, распространяя духъ благочестія и хозяйства. Размноженіе монастырей и церквей усугубляло дѣятельность въ народѣ, который до того времени не зналъ ни ремеслъ, ни искусствъ. Только супруги и дочери Князей умѣли прясть и ткать одежды для супруговъ своихъ и родителей. Сему примѣръ видимъ въ Св. Гедвигѣ, супругѣ сильнѣйшаго изъ Пястовъ, Княжнѣ Меранской. Жены дворянъ также приготовляли всякаго рода одежду, предоставляя труднѣйшую работу крѣпостнымъ людямъ своимъ. Что касается до городовъ, то оные мало отличались отъ селъ. Славяне издревле умѣли ткать сукна; но Фламандскія и Италіанскія были всегда добротнѣе. Извѣстно впрочемъ,

что тончайшія сукна выдѣлывались въ женскихъ монастыряхъ. Введеніе орденовъ, Доминиканскаго въ 1218 году (въ Краковъ 1222) и Францисканскаго, въ 1226 (1237), укрѣпило связь Польши съ ученымъ Римомъ, Парижемъ и цѣлымъ свѣтомъ. Краковскій Епископъ Иво, основатель Цистерскаго монастыря Могилы (clara tumba) близъ Кракова, познакомился въ Парижѣ съ Св. Доминикомъ, а Св. Іаковъ въ Краковѣ, блаженный Чеславъ въ Бреславлѣ, и Св. Гедвига сдѣлались извѣстными и за границею и въ послѣдствіи причислены Церковію къ лику Святыхъ. Доминиканецъ Мартинъ, Полякъ, былъ духовникомъ Папы Климента V (1277). Города начали расширяться, украшаясь зданіями въ Италіанскомъ вкусѣ и великолѣпными церквами, кои видимъ въ Бреславлѣ (1148) и Краковѣ (1222). Поляки славились своими ваятелями и живописцами; Краковскій уроженецъ Октавій Вольцнеръ (1156) строилъ (по свидѣтельству Оссолинскаго) *предъ Вѣною* церковь всѣхъ Святыхъ, что нынѣ соборъ Св. Стефана; неизвѣстно только, что значатъ именно слова его *предъ Вѣною:* въ предмѣстіи Вѣны или до построенія Вѣны. (80)?

Между тѣмъ многія ремесла перешли отъ крѣпостныхъ людей къ людямъ свободнаго состоянія: послѣ 1160 года въ Силезіи были уже новыя поселенія, коихъ слѣды видны были и въ Польшѣ до нашествія Татаръ.

Нересгеймскій Игуменъ Ортлибъ (1164), посѣтившій Княгиню Саломею (около 1140—1148), вдову Болеслава III Кривоустаго, хотя и не весьма любилъ Поляковъ, но дѣлаетъ разницу между городами и мѣстечками (81). Любопытное его описаніе, впрочемъ нѣсколько надутое, содержитъ въ себѣ слѣдующее: „Князь „(Болеславъ III Кривоустый), принужденный „смертію, отправился въ слѣдъ за отцами своими 25 Октября (8 Cal. Nov.) и умеръ, а „супруга его Саломея, дочь Графа Генриха Бергскаго и сестра Дипольда, который и нынѣ „правитъ отцевскимъ Графствомъ, лишившись „столь великаго мужа, прислала къ намъ (въ „Цвейфальтенъ) одну изъ дочерей, именемъ „Гертруду, съ великими дарами, съ тѣмъ, „чтобъ она вступила въ нашъ орденъ (Цистерской). Вскорѣ за тѣмъ явился ея посланный, съ объявленіемъ желанія ея, дабы къ „ней прибылъ братъ нашъ Оттонъ де Стузелингенъ, котораго она называла своимъ учителемъ, и привезъ съ собою одного изъ нашихъ Священниковъ. Оттонъ взялъ меня, „Ортлиба, какъ Священника, и брата Герунда, и прибылъ къ Княгинѣ въ мѣстечко (in „oppidulo Paginensi). . . . Княгиня съ пріятностію привѣтствовала насъ; чрезъ нѣсколько дней мы осматривали съ нею хижины и „шалаши (casas et tentoria), подобные Нумидійскимъ, и заперлись съ нею въ церковномъ

„мѣстѣ, именуемомъ Malgostus (Малогощъ) съ „вѣрнымъ ея Подкоморіемъ. Взявъ ключи у „церковниковъ, онъ отворилъ и показалъ все, „бывшее даже за печатями, и приказалъ намъ „выбирать для себя мощи. Изъ безчисленнаго „множества сихъ сокровищъ взявъ болѣе 80 „частицъ, мы наполнили оными большой сун„дукъ. Когда же (Княгиня) хотѣла съ нами „проститься, по ея приглашенію прибыли къ „ней изъ Удѣловъ своихъ (e regionibus suis) сы„новья ея Болеславъ и Мечиславъ, съ женами „ихъ, дочерями Короля Венгерскаго и Русскаго, „въ городъ Ландзицу (Ленчица) на вѣче (ad collo„quium generale) съ Вельможами Государства „(cum primatibus regni). Тутъ она совѣтова„лась съ ними, должно ли дочь ея Агнесу вы„дать за мужъ, или обручить ее Царю Не„бесному въ нашемъ орденѣ. Но подозрѣніе на „Ладислава (Владислава II) побудило ихъ вы„дать сіе трехлѣтнее дитя за сына Русска„го Короля."

По мѣрѣ того какъ украшались города, приходили въ лучшее состояніе и села. Новый-торгъ (Neumarkt) въ 4 миляхъ отъ Бреславля, получилъ еще отъ Болеслава I Высокаго, въ 1175 году право Тевтонское. Сей же Князь, который былъ въ Италіанскомъ походѣ съ Императоромъ Фридрихомъ I, основалъ въ Силезіи много городовъ и селъ съ такимъ же пра-

вомъ. Ему обязанъ своимъ именемъ Болеславецъ (Бунцлау).

Явилось новое бѣдствіе, которому противостать Болеславъ V не имѣлъ ни силъ, ни твердости духа. Грозное нашествіе Татаръ могло бы легко уничтожить всѣ усилія Князей Польскихъ и Королей Венгерскихъ; но туча, предъ которою дрожали и отдаленнѣйшія Европейскія Державы, обратилась въ иную сторону. Монгольскіе Татары въ 1212 году составили въ Азіи огромное Государство, коего главою былъ Чингисханъ, соединившій подъ свой скипетръ всѣхъ Татаръ. Сіи Монголы такъ сильно напали на Половцевъ, жившихъ по берегамъ Чернаго моря, что они, бывъ до того времени явными врагами Россіянъ, принуждены были у нихъ же искать и помощи для себя. Россіяне, разбитые при рѣкѣ Калкѣ подъ предводительствомъ Галицкаго Князя Мстислава Мстиславовича (1225), уже не имѣли возможности отразить варваровъ. Преемникъ Мстислава, Даніилъ, былъ безпрестанно тревожимъ Литвою и Татарами, тогда какъ вся Россія за Днѣпромъ уже преклонила выю подъ иго Татарское. Не смотря на то, Россійскіе Князья и тогда еще спорили другъ съ другомъ о Кіевскомъ тронѣ. Татары не остановились за Днѣпромъ (1241). Батый перешелъ сію рѣку и обратился на Венгрію, а въ Польшу отправилъ Байдара или Пету. Всѣ мѣста

до самой Вислы были опустошены, Сендомиръ разграбленъ и набѣги Татаръ простирались до Кракова. Тамошнему Воеводѣ Владиміру удалось разбить отрядъ ихъ подъ Турскомъ, близъ Поланца: сіе обстоятельство одушевило мужествомъ войско Сендомирское и Краковское, которое сразилось съ Татарами подъ Хмельникомъ (18 Марта 1241). Пораженіе Поляковъ отверзло Татарамъ путь въ Краковъ. Жители онаго разбѣжались. Татары зажгли пустой городъ: въ немъ уцѣлѣла только церковь Св. Андрея. Изъ Венгріи чрезъ Моравію Татары прошли въ Силезію. Мечиславъ, Князь Опольскій, разбилъ часть ихъ при переправѣ чрезъ Одеръ, подъ Храпицами (Крапицъ), но долженъ былъ отступить когда узналъ о приближеніи значительной Татарской силы. Варвары спѣшили къ Бреславлю, но нашли тамъ одни развалины: городъ былъ сожженъ Польскими воинами, для удобнѣйшей защиты зáмка. Зáмокъ, гдѣ нынѣ стоитъ Соборная церковь, остался въ цѣлости: ибо Татары, устрашенные появленіемъ сѣвернаго сіянія, или нечаянною ужасною бурею, сопровождаемою громомъ и молніею, отступили. Сильное Христіанское воинство собралось подъ Лигницомъ и было разбито. Генрихъ II Набожный, сынъ Бородатаго, палъ на полѣ битвы 9 Апрѣля 1241. Силезія и Польша были опустошены. Но Татары не долго здѣсь оставались, потому, что

безпокойства въ Китаѣ требовали ихъ возвращенія, или что не имѣли намѣренія селиться въ сихъ мѣстахъ: послѣднее вѣроятнѣе и доказано набѣгами 1260 и иныхъ годовъ, въ которые хищничество и пожаръ были единственною ихъ цѣлію.

Столь жестокое пораженіе двухъ великихъ народовъ, Россійскаго и Польскаго, было причиною подвиговъ Литвы, дотолѣ почти неизвѣстной. Литовцы и Князья ихъ Ердивилъ, Тотивилъ и Викиндъ, начали успѣшно воевать съ Россіею, и, не довольствуясь тѣмъ, вторгнулись въ Мазовію, откуда однакожь были изгнаны сыномъ Луки, Готардомъ. Во время ихъ нападенія Болеславъ V уѣхалъ въ Венгрію, и, уже по прошествіи сей бури, находился за границею до тѣхъ поръ, пока жители Малой Польши, наскучивъ собственнымъ неустройствомъ, избрали себѣ Государемъ Лигницкаго Князя *Болеслава Лысаго*, сына Генриха Набожнаго, павшаго подъ Лигницомъ (82). Конрадъ I не могъ равнодушно видѣть сіе: междоусобіе вновь воспылало (1242); но возвратившійся изъ Венгріи Болеславъ V, послѣ разныхъ перемѣнъ счастія, получилъ опять свое наслѣдіе.

(1243)—Вскорѣ послѣ того сыновья Владислава Оттоновича или *Плевача*, Великопольскіе Князья Премиславъ и Болеславъ, отняли у Болеслава Лысаго то, что принадле-

жало дѣду ихъ въ Великой Польшѣ; послѣ того сія послѣдняя нѣсколько времени пребывала въ тишинѣ, между тѣмъ какъ въ Малой Польшѣ Конрадъ I, Князь Мазовецкій, до самой смерти своей (1247) не прекращалъ дѣлать набѣги, для которыхъ онъ употреблялъ Литовцевъ и Прусскихъ язычниковъ. Тогда же Галицкій Князь Даніилъ, принявъ въ Дрогичинѣ титулъ Галицкаго Короля, взялъ Люблинъ, а Ятвяги и Литва грабили Малую Польшу и Мазовію. Безпрестанные раздоры между Силезскими Князьями прокладывали путь къ потерѣ Любуша; Маркграфы же Брандебургскіе изъ Дома Ангальтъ, не только присвоили себѣ Любушъ, но распространяя свои поселенія за Одеръ, на отнятыхъ отъ Великой Польши участкахъ образовали Новую Мархію и уже касались Помераніи своими владѣніями.

(1260)—При новомъ нашествіи Татаръ разрушены первый дѣвичій монастырь въ Завихвостѣ, монастырь на Лысой горѣ, города Сендомиръ и Краковъ; Болеславъ же, бѣжавъ опять въ Венгрію, оставался въ оной до минованія бѣдствія.

(1264)—Частыя хищничества Ятвяговъ пробудили наконецъ въ Болеславѣ духъ мужества: онъ вооружился всѣми силами, истребилъ сей народъ, а Подлясье, мѣсто ихъ жительства, населилъ Мазурами и Поляками.

(1265)—Въ слѣдующемъ году Болеславъ V назначилъ преемникомъ своимъ *Лешка Чернаго*, Сѣрадскаго Князя, внука Конрада I, Князя Мазовецкаго. Самъ же, сдѣлавъ съ супругою своею обѣтъ цѣломудрія, не имѣлъ дѣтей, и потому прозванъ *Цѣломудреннымъ*.

(1266) — Побѣда надъ Шварномъ, вѣроятно Перемышльскимъ Княземъ (83), положила конецъ набѣгамъ Русскихъ въ Сендомирскомъ Княжествѣ; но Люблинъ, кажется, оставался еще въ ихъ владѣніи.

Велико-Польскіе Князья воевали съ Брандебургцами за Сантокъ и иныя волости, а наконецъ и за Поморье, въ которое Маркграфы начинали вторгаться.

Мазовецкіе и Куявскіе Князья вели войну съ Литвою и Прусаками; наконецъ и Крестоносцы, забывъ благодѣянія, вооружились противъ своихъ благодѣтелей.

(1273)—Бунтъ вельможъ противъ Болеслава V, по наущенію Краковскаго Епископа Павла, возжегъ новую войну съ Опольскимъ Княземъ Владиславомъ I. Многочисленное дворянство Малой Польши шло уже къ Ополю съ намѣреніемъ присягнуть ему на вѣрноподданство; но Болеславъ, на обратномъ пути изъ Богеміи, напалъ на непокорныхъ подъ Богуциномъ, разсѣялъ ихъ и конфисковалъ имѣніе ихъ, и между тѣмъ какъ Литовцы, вѣроятно по условію съ бунтовщиками, опусто-

щали землю за Вислою, Болеславъ V разорялъ Верхнюю Силезію.

Все время правленія Болеслава V было цѣпію различныхъ бѣдствій. Одинъ только Краковъ обязанъ ему своимъ украшеніемъ, распространеніемъ и укрѣпленіемъ. Въ 1257 году онъ даровалъ ему право Тевтонское или Магдебургское, а послѣ набѣга Татаръ, въ 1260, вновь отстроилъ оный и обнесъ стѣною. Устройство и возобновленіе соляныхъ копей въ Величкѣ и Бохнѣ, дало поводъ къ баснѣ, будто бы сіи копи открыты были при немъ; изъ сего преданія родилось другое, будто бы супруга его С. Кунигунда перенесла сіи сокровища въ Польшу изъ Венгріи. Первое монашеское общество Кларисcъ, основанное въ Завихвостѣ, оттуда переведенное въ Камень подъ Краковомъ, наконецъ перемѣщенное въ Андреевскій монастырь въ Краковѣ, обязано своимъ существованіемъ С. Кунигундѣ и Болеславу V, который и въ прочихъ духовныхъ фундушахъ оказалъ особенную щедрость.

Болеславъ V Цѣломудренный умеръ въ Краковѣ 7 Декабря 1279 года. Онъ былъ легковѣренъ, и потому несправедливый судія; излишно любилъ охоту, не успѣлъ снискать любви подданныхъ, не умѣлъ прекращать ссоръ и безпорядковъ внутреннихъ: словомъ былъ Государь только по имени.

ЛЕШЕКЪ VI, ЧЕРНЫЙ (84).

(1279—1289).

Хотя Лешекъ Черный, присоединивъ свой Удѣлъ, Сѣрадское Княжество и часть Куявіи, къ Малой Польшѣ, сдѣлался нѣсколько сильнѣе нежели его дядя, но еще не имѣлъ способовъ возстановить клонившееся къ упадку Государство.

Побѣда, (1280), одержанная надъ Россійскимъ Княземъ Львомъ (85), доставила Полякамъ обратно Люблинъ; но о владѣніяхъ Польскихъ на Руси ничего не упоминается: ибо Лешекъ, удовольствовавшись разореніемъ земли даже до Львова, тѣмъ же Львомъ основаннаго, возвратился съ добычею въ Польшу, не помышляя о дальнѣйшихъ выгодахъ побѣды.

Въ слѣдующемъ (1281) году безуспѣшная осада Бреславля, предпринятая для освобожденія Силезскихъ Князей, пойманныхъ Генрихомъ IV Праводушнымъ, была единственнымъ дѣломъ, достойнымъ вниманія.

Побѣда надъ Литовцами (1282) подъ Люблинымъ, приписанная чуду Архангела Михаила, положила на короткое время преграду набѣ-

гамъ ихъ на Польшу; но вскорѣ ссора съ Мазовецкимъ Княземъ Конрадомъ II (1283), котораго нѣкоторые Вельможи приглашали на Краковскій тронъ, воспламенила междоусобную брань, благопріятную для новыхъ набѣговъ Литовцевъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ потомъ, (1287) Татары опустошили всѣ земли до самаго Кракова и принудили Лешка Чернаго искать убѣжища въ Венгріи. Отъ сего нашествія Малая Польша понесла значительную потерю въ людяхъ. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что однѣхъ дѣвицъ досталось въ добычу варварамъ 21.000. По отбытіи Татаръ оказались голодъ и язва. Лешекъ, возвратясь изъ Венгріи, предпринялъ походъ противъ Мазовецкаго Князя Конрада II. Но Краковцы и Сендомирцы не принимали участія въ семъ походѣ. Одни только Сѣрадскіе жители выступили (1288) и были разбиты Конрадомъ II. Послѣ сего пораженія, въ слѣдующемъ (1289) году Лешекъ Черный умеръ, не оставивъ ни дѣтей, ни завѣщанія о наслѣдствѣ.

Онъ былъ Государь слабый духомъ и силами, и хотя иногда одолѣвалъ враговъ, но сіе должно, кажется, приписывать болѣе случаю или мужеству его вождей, нежели его личнымъ достоинствамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Отъ кончины Лешка Чернаго до кончины Владислава Локтика.

1289—1333.

БОЛЕСЛАВЪ, КНЯЗЬ МАЗОВЕЦКІЙ и ГЕНРИХЪ IV, КНЯЗЬ БРЕСЛАВСКІЙ.

По кончинѣ Лешка Чернаго всѣ линіи Пястовъ возобновили притязанія свои на престолъ. Происшедшія отъ того Государственныя неустройства продолжались шесть лѣтъ. Происки сосѣдей и злые умыслы вельможъ еще болѣе смущали спокойствіе Государства и довели оное до крайности, отъ которой Польша избавилась только помощію Божіею и твердостію духа Владислава Локтика.

На Сендомирскомъ Сеймѣ избранъ въ Краковскіе Князья Мазовецкій Князь Болеславъ Плоцкій, но Краковскіе граждане призвали Бреславскаго Князя Генриха IV на тронъ, о

коемъ онъ и самъ уже давно помышлялъ. Беззащитный Болеславъ долженъ былъ выѣхать изъ Кракова, и хотя Дворянство убѣждало его защищать права свои, однакожъ онъ уступилъ оныя добровольно. Въ слѣдъ за тѣмъ и Дворянство признало Генриха Государемъ, выпросивъ прежде для себя нѣкоторыя преимущества.

ГЕНРИХЪ, КНЯЗЬ БРЕСЛАВСКІЙ, и ВЛАДИСЛАВЪ ЛОКТИКЪ, КНЯЗЬ СѢРАДСКІЙ.

Владычество Генриха въ Краковѣ было не долговременно: ближайшій послѣ Лешка Чернаго наслѣдникъ, Сѣрадскій Князь Владиславъ, по малому росту прозванный *Локтикомъ*, потребовалъ скиптра съ тою твердостію, съ каковою послѣ избавилъ Польшу отъ близкой гибели. Ему благопріятствовала большая часть Дворянства; въ особенности же помогали ему Князья Мазовецкіе, Великопольскіе и Поморскіе, изъ ненависти къ Силезцамъ, принявшимъ Нѣмецкіе обычаи. Владиславъ Локтикъ разбилъ Силезцевъ подъ Краковомъ (1290), и уже былъ объявленъ Государемъ, когда незапно явились новыя толпы Силезцевъ подъ начальствомъ Лигницкаго Князя Генриха V Толстаго. Краковскіе граждане, большею частію Нѣмцы, отворили ему ворота; а Вла-

диславъ едва успѣлъ спастись въ монастырѣ Францисканскомъ, и оттуда бѣжалъ въ монашеской одеждѣ. Смерть Генриха IV, умершаго бездѣтнымъ въ Бреславлѣ, произвела безпокойства въ Силезіи; Польша перестала опасаться ея, но бѣдствія отъ того не прекратились: Владиславъ Локтикъ не удержался на тронѣ, и на мѣсто прежняго соперника нашелъ другаго.

ПРЕМИСЛАВЪ, КНЯЗЬ ПОЗНАНСКІЙ и ВАЦЛАВЪ II, КОРОЛЬ БОГЕМСКІЙ.

По смерти Генриха IV объявилъ притязанія свои на престолъ Познанскій Князь Премиславъ, будущій наслѣдникъ Данцигской Помераніи, сильнѣйшій между тогдашними Князьями (1292). Владиславъ Локтикъ готовился уже сразиться съ нимъ, когда Богемскій Король Вацлавъ II отправилъ въ Польшу Прагскаго Епископа Товію и овладѣлъ Краковомъ подъ предлогомъ какихъ-то записей, сдѣланныхъ будто бы вдовою Лешка Чернаго. Сей городъ тѣмъ легче достался Вацлаву, что къ пріобрѣтенію онаго способствовалъ самъ Премиславъ II, желавшій только воспрепятствовать Локтику сѣсть на тронѣ. Вацлавъ II (1293) опустошилъ Сѣрадское Княжество, наслѣдственную собственность Локтика, но

усилія его въ Сендомирскомъ Княжествѣ остались тщетны. Въ то же время Татары и Литовцы вторгнулись въ Польшу, а Крестоносцы опустошили Мазовію.

ПРЕМИСЛАВЪ I, КОРОЛЬ.

Наконецъ бѣдствія. Государства убѣдили Поляковъ помыслить о соединеніи народныхъ силъ и прекращеніи раздоровъ, ведущихъ къ непремѣнной гибели. Познанскій Князь Премиславъ I, коронованный въ Гнѣзнѣ 26 Іюня, въ Воскресенье, 1295 года, возобновилъ потерянное или лучше сказать забытое въ теченіе полутора вѣка Королевское достоинство, и поселилъ было въ народѣ надежду на успокоеніе Отечества, уничтоженную измѣною Брандебургскихъ Маркграфовъ Ангальтовъ, которые основали было въ предѣлахъ Польши Новую Мархію и вторгались въ Померанію. Онитто напавъ на Короля въ Рогознѣ умертвили его послѣ осьмимѣсячнаго царствованія; въ ихъ заговорѣ участвовали и нѣкоторые Польскіе вельможи. Достойно замѣчанія, что домъ Маркграфовъ Ангальтской линіи Алберта-Медвѣдя, состоявшій изъ двѣнадцати членовъ, въ теченіе двадцати съ небольшимъ лѣтъ, совершенно пресѣкся, и наслѣдство ихъ перешло въ чужія руки. Польскія фамиліи Наленчовъ и За-

рембовъ за участіе въ убійствѣ Премислава I, даже до временъ Казиміра III Великаго лишены были права служить на войнѣ съ прочимъ дворянствомъ и носить одежду багрянаго цвѣта. Длугошъ почитаетъ сіе извѣстіе несправедливымъ. Такъ и въ то время умѣли, изъ уваженія къ сильнымъ, скрывать злодѣйства ихъ фамиліи или подвергать оныя сомнѣнію, забывая, что пороки предковъ не вредятъ потомкамъ добродѣтельнымъ.

ВЛАДИСЛАВЪ IV или I, ЛОКТИКЪ.

(Въ другой разъ.)

По убіеніи Премислава спѣшили избрать Королемъ Владислава Локтика (1297), который началъ свое царствованіе довольно счастливо. Но время успокоенія Государства еще не наступило. Силезцы тревожили Великую Польшу, простирая къ оной разныя притязанія, а приверженцы Богеміи подняли оружіе въ Малой Польшѣ. Необузданность войскъ Владислава Локтика была болѣе всего чувствительна для духовныхъ имѣній: по сему поводу Познанскій Епископъ Андрей отлучилъ Короля отъ Церкви, и въ то время когда Владиславъ Локтикъ находился въ Малой Польшѣ, жители Великопольскіе собрали Сеймъ въ Познани

и провозгласили Королемъ Польскимъ Вацлава II, Короля Богемскаго, а Нѣмецкій Императоръ Албрехтъ I, хотя и не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на Польшу, однакожъ, подъ предлогомъ древняго мнимаго владычества надъ цѣлымъ свѣтомъ, позволилъ Вацлаву II принять *титулъ Короля Польскаго* и приводить въ свое повиновеніе области Локтика.

ВАЦЛАВЪ I, (въ Богеміи II.)

Провидѣніе не рѣдко утѣшаетъ людей въ несчастіи спасительными слѣдствіями онаго, какихъ не льзя было бы и ожидать. Царствованіе Вацлава въ Польшѣ достойно хвалы, и хотя притѣсненія Вельможъ были слишкомъ чувствительны для народа, однакожъ Польша нѣкоторое время пребывала спокойною; даже самое могущество сосѣдственныхъ Государствъ служило ей оплотомъ отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Между тѣмъ Владиславъ Локтикъ, изгнанный изъ Польши, въ несчастіи своемъ пріобрѣталъ твердость духа и непоколебимую рѣшительность,—качества, которыя необходимо нужны ему были для избавленія Отечества отъ угрожавшей оному явной гибели. Венгерскій Воевода Амадей отправилъ его въ Римъ для снисканія покровительства Бонифатія VIII:

въ сіе время Богемцы отразили Поморянъ, а Малопольская шляхта отняла у Россіянъ Люблинъ.

Король Вацлавъ ввелъ въ Польшѣ въ употребленіе Богемскую монету. Отселѣ родилась баснь, будто бы при немъ въ первый разъ начали чеканить монету. Въ его царствованіе Краковъ укрѣпленъ стѣнами и обогатился разными сокровищами; мало по малу и Государство начало приходить въ устройство. Не смотря на сіе, народъ сожалѣлъ о Локтикѣ; и хотя онъ уже возвратился изъ Италіи, однакожъ въ пользу его ничего еще не было предпринимаемо. Владиславъ снова уѣхалъ въ Венгрію къ Амадею, и чрезъ годъ потомъ, собравъ горсть вооруженныхъ людей, (1305) овладѣлъ Епископскимъ замкомъ Пелчискою, въ Краковской области. Могущество Богемцевъ въ Польшѣ уменьшалось съ тѣхъ поръ, какъ Вацлавъ вознамѣрился возвести на Венгерскій престолъ сына своего, и симъ намѣреніемъ оскорбилъ Папу. Неудачи въ Венгріи, а по свидѣтельству нѣкоторыхъ, и ядъ, были причиною смерти Вацлава, послѣдовавшей въ Прагѣ 24 Іюня 1305 года.

ВЛАДИСЛАВЪ ЛОКТИКЪ.

(*Въ третій разъ.*)

Смерть Вацлава открыла Владиславу Локтику путь къ овладѣнію всею Малою Польшею: ибо наслѣдникъ и сынъ перваго, Вацлавъ III, проводилъ жизнь въ распутствѣ и пьянствѣ, имѣя сверхъ того дѣло и съ Венграми; (1306) когда же, принужденъ будучи оставить Венгрію, начиналъ помышлять о Польшѣ, нечаянная смерть пресѣкла дни его 3 Сентября въ Ольмюцѣ, гдѣ онъ палъ измѣннически отъ руки Потенштейна. Съ нимъ пресѣклась линія Королей Богемскихъ, и Богемія сдѣлалась жертвою внутреннихъ безпорядковъ. Австрійскій Герцогъ Рудольфъ, и послѣ него Каринтскій Герцогъ Генрихъ, царствовали въ Богеміи весьма короткое время; наконецъ Іоаннъ, сынъ Императора Генриха VII, изъ дома Люксембургскаго, возсѣлъ на тронъ Богемскій, женясь на младшей дочери Вацлава II Елисаветѣ. Сей новый Богемскій Король, видя опасность для себя въ самой Богеміи и не имѣя никакихъ владѣній въ Польшѣ, присвоилъ однакожь себѣ титулъ Коро-

ля Польскаго подъ предлогомъ соединенія Императорскою властію Польской короны съ Богемскою.

Когда сіе происходило въ Богеміи, Владиславъ Локтикъ утвердился на Польскомъ престолѣ, преодолѣвъ множество препятствій. Первое встрѣтилъ онъ въ Великой Польшѣ, которая на Познанскомъ Сеймѣ рѣшилась признать своимъ Государемъ Глоговскаго Князя Генриха III: даже спрятали знаки Королевскаго достоинства въ Гнѣзнѣ, чтобы Владиславъ Локтикъ не могъ употребить оныхъ при своемъ короновании. Другое и гораздо важнѣйшее затрудненіе (1307) встрѣтилъ онъ въ Помераніи. Сильная фамилія Швенцовъ лишила Польшу на цѣлые полтора вѣка сей приморской области, столь нужной для Государства. Петръ Швенца призвалъ въ оную Маркграфовъ Брандебургскихъ, которые, въ короткое время овладѣвъ многими замками, облегли Данцигъ. Крестоносцы помогали жителямъ онаго защищаться; но по отбытіи Поляковъ, (1308) сами вѣроломно овладѣли имъ и присвоили себѣ всю Померанію, будто бы въ вознагражденіе за издержки, понесенные при защитѣ ея. Уже съ давняго времени Крестоносцы не столько помышляли о войнѣ съ врагами Христіанства, сколько о пріобрѣтеніяхъ въ Польшѣ. По сему поводу они не возвращали данной имъ въ закладъ Куявскими

Князьями Михайловской земли, утверждая, будто бы срокъ уплаты за оную миноваль; равномѣрно не иначе хотѣли возвратить Польшѣ и Померанію, какъ съ условіемъ, если Король уплатитъ имъ 100.000 гривенъ,—сумма, каковой не льзя было собрать въ то время. Король, еще не имѣя достаточныхъ силъ, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ отмстить наносимыя ему обиды, удовольствовался жалобою Папѣ на Крестоносцевъ; но они повиновались Главѣ Церкви когда то не было противно ихъ пользѣ, а Короля старались успокоить ничтожными Сеймами и подарками, коихъ онъ не могъ принять (1310).—Смерть Глоговскаго Князя Генриха III возвратила Великую Польшу скиптру Владислава Локтика, но въ то же самое время взбунтовался Краковъ, и граждане призвали на тронъ Опольскаго Князя Болеслава (1311). Прибытіе Владислава Локтика съ войскомъ прекратило бунтъ; виновники понесли достойную казнь, а Болеславъ долженъ былъ бѣжать обратно въ Силезію. Краковскій Войтъ Албертъ былъ главою сего мятежа; а соумышленниками его иные Войты, обогатившіеся имѣніями монастыря Тынецкаго. Къ сожалѣнію въ заговорѣ находились и духовныя особы: Янъ Мускаша, Епископъ Краковскій и Генрихъ, Игуменъ Мѣховскаго монастыря. Епископъ заключенъ въ темницу, а Мѣховскіе иноки высланы въ Вен-

трію и монастырь ихъ обращенъ въ Королевскій замокъ. Городъ Краковъ лишенъ правъ свободныхъ выборовъ, которые поручены надзору Воеводы. Заключеніе Алберта въ Опольскую темницу, и бѣдственная смерть его въ Богеміи извѣстны только изъ древней Латинской пѣсенки, въ которой виною немилости его выставляется Королева Гедвига, дочь Калишскаго Князя Болеслава. (Tom. II. Miscel. Cracov.)

Крестоносцы, не желая быть въ явной враждѣ съ Владиславомъ II Локтикомъ, старались вредить ему тайно: и потому, дабы удержать за собою Данцигъ и Померанію, они побуждали Богемскаго Короля Іоанна Люксембургскаго возобновить притязанія на владѣніе Польшею, а въ Авиньйонѣ старались о томъ, чтобъ Папа не признавалъ Владислава Королемъ. Но Король предупредилъ ихъ происки возобновленіемъ *гроша Св. Петра*, дани, которую Поляки и другіе Христіане Западной Церкви, въ знакъ уваженія къ Столицѣ Первосвященника, нѣкогда платили ежегодно, но потомъ оставили въ смутное время своего Отечества.

Скоро послѣдовало и торжественное коронованіе въ Краковѣ (20 Янв. 1319). Съ того времени Польскіе Короли постоянно въ семъ городѣ короновались. Недоброхотные Силезскіе Нѣмцы и Богемцы называли Локтика Коро-

лемъ *Краковскимъ*, но великость его души и рѣшительность даютъ ему несомнительное право именоваться *первымъ* Королемъ Польши, которую онъ избавилъ отъ гибели соединеніемъ областей ея. Онъ былъ возстановителемъ Государства и основателемъ Монархіи. Возраставшее въ Литвѣ могущество Великаго Князя Гедимина (1321), не только овладѣвшаго Кіевомъ, но покорившаго и другія Россійскія Княжества, и въ то же время приводившаго Крестоносцевъ въ опасеніе своимъ оружіемъ и переговорами съ Авиньйономъ, прикрывало несчастную Польшу съ Сѣвера и Востока. Бракъ Анны Гедиминовны (1325) съ Королевичемъ Казиміромъ послужилъ къ соединенію народа Польскаго съ Литовскимъ. Княжна Литовская, отданная Польскимъ посламъ, съ множествомъ плѣнниковъ всякаго состоянія и пола, исполнила Краковъ и цѣлое Государство великою радостію. Смежныя съ Литвою Польскія земли могли быть заселяемы (86) и процвѣтать безопасно. Сіи обстоятельства послужили къ укрѣпленію дружбы между обоими народами, Польскимъ и Литовскимъ. Но за столь благопріятными событіями послѣдовало отторженіе отъ короны Силезіи и Мазовіи (1326—27.) Слѣдуя примѣру Бреславскаго Князя Генриха VI, всѣ Силезскіе Князья признали себя данниками Богемскаго Короля Іоанна, продавъ ему свою независимость и

права, или будучи принуждены къ подданству силою и коварствомъ Іоанна, умѣвшаго пользоваться частными ихъ раздорами. Только Свидницкіе Князья пребыли вѣрными Польшѣ (1329). Вацлавъ, Князь Плоцкій, вмѣстѣ съ прочими Силезцами сдѣлался Вассаломъ Богеміи, а Крестоносцы, при пособіи Богемцевъ, разорили Куявію.

(1331) — Низложеніе Воеводы Викентія Шамотульскаго открыло Крестоносцамъ путь въ Великую Польшу. Но побѣда при Пловцахъ по возвращеніи Шамотульскаго на прежнее его достоинство, положила преграду ихъ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ, хотя впрочемъ не прекратила ихъ неистовствъ и не предохранила Куявіи отъ разоренія. Крестоносцы были разбиты при Пловцахъ. Король, объѣзжая на другой день поле битвы, нашелъ одного дворянина, Флоріана *Шараго* (Сѣраго), пронзеннаго тремя копьями. Король изъявилъ ему свое соболѣзнованіе, на что Шарый отвѣчалъ: „Ваше Величество! Я страждy не столько отъ ранъ, сколько отъ дурнаго сосѣдства.“ „Хорошо, сказалъ Король, потерпи; я избавлю тебя отъ онаго“—и приказалъ перенести его въ шатеръ для излеченія; когда же онъ выздоровѣлъ, Король подарилъ ему село, возлѣ котораго происходила битва, и къ гербу его *Козлиные рога* присовокупилъ *три*

копья. Отъ него произошли фамиліи Замойскихъ, Гомолинскихъ и другія.

Время перемиріа съ Крестоносцами употребилъ Король на возвращеніе въ свое владѣніе Косцявъ, города, остававшагося въ рукахъ Силезцевъ. Взятіе сего города (1333) было послѣднимъ подвигомъ знаменитаго Владислава.

Возвратяясь въ Краковъ, онъ занемогъ и не вставалъ уже съ одра до самой кончины. Соблюдая обязанности Христіанина и Короля, когда почувствовалъ приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ добродѣтельнаго мужа Доминиканца Илію, исповѣдался предъ нимъ и съ благоговѣніемъ пріобщился Св. Таинъ. Потомъ въ присутствіи Краковскаго Кастеллана Спициміра и Архидіакона Ярослава, давъ сыну своему совѣты, приличные его предназначенію и Государственнымъ потребностямъ, онъ поручилъ его собравшимся во множествѣ гражданамъ Королевства, и спокойно скончался въ Краковскомъ замкѣ, (2 Марта 1333) на 73 году отъ рожденія. Тѣло его погребено въ соборной церкви, гдѣ и доселѣ виденъ его памятникъ. Пишутъ, что будучи предъ погребеніемъ выставлено для народа, оно въ теченіе многихъ дней оставалось невредимымъ. Послѣ коронованія Владиславъ царствовалъ тринадцать лѣтъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ не былъ чуждъ многихъ пороковъ; но благородство души скоро одержало верхъ надъ

страстями; несчастія научили его быть добрымъ, а терпѣніе укрѣпило въ доблестяхъ. Рѣдкій Государь вынесъ столько бѣдствій; ни одинъ не превзошелъ его твердостію духа. Воспитанный и взросшій на ратномъ полѣ, онъ и посѣдѣлъ на ономъ, и, такъ сказать, изъ стана военнаго перешелъ на смертное ложе. Владиславъ Локтикъ былъ щедръ, благоразуменъ, обходителенъ, не любилъ мстить, словомъ: въ чрезвычайно маломъ тѣлѣ заключалъ великія качества, приносящія величайшую честь и человѣку и Государю.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Правленіе Казиміра III Великаго. Цвѣтущее состояніе Польши по соединеніи Удѣльныхъ Княжествъ Пястовъ въ одну Рѣчь Посполитую (Республику).

КАЗИМІРЪ III, ВЕЛИКІЙ.

(1333—1370)

По кончинѣ Владислава Локтика избранъ былъ Королемъ сынъ его Казиміръ III. Сіе избраніе было торжественное, но не произвольное, или, какъ называли спустя потомъ двѣсти лѣтъ, *свободное;* ибо, ограничиваясь только Царствующею линіею Дома Пястовъ, имѣло дѣйствіе въ однихъ лишь случаяхъ сомнѣнія, кому изъ Князей слѣдовало вступить на тронъ. Для устраненія прочихъ линій Казиміръ II, за полтора вѣка предъ тѣмъ, учредилъ избраніе, подтвержденное нынѣ Казиміромъ III для того, что право на корону имѣли и Князья Мазовецкіе и Силезскіе изъ Дома

Пястовъ, а сверхъ того и Богемскій Король Іоаннъ, изъ Дома Люксембургскаго, который, простирая также какія-то права на оную, именовался даже Польскимъ Королемъ, какъ о томъ было сказано выше. По смерти Лешка Чернаго избраніе походило уже болѣе на свободное и порождало множество безпорядковъ; но въ послѣдствіи, народъ, наученный несчастнымъ опытомъ, сколь сія свобода вредна, единодушно обратился къ избранію ограниченному. Со времени Болеслава Храбраго Польша составляла Королевство не раздѣльное, хотя съ одной стороны политика Римскаго Двора, съ другой Нѣмецкіе Императоры не признавали его Королевствомъ. Гибельный раздѣлъ, сдѣланный Болеславомъ Кривоустымъ, въ болѣзненномъ его состояніи, и подкрѣпленный Вельможами, какъ будто основанный на справедливости и на общемъ Славянскимъ народамъ обыкновеніи, раздробилъ Государство на столько Удѣльныхъ Княжествъ, сколько было Членовъ Королевскаго Дома, и хотя Княжество Краковское считалось главнымъ, однакожъ Князья, забывъ родство между собою, вмѣсто того, чтобы утверждать общія силы народныя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свои собственныя, предпочтительно искали личныхъ, частныхъ выгодъ; воевали за Краковъ, какъ Россіяне за Кіевъ, а Дворянство, особенно Краковское и Сендомирское, помогавшее имъ,

обогащалось маетностями и деньгами, пока наконецъ безпрерывныя войны привели Государство на край гибели, отвращенной только Премиславомъ I и Владиславомъ Локтикомъ, и не безъ потери. Но какъ общая потеря почти всегда влечетъ за собою убытокъ частный, то знатнѣйшее Дворянство бѣднѣло по мѣрѣ упадка Государства, и вездѣ оставались слѣды безпорядковъ и слабости правленія. По сей причинѣ и вступленіе на престолъ Казиміра могло быть ознаменовано новыми замѣшательствами. Сверхъ того ему предлежала война съ Крестоносцами, между тѣмъ какъ безпрестанно должно было опасаться и набѣга Татаръ. Но въ сіе время, чрезъ соединеніе многихъ областей, Король имѣлъ гораздо болѣе силъ, нежели его предшественники; сверхъ того пріязнь и родство съ Литвою и Венгріею обезпечивало его со стороны Восточной и Южной, тогда какъ опасность грозила отъ Сѣвера и Запада. Однакожь Королевство обязано было болѣе личнымъ достоинствамъ Казиміра, нежели стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ. По совѣту Яцка (Якова) Мельштинскаго, двадцати трехъ лѣтній Король умножилъ Государственные доходы, которые были совершенно истощены безпрерывными войнами и слабымъ правленіемъ, и видя необходимость прекратить военныя дѣйствія, заключилъ торжественное перемиріе

съ Крестоносцами на одинъ годъ, дабы между тѣмъ договориться о мирѣ съ Королями Богемскимъ и Венгерскимъ (1334.) Богемскій Король Іоаннъ, овладѣвшій по смерти Генриха VI Бреславскимъ Княжествомъ, а Князя Зембицкаго силою принудившій быть своимъ данникомъ, предвидя, что болѣе ничего сдѣлать не можетъ, приступилъ къ мирнымъ переговорамъ въ Тренчинѣ, и заключилъ миръ (1335) въ Вышегродѣ, соглашаясь за 20.000 копъ грошей Прагскихъ отречься отъ всѣхъ правъ на Польшу, и уступить сверхъ того Силезію и Мазовію, платившія ему дань. Вскорѣ заключенъ миръ и съ Крестоносцами: они обязались возвратить Померанію и Хелмскую область, а отъ Польши получить область Добринскую и Кулвію; но вѣроломные не прежде какъ чрезъ восемь лѣтъ, т. е. въ 1343 году, исполнили свое обязательство.

Верховная власть, предоставленная Казиміру III, умѣряла нѣсколько насильственныя средства, вынуждаемыя обстоятельствами; но самыя сіи средства были сначала весьма невыгодны какъ для самаго Короля, такъ и для Государства. Казиміръ, потерявъ надежду имѣть дѣтей мужескаго пола, и желая снискать дружбу Венгріи, усыновилъ племянника своего Лудовика, сына Короля Венгерскаго. Но дружба Венгріи оказалась не искреннею и не безкорыстною. Тщеславныя обяза-

тельства, что Лудовикъ самъ присоединитъ къ Государству отторженныя отъ онаго области, не будетъ опредѣлять къ судебнымъ должностямъ постороннихъ людей и не станетъ обременять Дворянство новыми податями, или не были исполнены или повлекли за собою вреднѣйшія слѣдствія, давъ начало *Государственнымъ условіямъ* (pacta conventa), сему источнику споровъ о престолѣ, которые въ послѣдствіи довели-было до мнимаго свободнаго избранія и, такъ названной, золотой вольности,—погубившей Польшу и многія другія Государства (87). Подкупы и своекорыстіе истребили искренность и прямодушіе въ Полякахъ, по крайней мѣрѣ въ высшихъ состояніяхъ, и навлекли на Государство величайшія бѣдствія.

Заключивъ миръ, Казиміръ III занялся искорененіемъ внутреннихъ безпорядковъ, грабежей и разбоевъ: ибо въ средніе вѣки не только чернь, но и самое дворянство дозволяло себѣ сіи злодѣянія. Только власть Государей, и то не вездѣ и не всегда, въ состояніи была прекращать внутреннія междоусобія, заставляя враждующихъ искать справедливости судебнымъ порядкомъ и отказываться отъ насилія, мести или доказательства правъ своихъ вооруженною рукою. Казиміръ III рѣшительно воспретилъ подобныя междоусобія въ Польшѣ (88); отъ чего земледѣліе на-

чало процвѣтать, число народа увеличилось и города украсились стѣнами и великолѣпными зданіями. Торговля и ремесла возродились подъ покровительствомъ Короля, который не забылъ и Жидовъ, обезпечивъ ихъ существованіе. Но чрезвычайное размноженіе сего народа въ Польшѣ, бѣжавшаго толпами въ оную изъ Германіи, гдѣ онъ былъ притѣсняемъ,—не весьма было полезно какъ для Государства такъ и для народа: что однакожь должно приписать не столько кротости тогдашнихъ законовъ и оказанному имъ покровительству, сколько позднѣйшимъ событіямъ.

По смерти наслѣдника Красной Руси, Мазовецкаго Князя Болеслава, и по прекращеніи въ той странѣ рода Князей Русскихъ, она была завоевана Казиміромъ (1340) и присоединена къ Польшѣ; въ слѣдъ за тѣмъ явились Татары (1341), опустошая все огнемъ и мечемъ даже до Вислы,—но сіе бѣдствіе скоро миновалось.

(1344)—Преслѣдованіе Болеслава или Болкова, Шведницкаго Князя въ Силезіи, который постоянно отказывался отъ платежа дани Богеміи, и права̀, простираемыя Глоговскими Князьями на Великую Польшу, были причиною кратковременной войны съ Богеміею. Казиміръ III отнялъ у Зеганскаго Князя Генриха Всховскую землю, а Богемскій Король Іоаннъ осадилъ съ своей стороны Швед-

ницъ и взялъ Ландсгутъ въ Силезіи; но Шведницкій Князь вскорѣ возвратилъ потерянное, ввезши въ городъ скрытыхъ въ телегахъ воиновъ. Всховская область осталась за Польшею, между тѣмъ какъ нападеніе Богемскаго Короля на Краковъ (1345) ограничилось грабежемъ; съ того времени до самой смерти Короля Іоанна (1346) вели войну уже не оружіемъ, а словами и перомъ. (89)

Мирное время Казиміръ III употребилъ на законодательство (1347). На Вислицкомъ Сеймѣ онъ издалъ Уложеніе или Статутъ, доселѣ извѣстный подъ именемъ *Статута Казиміровскаго.* Само собою разумѣется, что и до сего Статута были въ Польшѣ законы; но это было первое оныхъ собраніе по соединеніи Удѣльныхъ Княжествъ, утвержденное властію Короля и Государственными чинами.

(1349)—Война Литовская съ Крестоносцами подала Казиміру III случай завоевать Луцкъ, Владиміръ, Брестъ и Хелмъ; но когда Литовцы въ слѣдующемъ году начали опустошать Малую Польшу, то Король уступилъ Литвѣ Волынь (1350), а Львовъ и Красную Русь оставилъ за собою.

(1352).—Съ помощію наслѣдника своего Лудовика, бывшаго уже тогда Королемъ Венгерскимъ, Казиміръ вторично овладѣлъ Волынью и включилъ оную въ составъ Госу-

дарства. Писатели Нѣмецкіе и Венгерскіе свидѣтельствуютъ, что Лудовикъ собственно для себя завоевалъ Русское Королевство; но ихъ свидѣтельство опровергается торжественнымъ отреченіемъ его отъ всѣхъ правъ на сіе Королевство: чрезъ что Лудовикъ желалъ сохранить расположеніе къ себѣ своего дяди.

Вскорѣ послѣ того Казиміръ III сдѣлался обладателемъ Мазовіи: ибо когда Анна, Яворская Княгиня въ Силезіи, племянница Шведницкаго Князя Болкона и единственная наслѣдница послѣ дяди и отца, вышла за Императора Карла IV, сына и наслѣдника Богемскаго Короля Іоанна, тогда Казиміръ III уступилъ ему свои права на Княжества Яворское и Шведницкое, а Карлъ IV уступилъ Польшѣ Мазовію (1355).

Потомъ Казиміръ III занялся устройствомъ Руси; далъ Львову (90) Магдебургскія права; Армянамъ, Евреямъ, Татарамъ и другимъ иновѣрцамъ предоставилъ свободу вѣроисповѣданія и богослуженія (1360).

Возникшіе въ Валахіи по смерти Бежорада безпокойства, вовлекли Поляковъ въ войну Волошскую. Старшій сынъ его Стефанъ, изгнанный младшимъ, Петромъ, просилъ у нихъ защиты. Казиміръ III двинулъ Воеводства Краковское, Сендомирское, Люблинское и Русское, и приказалъ ввести Стефана въ Ва-

лахію. Но въ Буковинѣ, или въ лѣсу, называемомъ Плонивны, Петръ приготовилъ засаду, приказавъ подрубить деревья на пути неприятелей. Лишь только Поляки вошли въ лѣсъ, Волохи съ обѣихъ сторонъ дороги повалили деревья, коими однихъ перебило, а другіе, тяжело раненные, достались въ плѣнъ. Спаслось весьма малое число. Здѣсь Поляки потеряли, между прочимъ, три большія Земскія хоругви: Краковскую, Сендомирскую и Львовскую.

(1361 — 1363.) — За симъ бѣдствіемъ послѣдовало другое: голодъ и новые раздоры съ сосѣдами. По прекращеніи оныхъ водворилось въ Польшѣ совершенное спокойствіе, и Казиміръ III имѣлъ случай быть примирителемъ Венгерскаго Короля Лудовика съ Императоромъ Карломъ IV, которому потомъ обручилъ въ Краковѣ внучку свою Елисавету, Княжну Поморскую.

Казиміръ, желая праздновать бракосочетаніе Императора самымъ торжественнымъ образомъ, пригласилъ на оное Королей: Лудовика Венгерскаго, Петра Кипрскаго, Вольдемара Датскаго. Сверхъ того прибыли въ Краковъ: Баварскій Герцогъ Оттонъ, Силезскіе Князья Болеславъ Шведницкій, Владиславъ Опольскій, Мазовецкій Князь Земовитъ, Штетинскій Князь Богуславъ съ дочерью Елисаветою, и многія другія свѣтскія и духовныя Владѣ-

шельныя особы. Императоръ Карлъ IV, ѣдучи изъ Праги, былъ встрѣченъ на границѣ близъ Битомля, посланными отъ Короля Вельможами, кои провожали его чрезъ Бендынь и Олкушъ до самаго Кракова, удовлетворяя на пути всѣмъ надобностямъ высокаго путешественника. Четыре Короля съ Князьями, окруженные многочисленною свитою, и сопровождаемые тысячами народа, собравшагося видѣть сіе рѣдкое зрѣлище, выѣхали на встрѣчу Императору за милю отъ города. Императоръ въ нѣкоторомъ разстояніи сошелъ съ лошади, что сдѣлали и встрѣчавшія его особы. При взаимныхъ объятіяхъ всѣ плакали отъ радости, а народъ рыдалъ отъ умиленія, видя дружбу Государей залогомъ своего счастія. По окончаніи взаимныхъ привѣтствій сѣли на коней и отправились въ городъ, гдѣ при въѣздѣ встрѣтилъ ихъ Князь Богуславъ, подведя къ Монарху будущую его супругу, окруженную множествомъ женъ и дѣвицъ.

Народная честь требовала, чтобъ знаменитые гости содержаны были съ приличною сану ихъ пышностію. Король, богатый запасами, знавшій искусство хозяйства и умѣвшій поддерживать свое величіе, имѣлъ къ тому и всѣ способы. Городъ Краковъ, съ давнихъ временъ столица Князей и Королей, по многочисленности и богатству жителей и по красотѣ зданій, уже и въ то время при-

надлежалъ къ числу первыхъ городовъ Европы. Знаменитые гости, вся ихъ свита и Папскій Легатъ Петръ были размѣщены въ городѣ съ удобностію. Къ сему присоединялась и роскошь: вездѣ видны были золото, серебро, шелковыя ткани; чего не доставало въ Краковѣ, то съ избыткомъ доставляли туда Венеціане и Генуэзцы, торговавшіе на моряхъ Персидскомъ, Аравійскомъ, Средиземномъ и Черномъ. Всѣмъ угощеніемъ завѣдывалъ Николай Вѣржинекъ, дворянинъ герба Лагоды, который имѣлъ на рукахъ и казну Королевскую. Кромѣ отпускаемаго каждому гостю въ домъ, выставлялись на площадяхъ бочки съ напитками и сосуды съ яствами для народа. На третій день по прибытіи Государей совершенъ былъ въ Каѳедральной церкви обрядъ бракосочетанія Архіепископомъ Ярославомъ, въ присутствіи Папскаго Легата. Король далъ въ приданое за Императрицею 100.000 злотыхъ. Цѣлые двадцать дней продолжались праздники, игрища и разсылка дорогихъ подарковъ отъ Короля, который, превзошедши предшественниковъ своихъ богатствомъ, хотѣлъ блеснуть предъ свѣтомъ роскошью и щедростію. Даже Николай Вѣржинекъ сдѣлался извѣстнымъ въ народныхъ лѣтописяхъ. Распоряженіе Королевскою казною, дѣятельность и удачные торговые обороты сдѣлали его первѣйшимъ богачемъ въ Го-

сударствѣ. Надменному Вѣржинку вздумалось и у себя угостить Государей обѣдомъ. Гости съѣхались, надѣясь получить богатые дары. Вѣржинекъ испросилъ предварительно соизволеніе посадить ихъ по своей волѣ. Благодѣянія, полученныя имъ отъ своего Короля, заставили его назначить первое мѣсто для Казиміра; потомъ слѣдовалъ Императоръ, за нимъ Короли Венгерскій, Кипрскій и Датскій, наконецъ разные Удѣльные Владѣтели. Длугошъ повѣствуетъ, что сей Рейнскій выходецъ (91), купецъ и дворянинъ Краковскій, Маршалъ и Подскарбій Казиміра, болѣе 100.000 червонныхъ роздалъ въ даръ Государямъ и Князьямъ, удостоившимъ его своимъ посѣщеніемъ.

Могло статься, что посредствомъ сего самаго Вѣржинка, Краковъ имѣлъ торговыя связи. Извѣстно, что въ 1287 году, при Лешкѣ Черномъ, городъ сей самъ собою могъ уже отразить Татаръ. Въ 1306 году, по привиллегіи Вацлава I, Краковъ былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, шедшихъ въ Пруссію, и хотя въ 1311 году Владиславъ II Локтикъ наказалъ сей городъ за мятежъ Войта Алберта, лишивъ оный права избирать судей; но не льзя полагать, чтобы тотъ же Государь препятствовалъ распространенію торговли: извѣстно, какую выгодную привиллегію въ 1298 году даровалъ онъ Любеку, когда еще

владѣлъ Помераніею. Хотя же съ 1310 года Померанія перешла въ руки Крестоносцевъ, однакожъ товары шли изъ Кракова и всей Польши въ Пруссію и за море: ибо достовѣрно, что въ 1430 году Краковъ состоялъ въ связи съ Ганзою, и что Краковскіе купцы имѣли свои собственные корабли, на которыхъ вели торгъ съ Англіею и Испаніею. Карлъ IV занималъ деньги у Краковскаго купца, и Краковъ не прежде отсталъ отъ Ганзы (1518 года), какъ увидѣвъ, что торговля съ Венеціею, Аугсбургомъ иНиренбергомъ сдѣлалась для него прибыточнѣе. Краковъ (92) превосходилъ даже и Бреславль, будучи столицею Государства, и имѣя въ своихъ рукахъ всю Венгерскую торговлю мѣдью и виномъ (93). Торгъ мѣхами былъ также весьма значителенъ: въ Краковѣ и въ Бреславлѣ находились лучшіе скорняки и сверхъ того Краковъ имѣлъ удобнѣйшее сношеніе съ Россіею (94). Львовъ чрезъ Армянскихъ купцевъ былъ въ связяхъ съ Азіею и Грецiею; Познань и Люблинъ также извѣстны были своею торговлею. Сіи два города пользовались Магдебургскимъ правомъ, которое получили: первый въ 1253 году отъ Премислава и Болеслава, Князей Познанскихъ, другой въ 1317 году отъ Владислава II Локтика. Въ Краковѣ процвѣтали также разныя ремесла и фабрики. На примѣръ въ 1385 году

упоминается о Польскихъ суквахъ, привезенныхъ для продажи въ Великій Новгородъ.

Хотя не всѣ сіи событія принадлежатъ времени Казиміра Великаго, но какъ ему приписывается построеніе многихъ городовъ и замковъ, то на вѣрное онъ же былъ и причиною благосостоянія городовъ, распространенія торговли и разныхъ, дарованныхъ гражданамъ преимуществъ. Извѣстіе, будто бы въ правленіе Казиміра открыта въ Олкушѣ серебряная руда, надобно понимать такимъ образомъ, что горныя работы улучшены и можетъ быть открыты новыя жилы метала. Длугошъ ему же приписываетъ отстройку Олкуша, а объ устройствѣ Величковскихъ соляныхъ копей свидѣтельствуютъ тогдашніе законы. (Смотри Volum. Legum I. 159.) Справедливо также показаніе Длугоша, что Казиміръ Великій украсилъ рѣзьбою и живописью свой Краковскій замокъ; а увеселительное мѣсто Лобзовъ, надъ Рудавою, показываетъ вкусъ Короля къ изящному.

Казиміръ Великій имѣлъ намѣреніе (1347) учредить въ Краковѣ училище высшихъ наукъ по образцу Парижской Академіи. Въ Богеміи, по приглашенію Богемскаго Короля Карла IV, находились уже Италіанскіе правовѣдцы: въ подражаніе чему въ Краковѣ Неаполитанецъ Раймундъ былъ первымъ преподавателемъ Римскаго права. По свидѣтельству Радиминскаго,

Казиміру Великому хотѣлось, чтобы Духовенство получало Докторскую степень въ Краковѣ, а не въ Парижѣ, куда нѣкоторые ордена были присягою обязаны обращаться для пріобрѣтенія сей ученой степени. Но Казиміръ не совсѣмъ достигъ сей цѣли, ибо Урбанъ V, (1364) утверждая существованіе Академіи, снабдилъ оную привиллегіею на преподаваніе наукъ, за исключеніемъ одной лишь Богословіи. Сія первоначальная Академія была на мѣстѣ, называемомъ Казиміровымъ (na Kazimierzu), гдѣ прежде было селеніе Баволъ. Но послѣ кончины Казиміра Великаго, отъ разныхъ неблагопріятныхъ событій оставленная Лудовикомъ I, Королемъ Венгерскимъ, она пришла въ совершенный упадокъ и уже возобновлена при Владиславѣ Ягеллѣ, по настоянію Гедвиги, первой его супруги. Іосифъ Солтыковичь (95) приписываетъ проискамъ иныхъ Академій, Бононской, Прагской и Вѣнской, что Академіи Краковской въ то время отказано было въ правѣ имѣть Богословскій факультетъ: вышепомянутымъ Академіямъ таковое право дано было изъ Рима въ 1360, 1361 и 1384 годахъ: ибо тогда снабженіе Академій привиллегіями принадлежало еще Папѣ.—.

Доказательствомъ тому, что Казиміръ Великій желалъ, по возможности, заводить въ Государствѣ все полезное, служитъ между прочимъ запрещеніе переносить на апелля-

цію дѣла въ Магдебургъ, и учрежденіе въ Краковскомъ замкѣ *Главнаго Суда* (1356) на правѣ Магдебургскомъ, съ тою цѣлію, чтобы въ оный Судъ поступали апелляціонныя дѣла въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе семи судей, избираемыхъ Краковскимъ Воеводою. Въ средніе вѣки судопроизводство принадлежало отчасти и Юридическимъ факультетамъ Академій, на рѣшенія которыхъ также бывали апелляціи. Такъ дѣла всей Польши разсматривались въ Магдебургѣ и въ Галлѣ, а дѣла Силезіи въ Бреславлѣ, и оттуда не рѣдко поступали по апелляціи въ Магдебургъ, пока Богемскій Король Фердинандъ I, въ 1547 году, почти чрезъ двѣсти лѣтъ послѣ Казиміра III Великаго, воспретилъ таковой переносъ дѣлъ, и мѣстомъ Апелляціоннаго Суда назначилъ Прагу или Вѣну, гдѣ учреждены были Суды Надворный и Апелляціонный. Главный же Судъ по Магдебургскому праву въ Краковскомъ замкѣ существовалъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, даже до новѣйшихъ временъ, т. е. до 1791 года. Подобное сему судилище для Великой Польши находилось въ Познани. Сверхъ того дѣла переносимы были на апелляцію въ Сендомиръ, гдѣ объявляемы были рѣшенія тяжущимся сторонамъ и свѣдѣнія о правахъ вообще: ибо полное собраніе Магдебургскаго права, по незнанію еще въ то время книгопечатанія, было весьма рѣдко и стоило доро-

го. Богатый Краковъ имѣлъ уже пергаментный экземпляръ правъ Магдебургскихъ, составленный въ 1308 году Магистромъ Конрадомъ Опольскимъ (96), на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Причиною упадка Главнаго Суда въ Краковскомъ замкѣ и Суда Познанскаго было предоставленное Казиміромъ Великимъ тяжущимся лицамъ право обращаться съ жалобами или къ симъ Судебнымъ мѣстамъ или къ самому Государю. Со временъ Сигизмунда Августа, когда Великіе Канцлеры, представляя собою особу Короля, сдѣлались начальниками Судопроизводства въ третьей инстанціи, въ Судахъ, такъ называемыхъ *Ассесорскихъ*, *Задворныхъ или Королевскихъ*, не имѣвшихъ впрочемъ надлежащаго устройства даже до 1764 года, — Суды городскіе начали клониться къ упадку. Пока еще Короли сами обращали вниманіе на судопроизводство по городамъ, пока города были богаты, до тѣхъ поръ еще коегдѣ видна была справедливость въ Судахъ, существовавшая еще отчасти и при Ягеллѣ и при Стефанѣ Баторіи; но при Сигизмундѣ III, по смерти Замойскаго, и Великіе Канцлеры принуждены были покоряться волѣ отцевъ Іезуитовъ, которые управляли даже и судопроизводствомъ: что доказываетъ ужасный примѣръ и кончина въ Витебскѣ Уніатскаго Архіепископа Іосафата Концевича въ 1615 году.

Присоединеніе всей Куявіи къ Польшѣ, посѣщеніе Поморья, кратковременная и удачная война съ Литвою на Волыни (1365), опустошеніе Литовцами Мазовіи даже до Пултуска (1366), прекращеніе споровъ съ Любушскою каѳедрою (1368), — были событія послѣднихъ лѣтъ жизни Казиміра III Великаго (1369).

(1370).—Смертію Казиміра пресѣкся родъ Пястовъ. Проведши зиму въ Краковѣ, онъ поѣхалъ на весну въ Великую Польшу, гдѣ пробылъ цѣлое лѣто, намѣреваясь жить слѣдующую осень въ Княжествѣ Сендомирскомъ и на Руси и употребить сіе время года на охоту. Съ симъ намѣреніемъ отправился онъ изъ Великой Польши въ Княжество Сѣрадское и въ городѣ Предборьѣ выстроилъ для себя великолѣпный дворецъ. Въ день Рождества Пресвятыя Богородицы Королю вздумалось быть на охотѣ оленей. Набожные люди совѣтовали ему, изъ уваженія къ празднику, отложить забаву до другаго времени. Совѣтъ вѣрныхъ подданныхъ былъ принятъ съ признательностію, и уже велѣно откладывать лошадей; но нѣкто отклонилъ Короля отъ добраго намѣренія. Король отправился въ лѣсъ, и на другой день, гонясь за оленемъ, упалъ съ лошади и тяжело ушибъ лѣвую голень. Раненаго привезли во дворецъ въ простой крестьянской шелегѣ. Лѣта, дородность Короля

и рана ввергли его въ горячку, которую однакожь старание придворныхъ врачей вскорѣ прекратило. Когда здоровье нѣсколько поправилось, Казиміръ кончилъ путешествіе свое въ Сендомиръ. Тамъ, не наблюдая осторожности въ пищѣ, Король, не смотря на совѣты Кельнскаго врача Генриха, ѣлъ много грибовъ, орѣховъ и иныхъ овощей, отъ чего, равно какъ и отъ частаго употребленія бани, снова занемогъ горячкою и опаснѣе прежняго. Но сія болѣзнь не воспрепятствовала ему, по совѣту врачей, отправиться въ Краковъ. На пути болѣзнь усилилась отъ холодной воды, которой онъ неумѣренно напился, и онъ едва доѣхалъ до Хробранъ, помѣстья Люблинскаго Кастеллана Грота, герба Равичъ. Усилившаяся горячка всѣмъ казалась смертною; но на другой день, оправясь нѣсколько по старанію врачей, онъ отправился въ Коприввицу. Придворные и слуги, любившіе Государя, видя, что онъ не могъ выносить тряски, посадили его на носилки, и несли попеременно до Цистерскаго монастыря, гдѣ онъ отдыхалъ въ теченіе осьми дней. Тамъ онъ учинилъ обѣтъ, въ случаѣ своего выздоровленія, возобновить находившуюся въ развалинахъ Плоцкую церковь, построенную предками его во имя Св. Сигизмунда, и обезпечить содержаніе при оной опредѣленнаго числа Священнослужителей. Помышляя о приведеніи сего обѣта въ исполненіе,

онъ уже заблаговременно далъ приказаніе Гнѣзненскому Архидіакону осмотрѣть зданіе, что и было поручено Королевскому Капеллану Яну Скриннѣ. Послѣ нѣкотораго облегченія Король продолжалъ путь изъ Копривницы въ Осѣкскій дворецъ. Врачь Генрихъ предписывалъ ему строжайшую діэту; но другой врачь Матвѣй дозволилъ Королю напиться меду, отъ котораго возвратилась горячка и прежняя слабость. Прибывъ въ Новый Корчинъ, городъ, обязанный ему зàмкомъ и красивыми зданіями, онъ опять почувствовалъ себя лучше и пріѣхалъ въ Опатовецъ, гдѣ нѣсколько дней былъ здоровъ. По настоянію врача Матвѣя Король отправился въ Краковъ, и въ первой же день сего путешествія отъ тряской дороги получилъ лихорадку, которая ввергла его въ крайнюю слабость. Въ такомъ состояніи прибывъ въ Краковъ 31 Октября, и на другой день, 1 Ноября, распорядившись въ дѣлахъ своихъ, онъ началъ усердно готовиться къ смерти, и скончался 5 Ноября 1370 г. въ Королевскомъ зàмкѣ въ нижней южной залѣ, въ присутствіи родныхъ, Духовенства и слугъ. Тѣло усопшаго на третій день погребено Гнѣзненскимъ Архіепископомъ Ярославомъ и Епископами Флоріаномъ Краковскимъ и Петромъ Любушскимъ въ Каѳедральной церкви по правую сторону алтаря, гдѣ и до сего времени

виденъ памятникъ, съ изображенiемъ покойнаго во весь ростъ.

Казимiръ жилъ шестьдесятъ лѣтъ, управлялъ Государствомъ тридцать семь; ростомъ былъ высокъ и дороденъ, волосы имѣлъ густые и кудрявые, бороду длинную; говорилъ громко, и нѣсколько заикался. Онъ извѣстенъ болѣе по мирнымъ дѣянiямъ, нежели по военнымъ подвигамъ. Первыя стяжали ему имя *Великаго*. Онъ особливо занимался постройкою великолѣпныхъ и полезныхъ зданiй, зàмковъ и цѣлыхъ городовъ, укрѣпленiемъ ихъ стѣнами, а также и внутреннимъ Государственнымъ хозяйствомъ и другими полезными дѣлами. Щедростiю своею, правосудiемъ, ласковымъ обращенiемъ, доступностiю, и умѣнiемъ поддержать величiе, свойственное высокому сану своему, онъ снискалъ въ народѣ всеобщую любовь.

Нѣкоторые приписываютъ ему прозванiе *Великаго* по росту, сравнивая его въ семъ смыслѣ съ отцемъ его Владиславомъ. Но утвердительно можно сказать, что не ростъ, безъ высокихъ душевныхъ качествъ ничего не значащiй, а дѣла его, коихъ полезныя послѣдствiя видны и доселѣ, доставили ему прозванiе Великаго. При вступленiи его на престолъ казна Государственная была въ истощенiи: онъ далъ устройство и сбору податей и самому народу, издавъ сообразные тому вѣку законы

и уклоняясь, по возможности, отъ войнъ безполезныхъ или превышавшихъ способы Государства. Слогъ Казимірова Статута, будучи превосходнѣе всѣхъ прочихъ того времени законовъ, менѣе прочихъ давалъ поводъ къ сомнѣніямъ при судопроизводствѣ.—

Король, заботясь о всѣхъ состояніяхъ народа, не забылъ и поселянъ-земледѣльцевъ. Самъ поступая съ ними милостиво и справедливо, онъ наказывалъ изгнаніемъ изъ Государства владѣльцевъ, обходившихся съ своими подданными жестоко. Мелкое дворянство, недовольное вниманіемъ Казиміра къ поселянамъ, называло его *крестьянскимъ Королемъ*, но Государь вмѣнялъ себѣ таковое названіе въ честь. Во время ужаснаго мороваго повѣтрія (1349. 1350. 1351), Король спасъ множество народа, занимая оный построеніемъ церквей, которыя созидалъ каясь за убіеніе Мартына Барычки, Викарнаго священника Краковской каѳедральной церкви. По наущенію злоумышленниковъ онъ приказалъ утопить его тайно, за угрозу отлучить его отъ Церкви по приказанію Епископовъ, которые сами, при перемѣнявшемся уже духѣ времени, не отваживались того учинить. Казиміръ сокрушался о таковомъ проступкѣ, и раскаяніе свое доказалъ торжественнымъ посольствомъ въ Авиньйонъ, куда въ то время перенесена была изъ Рима Папская столица на семдесять лѣтъ, по слу-

чаю обуревавшихъ Римъ безпокойствъ.—Казиміръ Великій умѣлъ отклонять отъ себя то, чего не въ силахъ былъ превозмочь. Онъ остался чуждымъ фанатизма людей, которые пришли изъ Венгріи въ Польшу, бичуясь за грѣхи свои и чужіе, для прекращенія моровой язвы. Будучи уже образованъ по тогдашнему, онъ дозволилъ Епископамъ предать сію секту проклятію. — Казиміръ Великій рѣдко прибѣгалъ къ наказаніямъ, но, когда требовала того надобность, умѣлъ строго карать.

Къ прочимъ его благодѣяніямъ должно причислить и умноженіе населенія Польши, въ которую охотно переселялись иноземцы, привлекаемые кротостію правленія и обезпеченіемъ правъ собственности для нихъ и для ихъ потомковъ. Всѣ пограничные города, доселѣ извѣстные ремесленниками разнаго рода, суть поселенія попечительнаго Казиміра. Языкъ сихъ поселенцевъ, нѣсколько грубѣе чистаго Польскаго, имѣя нѣкоторое сходство съ Силезскимъ, Моравскимъ, Богемскимъ и Прусскимъ нарѣчіями, доказываетъ ихъ первобытное отечество.

Никогда въ Польшѣ не строено столько замковъ и каменныхъ городовъ какъ въ царствованіе Казиміра. Онъ украсилъ и укрѣпилъ Краковскій замокъ, который въ послѣдствіи преемниками его былъ передѣлываемъ сообразно вкусу времени; въ самомъ городѣ

выстроилъ онъ для купцевъ лавки или *склепы*, а внѣ города устроилъ звѣринецъ; возобновилъ городъ Казиміръ, отдѣленный отъ Кракова Вислою; укрѣпилъ стѣнами города Величку, Скавину, Олкушъ, Бендынь, Лелевъ, Сендомиръ, Вислицу, Шидловъ, Радомъ, Опочно, Вонвольницу, Люблинъ, Калишъ, Ставишинъ, Велюнь, Конинъ, Піотрковъ, Ленчицу, Плоцкъ, Иновлодзь, Львовъ (Лембергъ), Санокъ, Кросно, Ччевъ; частію возобновилъ, частію укрѣпилъ валомъ и стѣнами замки въ Калишѣ, Познани, Сендомирѣ, Люблинѣ, Лембергѣ, Серадзѣ, Велюнѣ, Ленчицѣ, Колѣ, Плоцкѣ, Неполомицахъ, Шидловѣ, Піотрковѣ, Предборьѣ, Бржезницѣ, Болеславцѣ, Острешовѣ, Перемышлѣ, Ляндкоронѣ, Бендынѣ, Лелевѣ, Чоршпынѣ, Осѣкѣ, Крѣпицахъ, Сецѣховѣ, Сольцѣ, Завихостѣ, Корчинѣ, Конинѣ, Наклѣ, Велюнѣ, Мендзиржечьѣ (Междурѣчьѣ), Крушвицѣ, Злоторіи, Бидгощѣ, Санокѣ, Любачевѣ, Трембовлѣ (Теребовлѣ), Галичѣ, Тустанѣ, Опочнѣ, Пржедечѣ, Равѣ и Вышегродѣ. Длугошъ говоритъ, что Казиміръ Великій засталъ Польшу глиняною и деревянною, а оставилъ кирпичною и каменною, и что со временъ сего Короля Поляки начали пріобрѣтать вкусъ къ каменнымъ зданіямъ. Казиміръ былъ не менѣе усерденъ къ созиданію храмовъ Божіихъ и къ построенію Монастырей и домовъ для Священнослужителей. Онъ основалъ двѣ Коллегіа-

ты въ Краковѣ, въ замкѣ Св. Михаила и Георгія, двѣ въ Сендомирѣ и Вислицѣ; построилъ церкви въ Стобницѣ, Лапшицахъ, Шидловѣ, Ґарвовѣ, Неполомицахъ, Сольцѣ, Опочнѣ, Корчинѣ, и на Скальцѣ въ Краковѣ, и учредилъ госпиталь тамъ же на Страдомѣ. Монастыри въ Ленчицѣ, Піотрковѣ и въ новомъ Корчинѣ ему же обязаны своимъ существованіемъ.

Нѣкоторые Историки винятъ Казиміра III за отдачу Богемцамъ Силезіи, а Крестоносцамъ Поморья и нѣкоторыхъ другихъ земель. Но стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, состояніе Государства, чрезъ безпрестанныя войны почти въ теченіе полутора вѣка, совершенно такъ сказать упавшаго и обѣднѣвшаго, оправдываютъ Казиміра, который, для спасенія другихъ частей Королевства и для поддержанія самобытности Польши противъ множества сильныхъ враговъ, рѣшился отказаться отъ того, чего не могъ удержать ни убѣжденіемъ, ни силою. Впрочемъ возвращеніе Крестоносцами Куявіи, дань, платимая ими съ Поморья и иныхъ земель, обезпеченіе границъ со стороны Новой Мархіи, побѣды надъ Литвою и Татарами, присоединеніе Руси, отнятіе у Богемцевъ Княжества Мазовецкаго, умноженіе народонаселенія, промышленость и богатство народа стократно вознаградили потерю Силезіи съ ни-

ничтожными ея Князьями, отъ вражды и лицемѣрія коихъ Государство имѣло болѣе вреда нежели пользы.

Внимательное къ истиннымъ заслугамъ потомство забыло нѣкоторые частные проступки Казиміра: ибо, если онъ, какъ слабый человѣкъ, нарушалъ не рѣдко правила добродѣтели, то вознаграждалъ поступки свои раскаяніемъ и добрыми дѣлами; умирая же сохранилъ Вѣру отцевъ своихъ, и ввѣренный ему отъ Бога народъ оставилъ своимъ преемникамъ въ славѣ, уваженіи и безопасности.

Оканчивая сей періодъ Исторіи Польскаго Государства, не излишнимъ будетъ сказать нѣчто о церковной клятвѣ или отлученіи отъ Церкви. Строгость таковой клятвы, испытанная Болеславомъ II Смѣлымъ, начала ослабѣвать со временъ Французскаго Короля Филиппа Красиваго (1308). Только Нѣмецкіе Императоры страшились иногда таковой клятвы, и то по причинѣ перевѣса Вассаловъ своихъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Въ Польшѣ Бреславскій Князь Генрихъ I, супругъ Св. Гедвиги (1236—38), опекунъ Болеслава V Цѣломудреннаго, впервые явилъ себя довольно сильнымъ въ своемъ Княжествѣ, чтобы несправедливая клятва Гнѣзненскаго Архіепископа не была для него вредною. Сыновья же его, которымъ Григорій IX грозилъ выбросить изъ кладбища кости родителя ихъ, не обра-

щали вниманія на таковую угрозу, и въ владѣніяхъ своихъ успѣли сохранить перевѣсъ надъ Духовенствомъ. Владиславъ I Локтикъ, испытавшій столько бѣдствій отъ клятвы Великопольскихъ Епископовъ (1299), чрезъ нѣсколько времени послѣ того безъ малѣйшаго препятствія наказалъ Краковскаго Епископа Мускату за соучастіе въ мятежѣ Войцѣха, Войта Краковскаго (1311), и даже когда въ минуту гнѣва своего ударилъ въ лице Краковскаго же Епископа Нанкера, то уже менѣе имѣлъ за то непріятности, и дѣло кончилось перемѣщеніемъ Нанкера въ Бреславль, для отвращенія дальнѣйшихъ ссоръ съ Королемъ. Нанкеръ не имѣлъ уваженія и къ Богемскому Королю, Іоанну Люксембургскому. Тамошніе Епископы и вельможи вознегодовали противъ поступковъ Нанкера, который отлучилъ всѣхъ ихъ и самый городъ Бреславль отъ Церкви, а на послѣдокъ наложилъ духовное прещеніе на цѣлое Государство и на всѣ церкви въ ономъ. Король съ своей стороны отнялъ у него всѣ имѣнія въ Бреславскомъ Княжествѣ, и дозволилъ Силезскимъ Князьямъ учинить то же самое. Тогда Бреславскій Магистратъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ служба Божія отправлялась въ приходскихъ церквахъ путешествующими Священнослужителями (clerici vagabundi). Въ то же время Инквизиторъ Доминиканецъ Іоаннъ Швенкфельтъ

отпребовалъ отъ Магистрата выдачи ему оставившаго Цистерскій орденъ Священника Мартина; это произвело ссору, въ продолженіе коей, не извѣстно по чьей винѣ, Инквизиторъ убитъ двумя разбойниками.—Болеславъ III Лысый, Брестскій Князь, всегда нуждавшійся въ деньгахъ, болѣе всѣхъ докучалъ Духовенству, которое находилось съ Епископомъ Нанкеромъ въ Ниссѣ; но Епископъ не могъ вредить Королю, не смотря что его клятва признана и въ Римѣ. Сія духовная вражда продолжалась до самой смерти Нанкера. Маркграфъ Моравскій Карлъ IV, (бывшій потомъ Императоромъ и Королемъ Богемскимъ), успѣлъ помирить родителя своего съ преемникомъ Нанкера (1341) Пршецлавомъ Погоржельскимъ. Одни только городскіе чиновники, и то можетъ быть за убіеніе Инквизитора Швенкфельта, подверглись публичному покаянію (6 Маія 1342), въ коемъ не участвовали ни Богемскій Король Іоаннъ, ни сынъ его, ни Брестскій Князь Болеславъ III Лысый, ниже кто либо изъ Силезскихъ Князей. Замѣчательно также, что Инквизиторскія рѣшенія Іоанна Швенкфельта подлежали уже разсмотрѣнію Королевскаго Суда. Ибо хотя духовныя клятвы уже и не были страшны владѣтельнымъ особамъ, и даже нѣкоторымъ Магистратамъ, но для Польскаго Дворянства были еще опасны, и потому-то въ Стату-

тахъ Казиміра Великаго находится позволеніе поселянамъ оставлять владѣльца своего, ежели онъ въ продолженіе года будетъ находиться подъ церковнымъ прещеніемъ. Казиміръ Великій употреблялъ также духовное оружіе противъ тѣхъ владѣльцевъ, которыхъ не могъ усмирить свѣтскою властію. Все сіе доказываетъ тогдашній упадокъ власти духовной, ибо годовое пребываніе подъ прещеніемъ могло быть страшно только по волѣ Государя. Что значили церковныя клятвы въ предшедшіе вѣки, можно видѣть особенно изъ Бреве Иннокентія III (1203), въ которомъ, за убіеніе Вирцбургскаго Епископа Конрада, на двухъ его Рыцарей Герольда и Конрада наложены слѣдующія условія покаянія: 1) съ веревкою на шеѣ, простоять въ одномъ исподнемъ платьѣ на улицѣ нѣсколько дней; 2) оружіе употреблять только противъ враговъ Христіанства и для собственной защиты; 3) горностаеваго мѣха и сукна яркихъ цвѣтовъ не носить; 4) на публичныя зрѣлища не являться; 5) во второй бракъ не вступать; 6) отправиться босикомъ въ Палестину и тамъ четыре года прослужить противъ Сарациновъ; 7) поститься по Понедѣльникамъ, Средамъ, Пятницамъ и на канунѣ всѣхъ Святыхъ, употребляя только хлѣбъ и воду; 8) соблюдать три раза сорокодневный постъ предъ тремя великими праздниками;

9) мясо употреблять только въ большіе праздничные дни, исключая время бытности въ Палестинѣ, также Четверги и день, въ который совершено убійство; 10) ежедневно по сту разъ читать *Отче нашъ*, и при томъ пятдесять разъ преклонять колѣна; 11) удостоиться Св. Причащенія только однажды, предъ смертію; 12) проходя чрезъ Нѣмецкіе города, въ коихъ находятся Каѳедральныя церкви, входить въ оныя не иначе, какъ босикомъ, имѣя на себѣ только исподнее платье, съ пукомъ розгъ въ рукѣ, съ веревкою на шеѣ, и въ сихъ церквахъ получать тѣлесное наказаніе отъ Канониковъ; 13) находясь въ Вирцбургѣ, въ такомъ же видѣ итти въ процессіи отъ воротъ до Каѳедральной церкви въ праздники Рождества Христова, Пасхи, Троицы и въ день Св. Киліана (Вирцбургскаго покровителя) и получать таковое же наказаніе; 14) лишиться всякаго имущества.—О семъ ужасномъ покаяніи упомянуто здѣсь потому, что и въ Польшѣ бывали подобныя, на пр. наложенное на Наленчовъ и Зарембовъ, за участіе въ убіеніи Премислава I (1296). Духовныя проклятія потеряли также много отъ сочиненій Французскаго монаха Вильгельма де Окканъ, Философа, родомъ изъ Англіи, и его собратій, писавшихъ противъ самаго Папскаго престола. Клятвы Папъ, даже для мелкихъ Нѣмецкихъ Князей, несносны были до такой степе-

ни, что они объявили себя независимыми отъ Столицы Римской (1338). Уже почти миновали тѣ варварскія времена, когда клятвы не рѣдко необходимы были для прекращенія междоусобій и иныхъ злодѣйствъ. Впрочемъ еще въ XI, XII и XIII вѣкахъ бывали примѣры, что Князья умерщвляли Епископовъ и Игуменовъ, ослѣпляли ихъ, отрѣзывали имъ языки и отсѣкали члены. Не останавливаясь надъ поступками Баварскаго Князя Генриха I (948—955), и ужасною местію его надъ Герольдомъ, Архіепископомъ Зальцбургскимъ, и Лупомъ, Патріархомъ Аквилейскимъ; не описывая какимъ образомъ Ашерслебенскій Графъ Генрихъ приказалъ пронзить стрѣлою и вырвать языкъ у Ніенбургскаго Игумена,—приведемъ только въ доказательство жестокости Раймунда, сына Марсельскаго Виконта Гофреда, (1152) присягу, данную имъ Марсельскому Епископу Петру I: „я Раймундъ, сынъ Дульцелины, клянусь тебѣ Петру, сыну Беатриксы, что не лишу тебя ни жизни, ни членовъ тѣла, ни свободы, ни самъ, ниже чрезъ кого либо другаго (мущину или женщину) по моему приказанію или дозволенію" и проч.—Въ Польшѣ духовное прещеніе не рѣдко мирило властолюбивыхъ братьевъ—Князей. Казиміръ II Справедливый воспользовался симъ средствомъ на Сеймѣ Ленчицкомъ, дабы смягчить обращеніе владѣльцевъ съ поселянами, а Кази-

міръ III Великій, оставивъ сіе средство въ своей силѣ, назначилъ годъ сроку для исправленія помѣщиковъ; въ противномъ случаѣ поселяне имѣли право оставлять ихъ какъ отлученныхъ отъ Церкви и отъ гражданскаго общества.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

Краткое царствованіе перваго дома Анжуйскаго отъ крови Капетовъ, до коронованія Ягеллы.

1370—1386.

ЛУДОВИКЪ, КОРОЛЬ ВЕНГЕРСКІЙ и ПОЛЬСКІЙ. (97)

(1370—1382).

Преемникъ Казиміра III Лудовикъ, Король Венгерскій, стяжалъ себѣ наименованіе *Великаго* въ Венгріи; но въ Польшѣ не явилъ себя такимъ, какимъ былъ на престолѣ предковъ своихъ. Подобно тому какъ Императоръ Карлъ IV былъ для Германіи отчимомъ, а для Богеміи отцемъ, Лудовикъ болѣе радѣлъ о прежнемъ своемъ Королевствѣ, нежели о вновь пріобрѣтенномъ, а потому и его можно назвать отцемъ Венгріи, и *отчимомъ* Польши.

Посѣтивъ столицу Государства Краковъ и Великую Польшу только для того, чтобы

короноваться и утвердить за собою скипетръ, онъ немедленно возвратился въ Венгрію, и оттуда, занятый другими дѣлами, равнодушно взиралъ на набѣги и раздоры, терзавшіе Польшу. Предоставивъ правленіе матери своей Елисаветѣ, женщинѣ гордой и роскошной (98), онъ позволялъ Брандебургцамъ и Литвѣ грабить границы, между тѣмъ какъ безпокойства и безпорядки безпрестанно возрастали въ Мазовіи и во всемъ Королевствѣ. —Не имѣя дѣтей мужескаго пола, коимъ исключительно принадлежало право наслѣдованія, Лудовикъ помышлялъ только о томъ, какъ бы для дочерей своихъ обезпечить наслѣдованіе въ обоихъ Государствахъ и въ Сициліи, на владѣніе которою онъ полагалъ имѣть право, и уже предварительно располагалъ отдать Польшу Екатеринѣ, Сицилію Маріи, а Венгрію Гедвигѣ; но сіи предположенія не сбылись за смертію Екатерины. Уменьшивъ двумя третями Королевскую подать, платимую Дворянствомъ, и уничтоживъ таковую же подать отъ Духовенства, Лудовикъ получилъ въ Кашау (Cassovia, Koszica.) право наслѣдованія для дочерей своихъ (1374), и по особому постановленію даже выборъ наслѣдницы Польскаго престола предоставленъ ему или матери его Елисаветѣ, съ обязанностію однакожъ чтобы Королевство оставалось нераздѣльнымъ. Сіе условіе было тѣмъ болѣе

необходимо, что отъ раздачи земель и даже цѣлыхъ областей и уменьшенія податей доходы Государственные начали замѣтно приходить въ истощеніе. Племяннику своему, Опольскому Князю Владиславу, Лудовикъ подарилъ много замковъ въ Малой Польшѣ и на Руси и область Велюнскую въ Великой Польшѣ; область же Добринскую и повѣты Быдгощскій, Веляшовскій и Валецкій отдалъ Штетинскому Князю Казиміру по завѣщанію Короля Казиміра III Великаго.

Отсутствіе Короля и безпечность матери его Елисаветы (1375), открыли дорогу къ набѣгамъ на Великую Польшу, Владислава Бѣлаго, Гнѣвковскаго Князя Куявской линіи. Въ слѣдствіе сего Лудовикъ лишилъ Елисавету управленія (1376), но скоро отдалъ ей снова оное. Въ сіе же время Литва опустошила границы Малой Польши, а бунтъ, происшедшій противъ Венгерцевъ въ Краковѣ за отнятую сими послѣдними фуру сѣна, заставилъ Елисавету (1377) бѣжать изъ столицы и принудилъ Лудовика пріѣхать въ Польшу. —Походъ противъ Литвы на Русь былъ довольно удаченъ; но Король Лудовикъ, не внимательный къ трудамъ, подвигамъ и правамъ Поляковъ, присоединилъ Красную Русь къ Венгріи, вопреки обѣщанію своему ничего не отдѣлять отъ Польши. Владиславу Опольскому вмѣсто владѣемыхъ имъ замковъ на Руси от-

далъ Добринскую область, повѣтъ Быдгощскій, которые по смерти Штетинскаго Князя опять возвратились къ коронѣ, и часть Кувіи; и такимъ образомъ нанесши двойную Полякамъ обиду, возвратился въ Венгрію, оставивъ Польшу на произволъ судьбы.

(1378)—Подъ предлогомъ, что въ Польшѣ воздухъ для него вреденъ, Лудовикъ прислалъ въ Краковъ Опольскаго Князя Владислава въ качествѣ *Вице-Короля*; но недовольные симъ Вельможи отправили въ Вышегродъ посольство съ увѣдомленіемъ, что Польша не избирала Опольскаго Князя въ Государи. На Сеймѣ въ Будѣ (1381) Лудовикъ опредѣлилъ трехъ Правителей: Епископа Завишу Курозвонкскаго, отца его Добеслава, Кастеллана Краковскаго, Сендзивоя Шубинскаго, Воеводу Калишскаго и Старосту Краковскаго. Состояніе Государства не пришло отъ сего въ лучшее состояніе. Завиша именовался *Вице-Королемъ*, и безпрестанно ссорилъ духовенство съ чинами свѣтскими. Гнѣзненскій Архіепископъ Янъ Сухивилькъ, столь же безпокойный, воевалъ съ Мазовецкимъ Княземъ Земовитомъ (1382). Смерть Завиши и Сухивилька была поводомъ къ вящшимъ безпорядкамъ по случаю опредѣленія на ихъ мѣста другихъ Епископовъ. Лудовикъ, занятый мщеніемъ за смерть брата своего Андрея, причиненную Неаполитанскою Королевою Іоанною, замышлялъ возло-

жить Венгерскую и Польскую короны на главу зятя своего Сигизмунда, Маркграфа Брандебургскаго, сына Богемскаго Короля Карла IV, и для сего назначилъ Сеймъ въ Зволенѣ, въ Графствѣ Спижскомъ. Только приверженцы Сигизмунда поддерживали его сторону; но большая часть народа не желала имѣть его своимъ Государемъ. Сигизмундъ вооруженною рукою вошелъ въ Польшу и опустошилъ Мазовію, мстя Мазовецкимъ Князьямъ, которые не соглашались признать его Королемъ Польскимъ. При осадѣ Одолянова дошла до него вѣсть о кончинѣ тестя. Лудовикъ умеръ на пятдесятъ шестомъ году отъ рожденія; царствовалъ въ Венгріи 40, въ Польшѣ 12 лѣтъ.

Лудовикъ былъ роста средняго; имѣлъ большіе, быстрые глаза, лице смуглое и всегда веселое, губы толстыя. Въ Венгріи пріобрѣтеніе Далмаціи и части Валлахіи доставило ему наименованіе *Великаго;* напротивъ того въ Польшѣ онъ заслужилъ болѣе порицанія нежели похвалы. Тѣло его погребено въ Бѣлградѣ. Онъ возстановилъ Архіепископство Лембергское и Епископства Луцкое, Каменецкое и Перемышльское.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

(1383—1384).

Большая часть Дворянъ не иначе соглашались признать Сигизмунда Королемъ, какъ только съ условіемъ, чтобы онъ отставилъ Великопольскаго Генерала Домарата отъ службы. Сверхъ того непріятны имъ были и связи съ Венгріею, и хотя они не отказывали дочерямъ Лудовика въ правѣ наслѣдованія, однакожъ многіе на Радомскомъ Сеймѣ предлагали избрать Королемъ Мазовецкаго Князя Земовита. Въ то же время Королева Елисавета, вдова покойнаго Лудовика, начала явно дѣйствовать въ пользу младшей дочери своей Гедвиги. Для пріобрѣтенія любви Поляковъ, она заключила въ темницу Венгровъ, участвовавшихъ въ продажѣ Литовцамъ Руси, несправедливо отдѣленной отъ Польши. Посольство Елисаветы въ Вислицу съ предложеніемъ, чтобы народъ не преставалъ благопріятствовать дочерямъ покойнаго Короля, принято съ восторгомъ, а Сигизмундъ, не успѣвъ ни въ чемъ, долженъ былъ выѣхать изъ Государства (1383). Однакожъ, когда внутренніе раздоры въ Великой Польшѣ усилились, то знатнѣй-

шіе обыватели съѣхавшись въ Серадѣ, отправили въ Венгрію посольство, съ просьбою, дабы вдовствующая Королева прислала къ нимъ Сигизмунда съ Маріею. Королева не исполнила сего желанія, но обѣщала прислать Гедвигу, которая вскорѣ должна была обручиться Австрійскому Эрцгерцогу Вильгельму. Медленность въ исполненіи сего обѣщанія, поселила въ Мазовецкомъ Князѣ Земовитѣ намѣреніе возложить на себя корону Польскую. Онъ рѣшился похитить Гедвигу во время ея прибытія въ Краковъ. — Земовитъ, сопутствуемый Архіепископомъ Бодзантою, въѣхалъ въ городъ съ пятью стами всадниковъ: сіе обстоятельство родило подозрѣнія, заставившія Краковцевъ принять мѣры для своей безопасности. Въ слѣдствіе того Земовитъ явно вооружился. Между тѣмъ Литовцы опустошили Подлясье, Сигизмундъ съ 12 тысячами войска вступилъ въ Новый-Сончъ, и запылала междоусобная война, въ которой Малопольскіе жители стояли за Сигизмунда, а Великопольскіе за Земовита (1384). Происшествія въ Венгріи отвлекли изъ Польши Сигизмунда, который своенравіемъ своимъ и вѣтреностію наскучилъ и невѣстѣ своей Маріи (99), бывшей уже въ то время Королевою Венгерскою. Вдовствующая Королева намѣревалась даже отказать ему и выдать дочь свою за Герцога Орлеанскаго Лудовика, брата Французскаго

Короля Карла VI. Елисавета всѣми мѣрами старалась избавить отъ него Венгрію, особенно благопріятствуя Гедвигѣ, обрученной Австрійскому Герцогу Вильгельму. Но обстоятельства показали, что медлить болѣе не надлежало: ибо Поляки, угрожаемые возрастающими опасностями, могли, минуя дочь Лудовика, призвать на тронъ кого либо инаго. Гедвига прибыла въ Краковъ, и пріятною своею наружностію и качествами душевными столь понравилась народу, что скоро, именно въ день ея Ангела (15 Окт. 1384 г.), Гнѣзненскій Архіепископъ Бодзанта, къ великой радости всего народа, возложилъ на нее корону Королевскую. Въ сіе время Гедвигѣ было только пятнадцать лѣтъ. Сигизмундъ же едва не лишился надежды и на Венгерскій престолъ. Тамъ нѣкоторые вельможи замышляли признать Королемъ Герцога Дураццо Карла, Короля Неаполитанскаго. Между тѣмъ какъ Сигизмундъ, растративъ всѣ свои сокровища, находился въ Германіи, въ Венгріи завязалась междоусобная война, отъ жестокаго правленія Венгерскаго воеводы Николая Гара въ Далмаціи и за Дунаемъ; и хотя наконецъ Марія дѣйствительно обручена была Сигизмунду, дабы успокоить Неаполитанскую партію, однакожь оная, пользуясь вторичнымъ отсутствіемъ Сигизмунда, усилилась до того, что Неаполитанскій Король Карлъ на короткое

время овладѣлъ престоломъ, и лишился онаго только хитростію Королевы Елисаветы (1386). За сію хитрость Елисавета (1387) принуждена была заплатить своею жизнію, а дочь ея, невинная Королева Марія заключена въ Далмаціи въ темницу, изъ которой освобождена чрезъ нѣсколько времени Венеціанами и вѣрною ей партіею Венгровъ. Наконецъ, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, Сигизмундъ принялъ участіе въ правленіи Венгріею (1387), чему много содѣйствовалъ храбрый Сциборъ Сциборжицкій, герба Остоя. Впрочемъ къ счастію Польши ея корона не досталась Сигизмунду, котораго въ послѣдствіи, безъ малѣйшихъ съ его стороны заслугъ, судьба, возвела на троны Нѣмецкій (1411) и Богемскій (1419).

КОРОЛЕВА ГЕДВИГА.

(1384—1386)

Польша отдохнула нѣсколько послѣ коронованія Гедвиги; но сіе самое обстоятельство грозило ей многими бѣдствіями. По заключенному въ Кашау договору, Полякамъ предоставлено было избрать для Государыни своей супруга, между тѣмъ какъ обрученіе Гедвиги Вильгельму полагало препону таковому выбо-

ру. Земовитъ ненавистенъ былъ Полякамъ за насилія; Силезскіе Пясты не нравились за подданство ихъ Богемцамъ; Опольскій Князь Владиславъ былъ нелюбимъ за связи съ врагами Государства; Эрцгерцогъ Австрійскій Вильгельмъ, уже любимый Королевою, легко бы уничтожилъ всѣ затрудненія въ выборѣ, еслибы *Ягелло*, Великій Князь Литовскій, не получилъ надъ нимъ преимущества, предлагая къ выгодѣ Государства постоянный миръ, соединеніе съ нимъ Литвы и обращеніе въ Христіанство всего Литовскаго народа, пребывавшаго дотолѣ въ язычествѣ. Торжественное обрученіе Вильгельму, строгое уваженіе къ святости даннаго обѣщанія, расположеніе къ Вильгельму матери и самой дочери, и довольно сильная партія, благопріятствовавшая Нѣмцамъ, полагали великія препоны браку Гедвиги съ Ягелломъ. Но юная Королева, имѣя въ виду благо Церкви и Государства, согласилась отдать руку Ягеллѣ, не смотря на разность нравовъ и лѣтъ (Ягелло имѣлъ около 40 лѣтъ), и на внутреннее къ нему отвращеніе, усиливавшее привязанность ея къ совоспитаннику своему Вильгельму. Поступки Ягеллы съ дядею своимъ Кѣйстутомъ, который замученъ въ темницѣ, заставляли трепетать отъ ужаса юную дѣвицу, коей сверхъ того разсказывали разныя басни о Ягеллѣ, и увѣряли, что онъ косматъ, безобразенъ и неопрятенъ.

Къ тому времени пріѣхалъ въ Краковъ и Вильгельмъ, и хотя не входилъ въ замокъ, однакожь Королева, часто посѣщавшая Францисканскій монастырь въ городѣ, видалась съ нимъ тамъ, уже замышляла выйти за него, и привела бы свое намѣреніе въ исполненіе, если бы нѣкоторые Вельможи не успѣли онаго предупредить. Королева, узнавъ о въѣздѣ Ягеллы въ Краковъ, и о томъ, что Вильгельму не льзя было войти въ замокъ, а ей выйти изъ онаго, схватила топоръ и хотѣла-было слабою рукою рубить ворота; но Подскарбій Димитрій Горайскій удержалъ ее отъ сего поступка. Наконецъ Гедвига преодолѣла свои склонности и сдѣлалась вѣрною супругою и помощницею Ягеллы. Польша обязана ей присоединеніемъ Литвы, силою народа и благосостояніемъ Государства въ двухъ слѣдующихъ вѣкахъ. Преодолѣніе Гедвигою страсти своей тѣмъ болѣе приноситъ ей чести, чѣмъ болѣе дѣйствовалъ скрывавшійся въ Краковѣ Вильгельмъ и чѣмъ нелѣпѣе были басни о Ягеллѣ. Желая удостовѣриться въ оныхъ, Королева послала Завишу присмотрѣться къ сему Князю и обо всемъ искренно ей донести. Ягелло взялъ его съ собою въ баню для доказательства, что онъ не былъ чудовищемъ. Всѣ ложные разсказы исчезли послѣ вѣрнаго донесенія Завиши, и Королева съ спокойнымъ духомъ ожидала супруга.

(1386)—Ягелло въѣхалъ въ Краковъ двѣнадцатаго Февраля 1386 г. во Вторникъ, и съ нимъ прибыли братья его, Литовскіе Князья. Въ первой разъ онъ представился Королевѣ въ замкѣ, гдѣ онъ нашелъ ее окруженную всѣмъ блескомъ и пышностію Двора. На другой день Ягелло, чрезъ братьевъ своихъ Скиргелла, Витолда и Бориса прислалъ ей богатые дары, а 14 Февраля, въ Четвергъ, воспріялъ Св. крещеніе въ Соборной Церкви отъ Архіепископа Бодзанты и нареченъ *Владиславомъ вторымъ*. На другой день воспослѣдовало торжественное его бракосочетаніе, а чрезъ нѣсколько времени и коронованіе (100), предъ которымъ новый Король далъ присягу въ соблюденіи законовъ Королевства и въ соединеніи Литвы съ Польшею, и предоставилъ Польскому народу нѣкоторыя привиллегіи.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ ИСТОРІИ ЛИТВЫ ДО 1569 ГОДА.

Собственно такъ называемая *Литва*, состоящая изъ двухъ Воеводствъ, Виленскаго и Троцкаго, отъ Самогитіи до Виліи населена народомъ, употребляющимъ языкъ Литовскій. Въ Самогитіи находится самая большая часть Литовскаго народа, и нарѣчіе его имѣетъ нѣкоторое отличіе. Въ Восточной Пруссіи Гумбинскій Департаментъ есть *Прусская Литва*. Прусаки или древніе *Пруссы* съ 1232 до 1259 или, правильнѣе, до 1349 г. были братья Литовцамъ. Равно и Несторовы *Корсы* или Курсы, какъ ихъ называетъ Стриковскій, по нынѣшнему *Куроны*, первобытное Курляндское племя, единоплеменны Литовцамъ, хотя и не въ такой степени, какъ Пруссы. *Лотва* въ Лифляндіи имѣетъ такое же начало; но Ревельскіе *Эсты*, и остатки Ливонцевъ около Салиса въ Лифляндіи происходятъ отъ Финновъ и древней Чуди.

Не всегда населенія были одинаковы: сіе наипаче относится къ тому времени, когда еще не было ни городовъ, ни постоянныхъ жилищъ. Впрочемъ уже во II вѣкѣ послѣ Рожд. Хр. на берегахъ Балтійскаго моря извѣстно

было земледѣліе между тогдашними обитателями, которыхъ одни именуютъ Эстами, другіе Пруссами. Тамъ изстари введенъ торгъ янтаремъ. Въ разныхъ лѣтописяхъ часто упоминается о мореходствѣ и обычаяхъ, привезенныхъ изъ-за моря новыми поселенцами и чужеземцами; но всѣ сіи извѣстія не достовѣрны, древнихъ же Литовскихъ лѣтописей не имѣется. Да и въ новѣйшія времена на Литовскомъ языкѣ извѣстны только Библія, книги духовныхъ пѣсней и молитвенники. Въ XII и XIII вѣкахъ, когда Литовцы пріобрѣли области Русскія, вошли у нихъ въ обыкновеніе Славянскія письмена: ибо нѣсколько Литовскихъ Князей, принявъ Христіанскую вѣру Греческаго исповѣданія, ввели въ употребленіе при своихъ Дворахъ Русской языкъ, на которомъ писали и Литовскіе лѣтописцы. Изъ нихъ Матвѣй Стриковскій въ 1581 г. составилъ Литовскую Исторію на Польскомъ языкѣ, изданную въ Королевцѣ (Кенигсбергѣ), а потомъ въ 1766 г. перепечатанную въ Варшавѣ. Изъ него дѣлаемы были разныя выписки, изъ коихъ лучшія Виленскаго Іезуита Войцѣха Віюка Кояловича, напечатанныя: Т. I въ Данцигѣ въ 1650, Т. II въ Антверпенѣ въ 1669 г. По сему-то изданію Геттингенскій Профессоръ Августъ Лудовикъ Шлецеръ въ 1785 г. составилъ Литовскую Исторію, помѣщенную въ 50 томѣ Всемірной Исторіи,

начатой Англичанами, и продолжаемой Нѣмцами. Сей томъ есть II томъ Сѣверной Исторіи. Въ семъ изданіи Шлецеръ гораздо вѣжливѣе къ Литовцамъ, нежели въ другихъ своихъ сочиненіяхъ къ Полякамъ. Изъ него заимствовано слѣдующее начертаніе Исторіи Литовскаго народа, только съ нѣкоторыми маловажными добавленіями.

Бѣлая Русь состояла изъ пяти Воеводствъ, которые не въ одно время достались Литвѣ и не всегда были въ ея владѣніи: Минское, Полоцкое, Мстиславское, Витебское, Смоленское.

Черною Русью называлось Воеводство Новогрудское, и къ ней же причислялись Мозырскій и Рѣчицкій повѣты Минскаго Воеводства. Иногда, кажется несправедливо, и всю Великую Русь называли Черною Русью.

Полѣсье было Воеводство Брестское, прилежавшее къ Волыни, съ которою оно сближалось и Русскимъ своимъ нарѣчіемъ.

I. *Народныя преданія.*

Повѣствуютъ, что Пруссы, при Вайдевутѣ раздѣлясь на двѣнадцать поколѣній, ввели у себя постоянный образъ правленія. По мнѣнію Шлецера *Вайдевутъ* значитъ то же, что на Славянскомъ языкѣ *Воевода*. Въ самомъ дѣлѣ языкъ Литовскій имѣетъ такое множество Славянскихъ словъ, что нѣкоторые считаютъ оный Полуславянскимъ; другіе, напротивъ того, находя въ немъ сходство съ Латинскимъ, производятъ и языкъ Литовскій и самый народъ отъ Латиновъ. Нынѣ трудно рѣшить, которая сторона права. Мореплаваніе изъ Италіи въ Литву, баснословныя повѣствованія о Палемонѣ или Публіи Либонѣ, начальникѣ Помпеева флота, повергаютъ изслѣдователя въ бездну догадокъ, но достовѣрнаго ничего не представляютъ. Нѣкоторые выводятъ Литовцевъ отъ Алановъ, Геруловъ и иныхъ древнихъ народовъ.

Романова, Ромнове или Ромове было первоначальнымъ жилищемъ Палемона и его пяти сотъ рыцарей надъ рѣкою Дубиссою. Тамъ верховный жрецъ Криве Кривейтосъ имѣлъ главное капище, и Литва за Нѣвяжею (Невѣ-

жа) или соединилась съ сими пришлецам: приняла ихъ въ свое сообщество. церъ думаетъ, что когда Владимiръ въ 970 г. покорилъ Ятвяговъ, а с стороны возникала Польша, народ скiй, по необходимости, ввелъ у стоянное управленiе.

Боркусъ, Спера, Куносъ, три ли каждый свою Столицу: Юрбс Ковно; *Юлiанъ Дорспрунгусъ* бы лемъ Вилькомира и Дзѣвалтова Сiи Князья при самомъ начал жили надъ Дубиссою, Невѣя Святою.

Въ первый разъ упоми въ Кведлинбургской лѣтопи (Naruszewicza Hist. Nar. Pol.

Въ 1.058 году Литовс *Куносовичъ* и Князь Самоги *носовичъ* покоряютъ Брац рое владѣнiе Литовцевъ в

Въ 1040 г. новая Ст

II. *Повѣствованiя бол*

сомнит

(1089-

Зивибундъ, изъ р наслѣдникомъ Кѣрну

нголъ
собою
а трехъ
скунда и
а Русь для
руцкое, Ви-
іія любви но-
ри Князя при-
ендогомъ и ими
не въ силахъ
я противостоять
інязьямъ Русскимъ.
лъ сына своего *Вол-*
кому Князю Даніилу
рудекъ и иныя земли.
ей стороны вынудили
ь отдать имъ землю
всье), Самогитію, Кур-
другія земли, и принять

догъ крещенъ въ полѣ подъ
въ самомъ городѣ не наш-
рнаго дома, въ которомъ
совершить сей священный и
і обрядъ. Короновали Мендога
пископъ и Генрихъ Арнаканъ,
мъ Епископомъ Хелминскимъ. Вмѣ-
ндогомъ крестились 600 вельможъ;
скіе Епископы назначенъ Доминика-
... Св. крещеніе совершено по Ла-

лоцкѣ; потомъ *Утенусъ Куковойтовичъ* въ Завилейской Литвѣ и Самогитіи. *Любартъ* въ Карачевѣ и Черниговѣ, *Писсимундъ* въ Туровѣ и Стародубѣ; три сына Скирмунда въ собственныхъ своихъ удѣлахъ.

Утенусъ и Борисъ выстроили города Уцяну и Борисовъ. Борисъ вмѣстѣ съ рукою Тверской Княжны получаетъ Полоцкое Княженіе и принимаетъ Св. крещеніе: онъ былъ первый Христіанинъ изъ Литовскихъ Князей. Онъ же даруетъ Полоцку нѣкоторыя права. Послѣ него княжили Василій *Рехвольдъ и Глѣбъ*, умершій въ 1235 г. Дочь его *Параскевія или Пракседа* въ 1237 г. сопричислена въ Римѣ къ лику Святыхъ.

Скирмундъ Мингайловичъ подъ Кейдановымъ (въ 1221 г.) побѣждаетъ Монгольскаго Хана Балаклая, а сыновья Скирмунда совершенно истребляютъ Монголовъ съ Ханомъ Курдасомъ надъ Окуневкою подъ Мозыремъ (1227—1230 г.); но двое изъ нихъ за сію побѣду заплатили жизнію: остался одинъ *Тройнатъ*, которому наслѣдовалъ сынъ его *Алгимундъ*; а послѣ Утенуса княжилъ *Рингольдъ*, по причинѣ малолѣтства *Свинторага*. *Рингольдъ Алгимундовичъ*, первый *Великій Князь*, соединилъ всѣ Литовскія владѣнія. Онъ побѣдилъ Русскихъ Князей, которые не хотѣли признавать новаго его титула, и умеръ въ 1238 г.

Мендогъ, *Мендолфъ*, *Мендаугосъ Рингольдовичъ* ядомъ и мечемъ удержалъ за собою единовластіе во всѣхъ Княженіяхъ, а трехъ своихъ племянниковъ *Ардоида*, *Викунда* и *Товцивила* (Чевцивила) выслалъ на Русь для добычи. Они покорили Княженія Друцкое, Витебское, Полоцкое. Для снисканія любви новыхъ своихъ подданныхъ, сіи три Князя приняли Св. Крещеніе. Между Мендогомъ и ими возгорѣлась война. Мендогъ не въ силахъ былъ въ одно и то же время противостоять и Ливонскому ордену и Князьямъ Русскимъ. Въ 1245 г. Мендогъ отдалъ сына своего *Волстиника* въ залогъ Галицкому Князю Даніилу и уступилъ ему Новогрудекъ и иныя земли. Крестоносцы же съ своей стороны вынудили отъ Мендога обѣщаніе отдать имъ землю Ятвяговъ (т. е. Подлѣсье), Самогитію, Курляндію и нѣкоторыя другія земли, и принять Св. Крещеніе.

Въ 1254 г. *Мендогъ* крещенъ въ полѣ подъ Новогрудкомъ: ибо въ самомъ городѣ не нашлось столь обширнаго дома, въ которомъ можно было бы совершить сей священный и торжественный обрядъ. Короновали Мендога Рижскій Архіепископъ и Генрихъ Арнаканъ, бывшій потомъ Епископомъ Хелминскимъ. Вмѣстѣ съ Мендогомъ крестились 600 вельможъ; въ Литовскіе Епископы назначенъ Доминиканецъ Витъ. Св. крещеніе совершено по Ла-

тинскому обряду, который однакожь не могъ еще тогда утвердиться въ Литвѣ.

Въ 1255 г. *Мендогъ* сдѣлался отступникомъ отъ Христіанства, возмутилъ Прусскихъ язычниковъ и сдѣлался страшнымъ для Пруссовъ, Ливоніи и Польши, опустошая сіи страны съ многочисленнымъ войскомъ, котораго онъ имѣлъ до 30 тысячь. Въ 1261 г. палъ на полѣ битвы сильнѣйшій врагъ Мендога Великій Магистръ Крестоносцевъ Генрихъ *Стукландъ* и съ нимъ вмѣстѣ погибло 150 Рыцарей.

Въ 1264 г. *Мендогъ* убитъ Занельскимъ Княземъ *Довмандомъ* за насиліе его жены; Самогитскій же Князь *Тройнатъ*, помогавшій Довманду, умерщвленъ въ 1265 г. четырьмя воинами Мендоговой стражи.

Въ Кѣрновѣ избранъ Великимъ Княземъ *Василько или Волстиникъ*, сынъ Мендога, бывшій до того времени чернецомъ въ Новогрудкѣ; въ 1268 г. сей Великій Князь пріялъ смерть измѣною Руѕскихъ Князей *Льва и Сварміра* во Владимірѣ, въ то самое время, когда онъ готовился покорить ихъ и иныхъ Русскихъ Князей.

Свинторогъ, жившій въ Самогитіи безъ Удѣла, совсѣмъ неожиданно получилъ Великокняжеское достоинство на 96 году отъ рожденія. Онъ умеръ въ 1270 г. и погребенъ на *Зглищѣ*, гдѣ теперь стоитъ Вильно.

Послѣ него княжили *Гърмондъ Свинторо̀говичъ* до 1275, *Гилигинъ Гърмондовичъ* до 1278, *Ромундъ Гилигиновичъ* менѣе года, *Трабъ Гърмондовичъ* до 1280 г. Сей былъ прежде Самогитскимъ Княземъ. По смерти Ромунда, онъ, по свидѣтельству однихъ, былъ дѣйствительно Великимъ Княземъ, по мнѣнію же другихъ, только Правителемъ и опекуномъ пятерыхъ своихъ преемниковъ. Здѣсь встрѣчается неразрѣшимый узелъ историческихъ сомнѣній.

Въ 1280 г. на Сеймѣ въ Кѣрновѣ пять братьевъ *Наримундъ*, *Голша*, *Довмандъ*, *Гъдро* и *Тройденъ* были кандидатами на Литовскій престолъ. *Наримунду*, какъ старшему изъ нихъ, Великій Маршалъ *Монивидъ* вручилъ мечь и начальственный жезлъ. Сей Великій Князь избралъ *Погоню* или *Всадника* гербомъ Княжества, вмѣсто прежняго *Центавра* или *полуконя*. Тремъ братьямъ далъ Удѣлы, отъ коихъ произошли Княжества Голшанское, Уцянское и Свирское; *Тройдену* же ничего не далъ, а оставилъ его при себѣ на случай войны, или, можетъ быть, для наслѣдства послѣ себя. Въ 1281 г. Наримундъ отнялъ у Поляковъ Подлѣсье (землю Ятвяговъ), и отдалъ оное Тройдену; потомъ опустошилъ Пруссію.

Тройденъ былъ Великимъ Княземъ только одинъ годъ: по приказанію Довманда онъ

умерщвленъ шестью крестьянами, явившимися къ нему подъ предлогомъ какой-то просьбы. *Лаврунъ* или *Римундъ Тройденовичъ*, монахъ Новогрудскій, отмстилъ за убіеніе отца своего, но Великимъ Княземъ быть не захотѣлъ, и предложивъ Великокняжескій престолъ *Витенесу*, Маршалу убіеннаго своего отца, самъ возвратился въ иноческую келлію. *Витенъ*, *Вицпьнъ*, или *Витенесъ*, уроженецъ Эйрагольскій, потомокъ Италіанской фамиліи Чезарини, во время своего княженія безпрестанно воевалъ съ Прусскими Крестоносцами и Польшею до 1315 г. Подробности сихъ войнъ описаны Дусбургомъ, коего сочиненіе переведено на Польскій языкъ Стриковскимъ.

III. *Періодъ достовѣрныхъ происшествій. Начало величія Литвы.*

(1315—1385).

Великій Князь *Гедиминъ* княжилъ съ 1315 до 1328 г.; не извѣстно былъ ли онъ сынъ Витенеса. Ежели не былъ, то онъ долженъ быть его конюшимъ и—убійцею. Извѣстно

только то, что Великое Княжество находилось въ крайнемъ разстройствѣ при его вступленіи на престолъ. Первые годы своего княженія Гедиминъ употребилъ на войну съ Крестоносцами, у которыхъ онъ въ 1319 г. отнялъ Самогитію; въ 1320 г. взялъ Владиміръ, Овручь, Житоміръ, а послѣ побѣды надъ рѣкою Перною, въ 6 миляхъ отъ Кіева, покорилась ему и сія древняя Столица Руси, въ которой посаженъ намѣстникомъ Голшанскій Князь *Миндовъ*, Христіанинъ Греческаго исповѣданія. Граница Государства простиралась тогда за Днѣпромъ до Путивля.

Въ 1321 г. по совѣту *Лездейки*, верховнаго жреца, называвшагося *Криве Кривейтосъ*, основаны города Троки и Вильно. Лездейко былъ предокъ Князей *Радзивиловъ*, прозванныхъ такъ по случаю совѣта (*rada* значитъ *совѣтъ*) о построеніи Вильны; поводомъ же къ такому совѣту былъ видѣнный во снѣ железный волкъ, вмѣщавшій въ себѣ сто другихъ волковъ. Крестоносцы, по окончаніи перемирія, опустошали Самогитію, а Литовцы разоряли Пруссію и Ливонію.

Въ 1324 г. Іоаннъ XXII чрезъ Епископа *in partibus infidelium (Episcopus Electuensis)* предлагалъ Гедимину креститься. Гедиминъ, отказавшись отъ всякихъ связей съ Римомъ, въ 1325 г. вступилъ въ дружественный союзъ съ Поляками и Мазовіею: поводомъ къ сему

было то, что *Альдона*, потомъ *Анна*, вышла за Казиміра III Великаго, а сестра ея *Данмила* за Мазовецкаго Князя Вацлава Плоцкаго. При осадѣ замковъ Фридбурга и Баера, въ 1328 г., Гедиминъ убитъ огнестрѣльнымъ орудіемъ (101). По древнему обычаю Франковъ, Русскихъ, Поляковъ и иныхъ народовъ, давно принятому въ Литвѣ, Гедиминъ раздѣлилъ Великое Княжество между семью своими сыновьями, оставивъ верховную власть въ рукахъ одного, самаго младшаго, *Явнута*, и назначивъ Столицею Вильну. По сему раздѣлу получили: 1) *Монтвидъ*, Кѣрновъ и Слонимъ; 2) *Наримундъ*, Пинскъ, Мозырь и часть Волыни; 3) *Олгердъ*, Кревъ и земли надъ Березиною; 4) *Кѣйстутъ*, Самогитію, Воеводство Троцкое и Подлѣсье; 5) *Коріатъ*, Новогрудекъ и Волковискъ; 6) *Любартъ*, Владиміръ Волынскій.— *Явнутъ* княжилъ не долго; положено было, чтобы Олгердъ и Кѣйстутъ начальствовали надъ войскомъ противъ Крестоносцевъ, а Явнутъ занимался внутреннимъ управленіемъ. Въ 1330 г. Кѣйстутъ и Олгердъ условились нечаянно напасть на Явнута и умертвить его. Сіе преступное намѣреніе выполнилъ Кѣйстутъ въ томъ же году. Хотя Олгердъ опоздалъ пріѣздомъ своимъ изъ Витебска, однакожь Кѣйстутъ ему, какъ старшему, предложилъ Великое Княженіе, отъ коего Олгердъ сначала отказывался, но потомъ принялъ на-

чальство надъ войскомъ, съ тѣмъ, чтобы управленіе внутренними дѣлами было общее. Счастливое правленіе *Олгерда*, съ 1330 до 1381 г., поставило Литву на высокую степень могущества. Первая его война была съ Крестоносцами, противъ которыхъ онъ поставилъ 40.000 войска. За согласіе на перемиріе въ 1331 г., Крестоносцы должны были уступить Самогитскую добычу и замки надъ Велгоною.—

Другая его война была съ Монголами за Подолію.; Монголы побѣждены и три Хана убиты. Литва покорила все пространство отъ Кіева до Очакова и отъ Путивля до Дона; Олгердъ, выгнавъ изъ Подоліи Баскаковъ (Правителей Татарскихъ), отдалъ сей край четыремъ племянникамъ своимъ, дѣтямъ *Коріата*, изъ которыхъ остались тамъ только Александръ и Константинъ; Георгій же, призванный княжить въ Валлахіи, отравленъ въ Сохачевѣ въ 1332 г., а Өеодоръ возвратился въ Новогрудекъ. Остатки Татаръ, спасшихся бѣгствомъ изъ Подоліи, поселились за Дунаемъ. — Третья война была съ Великимъ Княземъ Московскимъ Димитріемъ, побѣдителемъ Мамая. Нечаянное нашествіе Олгерда на Москву принудило Димитрія въ 1333 г. уступить ему пространство по рѣку Угру съ Можайскомъ. Супруга Олгерда, Витебская Княжна Юліана, склонила его къ воспріятію

Св. крещенія по Греческому обряду. Олгердъ исполнилъ сіе тайно, но явно благодѣтельствовалъ всѣмъ Литовскимъ Христіанамъ. Онъ создалъ двѣ церкви въ Витебскѣ, а Виленскому Воеводѣ Петру Гастольду, обращенному въ Христіанство женою его, урожденною Бучацкою, дозволилъ принять въ Вильно Францисканцевъ и выстроить для нихъ монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь во имя Св. Креста. Грубые Виленскіе язычники, въ отсутствіе Гастольда, напали на Францисканцевъ, и семерыхъ изъ нихъ замучили на площади, а семерыхъ распяли на Лысой горѣ. Гастольдъ, возвратясь изъ Тыкочина, собралъ тѣла мучениковъ и предалъ оныя землѣ, а Олгердъ, наказавъ 500 человѣкъ, виновныхъ въ семъ убійствѣ, объявилъ свободу Христіанскаго исповѣданія. Гастольдъ выстроилъ монастырь въ иномъ мѣстѣ.

1336, 1337, 1339 гг. Войны съ Мазовіею, Пруссіею и съ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ, который изъ Подоліи ушелъ въ Венгрію. Въ 1340 г. раздѣлъ собственной Красной Руси съ Казиміромъ Великимъ. Въ 1342 г. война съ Мазовіею и съ Крестоносцами подъ начальствомъ Кѣйстута. Въ 1343 г. неудачный Крестовый походъ Крестоносцевъ въ Литву, гдѣ они ничего не нашли для удовлетворенія страсти своей къ грабительству: Олгердъ и Кѣйстутъ, укрѣпивъ замки, вывели народъ или на Русь,

или въ лѣса, и сами разорили всѣ границы, дабы лишить непріятеля способовъ къ продовольствію. Между тѣмъ Олгердъ даже до Дерпта опустошалъ владѣнія Крестоносцевъ, а Кѣйступъ разрушилъ Королевецъ (Кенигсбергъ).

1345 — 1348. Продолженіе сей войны съ перемѣннымъ счастіемъ.

Въ 1349 году по заключеніи мира между Англійскимъ Королемъ Эдуардомъ и Королемъ Французскимъ Филиппомъ, распущенные ими воины обратились подъ знамена Крестоносцевъ, которые выставили въ поле 40.000 войска. Совершенное разореніе Троцкаго Княжества. Пораженный *Кѣйступъ* потерялъ 18.000 воиновъ. Пользуясь симъ случаемъ, Казиміръ III Великій занялъ Брестъ, Белзъ и Подолію. Въ 1351 г. Кѣйступъ въ плѣну у Поляковъ; но спасся бѣгствомъ.

1352, 1353. Продолженіе войны съ Польшею.

1354 — 1356. Новая война съ Крестоносцами въ Пруссіи и Литвѣ.

Въ 1360 г. сынъ Императора Лудовика IV, Маркграфъ Брандебургскій Лудовикъ, изъ Дома Баварскаго, изъ дружбы къ Крестоносцамъ опустошилъ Литву. Кѣйступъ вторично въ плѣну у Христіанъ.

Въ 1361 г. Кѣйступъ опять въ плѣну. При помощи одного обращеннаго въ Христіанство Литовца, онъ освободился изъ плѣна и

въ одеждѣ Крестоносца спасся бѣгствомъ изъ Маріенбурга, три дня скрывался въ лѣсахъ и потомъ ушелъ къ дочери своей, Княгинѣ Мазовецкой. Въ томъ же году онъ снова взятъ въ плѣнъ и снова удачно освободился отъ онаго. Въ 1362 г. Крестоносцы взяли Ковно и разрушили замки въ Самогитіи. Голодъ въ Литвѣ, Польшѣ и на Руси.

1363—1367 Жестокая вражда между Крестоносцами и Литвою.

Въ 1370 г. кровопролитное сраженіе. Казиміръ Великій очистилъ отъ Литвы Волынь и Червенную Русь.

1372 — 1377. Война съ Крестоносцами и Польшею. Миръ съ Польшею.

1378 годъ непріятенъ для Литвы по тому счастію, которое благопріятствовало Крестоносцамъ. Въ семъ и прошломъ годахъ *Витольдъ* начинаетъ славиться оружіемъ.

Въ 1381 г. почти въ одно время смерть Великаго Магистра Генриха *Книпроде* и *Олгерда*.

Олгердъ избралъ наслѣдникомъ своимъ *Ягелла*, и дядя его *Кейстутъ*, равно какъ и прочіе Князья, безъ малѣйшаго неудовольствія признали его Великимъ Княземъ.

Отъ Витебской Княжны *Юліаны* у Олгерда было шесть сыновей: 1) *Владиміръ*, Князь Кіевскій, отъ коего чрезъ Олелька, т. е. Александра, происходили Слуцкіе Князья

Олельковичи. 2) *Іоаннъ Зедзъвилъ*, Князь Подольскій; 3) *Симонъ Лингвеній* или *Лангвинъ*, Князь Мстиславскій; 4) *Андрей Вигундъ*, родоначальникъ Князей *Трубецкихъ*; 5) *Константинъ*, Князь Черниговскій, отъ коего произошли Князья *Чарторижскіе*; 6) Өедоръ *Любартъ*, родоначальникъ Князей *Ковельскихъ*, *Коширскихъ* и *Сангушковъ*. Отъ *Маріи*, Княжны Тверской, кромѣ *Ягеллы:* 1) *Скиргайло;* 2) *Свидригайло;* 3) *Корибутъ*, предокъ Князей *Збаражскихъ* и *Вишневецкихъ;* 4) *Димитрій*, предокъ Князей *Корескихъ;* 5) *Вигундъ*, Князь Сѣверскій и Кѣрновскій.

У *Кѣйстута* были сыновья *Витольдъ*, *Патрикъ*, *Тотивилъ* или *Өеофилъ*, *Сигиздъ* т. е. Сигизмундъ, *Андрей Войдатъ* или *Горбатъ* и *Довготъ*.

Ягелло, повѣривъ любимцу своему *Войдилѣ*, будто бы *Кѣйстутъ* желаетъ присвоить себѣ Великокняжескій престолъ, рѣшился заключить союзъ съ Крестоносцами и умертвить не только дядю, но и сыновей его.—Кѣйстутъ, свѣдавъ о томъ отъ крестнаго отца своей дочери, Августина *Зудштейна*, Командора Остродомскаго, предупредилъ Ягеллу, взялъ Вильно, и, сдѣлавшись Великимъ Княземъ, далъ Ягеллѣ только Княжества Кревское и Витебское, но и то не иначе какъ по усильной просьбѣ великодушнаго Витольда.

Въ 1382 г. *Ягелло* взялъ обратно Вильно и приказалъ замучить въ темницѣ дядю своего Кѣйстута; Витольдъ же, переодѣвшись въ женское платье, едва успѣлъ бѣжать въ Пруссію.

1383, 1384. Война съ Мазовіею и Польшею.

Въ 1385 г. *Владиславъ Ягелло* получилъ Польскую корону.

IV. *Литва, соединенная съ Польшею, но подъ собственнымъ правленіемъ.*

Скиргайло или *Казиміръ I*, Великій Князь. (1387—1392).

Витольдъ или *Александръ*. (1392—1430).

Свидригайло или *Болеславъ I* (1430—1432).

Сигизмундъ I Кѣйстутовичь (1432—1440).

Казиміръ II, братъ Владислава Варнинскаго, прежде княжитъ въ одной Литвѣ (1440—1444), потомъ въ Литвѣ и Польшѣ (до 1492 г.)

Александръ II, сынъ Казиміра IV, въ самой Литвѣ съ 1492 до 1501 г., въ Литвѣ и Польшѣ до 1506 г.

Сигизмундъ II въ Литвѣ и Польшѣ до 1544 г., въ Польшѣ Сигизмундъ I до 1548 г.

Сигизмундъ III Августъ, въ Польшѣ II, получившій Великокняжескій титулъ еще въ

1529 г., началъ княжить не прежде какъ въ 1544 г. въ Литвѣ и Польшѣ съ 1548 до 1572 г.

Въ 1569 году послѣдовало совершенное соединеніе Литвы съ Польшею, о чемъ сказано будетъ ниже, въ царствованіи Сигизмунда Августа.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ I ТОМУ ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

(1) Ольвія, т. е. *счастливый городъ*, находилась недалеко отъ того мѣста, гдѣ Бугъ впадаетъ въ Днѣпръ. Днѣпръ назывался Борисѳеномъ (Borysthenes), каковымъ именемъ называлась иногда и Ольвія. По сей причинѣ Борисѳены и жители Ольвіи были одинъ и тотъ же народъ.

(2) *Герросъ*—рѣка и прилежащая къ оной земля. Въ другомъ мѣстѣ Иродотъ говоритъ, что тѣла умершихъ Королей были возимы по землямъ всѣхъ поколѣній и погребаемы въ землѣ тѣхъ, которые жили ближе къ Герросу.—На Украинѣ доселѣ называются *ярами* низкія мѣста, гдѣ строятъ мѣстечки и села или ночуетъ скотъ: тамъ обыкновенно бываетъ вода и маленькой лѣсъ, которыхъ въ возвышенныхъ мѣстахъ нѣтъ. *Яръ* по Славянски значитъ пропасть, глубину, крутизну. Константинъ Порфирородный, описывая образъ жиз-

ии Руси въ 940 г. въ зимнее время, повѣствуетъ, что Князья ихъ въ Ноябрѣ выѣзжаютъ изъ Кіева въ мѣстечки, называемыя *Гирами*, и въ иныя мѣста Славянской земли. Впрочемъ изъ сего сходства словъ не льзя заключить ничего рѣшительнаго.

(3) Какъ Польская басня о *Лехѣ*, *Русѣ* и *Чехѣ* заключаетъ въ себѣ ту истину, что языки трехъ Славянскихъ народовъ, т. е. Поляковъ, Чеховъ и Россіянъ, происходятъ отъ одного корня, такъ и повѣсть Иродота и иныя преданія о братьяхъ одного поколѣнія, увѣряютъ насъ въ томъ, что одинъ и тотъ же языкъ могъ быть общимъ для нѣсколькихъ народовъ; такъ три брата, *Лидъ*, *Гаръ*, *Мизъ*, были отцами трехъ народовъ въ Малой Азіи. См. Иродота I. 142. *Comment. Soc. Goett.* Vol. XIII. 28. *Heeren de Linguis Asiatic.* 1795.

(4) На пространствѣ нѣсколькихъ миль по направленію отъ Бѣлой-церкви къ Днѣпру видны остатки вала, называемаго туземцами *Трояновымъ валомъ*, въ которомъ иногда находятъ и монеты сего Императора. Не льзя утверждать насыпанъ ли сей валъ Римлянами, или же въ позднѣйшія времена. Преданіе говоритъ также, что и извѣстный валъ за Дунаемъ, *Чертова стѣна* (die Teufelsmauer), также насыпанъ Римлянами; но и сіе преданіе недостовѣрно.

(5) Названіе *Сарматовъ* происходитъ отъ Греческихъ словъ: *σαυρος*, ящерица, и *ομα*, око. Но какъ Сарматы сами себя называли, сіе не извѣстно.

(6) Когда упоминается о древнихъ *Нѣмцахъ* или *Германцахъ*, то само собою разумѣется, что они столько же различествуютъ отъ нынѣшнихъ Нѣмцевъ, происходящихъ отъ Баваровъ, Франковъ, Саксовъ и Швабовъ, сколько Поляки отъ Скиѳовъ и Сарматовъ. *Tempora mutantur, nos et mutamur in illis.*

(7) *Joh. Chrysostomi Oper.* VIII. 12. p. 371. *Ed. Montf. Theodoreti Op. Vers. Syllb. sermo* V, 555. Не извѣстно какой былъ Сарматскій языкъ; достовѣрно лишь то, что онъ не былъ Польской, котораго въ то время еще не существовало.

(8) Бандтке вездѣ именуетъ Славянъ *Словянами*, а языкъ ихъ *Словянскимъ*. Такое произношеніе намъ несвойственно. Мы могли бы однакожь, приближаясь къ оному, писать *Словены, Словенскій*, но предпочитаемъ то правописаніе, которое утверждено обычаемъ и принято лучшими нашими Авторами. *Перев.*

(9) Въ Кроаціи и по сіе время народъ живетъ въ отдаленныхъ одинъ отъ другаго домахъ.

(10) О *Познани* Нѣмцы и Поляки выдумали басню, будто бы сей городъ получилъ свое название отъ *знакомства* (od poznania się) Императора Оттона III съ Болеславомъ Храбрымъ. Но современные писатели свидѣтельствуютъ, что Познань древнѣе.

(11) Таковыя конныя скачки и доселѣ въ употребленіи между поселянами въ Лузаціи и въ Силезіи. Въ Вербную недѣлю въ Лесковицкомъ приходѣ (въ 3 миляхъ отъ Бреславля) рано поутру начинается скачка. Кто первый доскачетъ до цѣли (у озера Прохникъ), тотъ провозглашается Королемъ. Прискакавшаго послѣ всѣхъ молодежъ возитъ по деревнѣ въ дурной повозкѣ на двухъ колесахъ. Гдѣ встрѣчается лужа, тамъ онъ ложится и валяется въ грязи. Хозяева домовъ даютъ Королю разные подарки, на которые онъ ввечеру даетъ пиръ въ корчмѣ, гдѣ тотъ, кто валялся въ грязи, играетъ роль шута.

(12) Кромѣ сей басни о *Попелѣ*, съѣденномъ мышами, въ Польской Исторіи есть еще и другая такая же о Мазовецкомъ Князѣ *Мечиславѣ* (1237 г.) котораго также мыши съѣли за то, что онъ

притѣснялъ вдовъ и сиротъ. Мечиславъ бѣжалъ отъ мышей на судно, стоявшее на Вислѣ; но мыши приплыли и туда и его загрызли.—И въ Нѣмецкой Исторіи находятся подобныя небылицы о Могунтскомъ Архіепископѣ *Гаттонѣ* и иныхъ, какъ то: о Епископѣ Стразбургскомъ *Видерольфѣ* (997 г.) Епископѣ Оснабрикскомъ *Годфредѣ де Арнсбергѣ* (1348) и пр. Гаттонъ обыкновенно говаривалъ: чтобъ меня мыши съѣли!—*Дитмаръ*, Епископъ Мерзебургскій повѣствуетъ, что какой-то храбрый рыцарь въ 1008 г. съѣденъ живой мышами. Безполезно защищавшись отъ нихъ прежде палкою, потомъ мечемъ, онъ наконецъ спалъ въ сундукѣ, повѣшенномъ въ воздухѣ; но мыши довершили свой подвигъ, и загрызли его за какое-то клятвопреступленіе.—Подобныя сказки есть и въ Исторіяхъ Французской и Испанской.—*Красицкій* почерпнулъ изъ сихъ басень предметъ для своей *Мышеиды*.

(13) *Bibliotheca Patrum Maxima* T. *III*., *Ep. S. Bonifacii* 141. p. 135. Алкуинъ, другъ Карла Великаго, совѣтовалъ не требовать отъ Славянъ десятины. (Шлец. Нест. III. 180.) Папа Захарія хотѣлъ, чтобъ они ее платили *in recognitionem Dominii*.

(14) Ios. Dobrowsk. Slawin p. 205. *abundant copia brutorum omnis generis et terrae nascentium*,

quae comportant in cumulum, praecipue vero milii et panici.

(15) Gebhardi Gesch. der Wenden und Slawen in der allg. Weltgesch. 4 1789. p. 292.

(16) Tygodn. Wil. Ioachima Lelewela Słowiańszczyzna Winulska T. II. 1816. p. 334 i d.

(17) *Helmold.* 93. 7. Porro apud Ranos non habetur moneta, nec est in comparandis rebus consuetudo nummorum, sed, quidquid in foro mercari volueris, panno lineo comparabis.

(18) Ioh. Pessina de Czehcorod Mars Moravicus. Pragae. 1677. fol.

(19) *Словенско,* часть Венгріи Нижней и Верхней, гдѣ и нынѣ живутъ Словаки, есть названіе Богемское. Мнѣ кажется вѣроятнѣе, что Великая Моравія была за Дунаемъ.

(20) *Царь* означаетъ здѣсь Греческаго Императора.

(21) Здѣсь Философъ значишъ *ученый мужъ*, каковыми Византійцы обыкновенно называли въ IX вѣкѣ монаховъ.

(22) Псалтырь и Октоихъ въ первый разъ напечатаны въ Краковѣ въ 1491 г. Святополкомъ Фіолемъ. (См. Hist. druk. Krak. 1815). Слѣдовательно въ Краковѣ восприяло начало Славянское книгопечатаніе. Послѣ того оно заведено въ Венеціи, въ XVI вѣкѣ въ Литвѣ и наконецъ въ 1564 г. въ Россіи.

(23) Іосифъ Добровскій доказалъ, что *Кирилловскія* литеры старѣе *Буквицы*, которая появилась уже въ XII вѣкѣ.

(24) Наказаніе, заимствованное отъ Цареградскихъ Грековъ, употреблявшееся въ X вѣкѣ противъ бунтовщиковъ.

(25) Надъ рѣкою Тульномъ, въ полѣ. Нынѣшняя Вѣна тогда еще не существовала.

(26) *Stritter Mem. Popul.* II. 419. Святополкъ, подобно Скиѳскому Королю Силуру, предъ смертію своею далъ сыновьямъ по пуку розогъ, приказавъ

имъ переломить оные; когда же они не могли сего исполнить, то онъ далъ каждому по одному прушу. Симъ онъ убѣждалъ дѣтей своихъ въ пользѣ единодушія.

(27) Stritter Mem. Popul. II. 420.

(28) Констанпинъ VIII всегда называетъ Турокъ *Маджарами.*

(29) Stritter Mem. Popul. II. 420. 650.

(30) Rex natalem Domini in civitate Marouva celebravit, in confinio sita *Hungarorum* et Bulgariorum.

(31) Voigt (Iohannes) Hildebrand als Pabst Gregorius der Siebente und sein Zeitalrer. Weimar. 1815. p. 49.

(32) См. Іос. Добровскаго разсужденіе *über die Slawen und ihre Sitten.* p. 159. Въ письмѣ Св. Вонифатія къ Англійскому Королю Эпельбальду (745 г. по Баронію, Т. XIII. *Bibliothec. PP. maxima* Lugd. 1677. p. 76. ep. XIX.) . . . *ut* . . .

mulier viro proprio mortuo vivere recuset et laudabilis mulier inter illos esse judicatur, quae propria manu mortem sibi intulit, ut in una strue ardeat cum viro suo.—Въ Индіи считается стыдомъ пережить мужа.

(33) Ditm. Mersb. p. 248, ed Waymari: *unaquaeque mulier post viri exequias sui igne cremati decollata subsequitur.* То же самое было и въ Россіи до XI вѣка.

(34) Это очевидная ошибка Длугоша. *Марзанна* у Славянъ, а вѣроятно и у Поляковъ, была богинею смерти.

(35) *Живе*—должно быть Индійское божество *Сива*.

(36) Дитмаръ Мерзеб. называетъ ее *Добравою*, а въ переводѣ *Боною*.—p. 97. edit. Norimb. 1807. 4.

(37) Длугошъ, ed. Lips. 105.

(38) Дитмаръ Мерзеб. ст. 32. 98.

(39) По свидѣтельству *Длугоша* и двухъ лѣтописей XIV и XV вѣковъ, Мечиславъ I крещенъ 5 Марта, въ четвертую недѣлю поста, повелѣвъ прежде народу сокрушить и сжечь идоловъ и разрушить капища.—Длугошъ приписываетъ ему учрежденіе Гнѣзненскаго Архіепископства и осьми Епископствъ, какъ то: *Познанскаго*, *Краковскаго*, *Смогоржевскаго* (потомъ Бреславскаго), *Кулвскаго*, *Плоцкаго*, *Хелмскаго*, *Каминскаго*, *Любушскаго* на границѣ Силезіи и Мархіи Брандебургской. Кардиналъ *Идій*, Епископъ Тускуланскій, въ качествѣ Легата Папскаго, учредилъ Іерархію, и на новыя каѳедры опредѣлилъ Италіанскихъ Епископовъ, которыхъ не льзя еще было имѣть изъ Поляковъ. — При Болеславѣ I были строгія наказанія за несоблюденіе постовъ; при Мечиславѣ II языческая чернь, по свидѣтельству Мартина Галла, умертвила Польскихъ священниковъ, и до воцаренія Казиміра I имѣла перевѣсъ предъ Христіанствомъ. Возстановитель Монархіи возстановилъ опять и Іерархію. Изъ Епископовъ тогдашнихъ одинъ только *Іорданъ* былъ Полякъ.

(40) Мартинъ Галлъ повѣствуетъ, что Мечиславъ I родился слѣпымъ, и что при пострigахъ своихъ получилъ зрѣніе чудеснымъ образомъ.

(41) Длугошъ I. 40. *Barth. Stenus in Sommeri R. Vannian.* p. 144. *Klose von Breslau Th.* I 71, 97 и далѣе.

(42) *Лелевеля* историческія замѣчанія, 1811. 8. *Tygodnik Wileński* 1816. No 27 и слѣд.

(43) *Kritische Versuche die ältere böhmische Geschichte von spätern Erdichtungen zu reinigen Borzywoy's. Taufe* . . . von I. D. Prag, 1803, bey Haase und Widtmann 8.

(44) Прагское Епископство учреждено въ 967 г. Первымъ Епископомъ онаго былъ Саксонецъ *Дитмаръ* (973 г.), вторымъ Св. *Войцѣхъ*. Богемія принадлежала прежде къ Епископству Регенсбургскому.

(45) Это первое извѣстіе о *Красной Руси*; нынѣшняя Красная Русь на иномъ мѣстѣ. Собственная Красная Русь, Воеводство Русское, гдѣ Галиція и Львовъ.

(46) Несторъ въ Нѣмецкомъ изданіи Осипа Миллера. Берлинъ. 1812. стр. 158.

(47) Многіе Нѣмецкіе Писатели утверждаютъ, что Польша въ средніе вѣки была данницею Нѣмецкихъ Императоровъ и повѣствуютъ, что оная сдѣлалась независимою уже во время междоцар-

ствія 1252—1272. Но Дитмаръ Мерзебургскій, современный писатель, свидѣтельствуетъ, что Мечиславъ I платилъ дань только съ земель, лежащихъ предъ Вартою.

(48) Сію побѣду одержалъ Цидебуръ, братъ Мечислава I, въ 973 г. подъ Цидини, (*Ditmar*, *ed. Wagn. p. 36.*) кажется въ Нижней Лузаціи.

(49) Ditmar Mers. 99.

(50) Март. Галлъ. L. I. c. 15. 17 и пр.

(51) Tygodnik Wil. T. I. N. 18. 19. p. 286, 302 и слѣд. Разсужденіе Іоакима Лелевеля: *Grobowy napis Bolesława Wielkiego.*

(52) Такъ говорятъ Пелзель въ Богемской Исторіи 1779 г., и Адамъ Нарушевичъ 1780 г. T. I. 73.; но Лелевель съ ними не соглашается.

(53) Изъ коронованія Болеслава I Императоромъ Оттономъ III Нѣмецкіе писатели заключаютъ, что Польскіе Государи были его данниками. По сей причинѣ нѣкоторые Историки Польскіе во

все отвергаютъ таковое коронованіе, и, согласно съ Виппономъ и иными, утверждаютъ, что Болеславъ I въ 1025 г. самъ себѣ присвоилъ корону.

(54) Tygodnik Wil. 1816 N. 30. стр. 49 и слѣд.

(55) Болеславъ сдѣлалъ для Польши то же самое, что Генрихъ Птицеловъ для Германіи. Удостовѣриться въ семъ можно, сравнивъ Витихинда I. 639 съ Мартиномъ Галломъ 66.

(56) Бандтке назвалъ его Мечиславомъ. Это ошибка.—*Перев.*

(57) Берега рѣки Роси—говоритъ Несторъ. *Перев.*

(58) Не овладѣвъ Кіевомъ, а сдѣлавшись единовластителемъ всей Россіи: Кіевомъ владѣлъ онъ и при жизни брата Мстислава. *Перев.*

(59) Казиміръ былъ въ союзѣ съ Ярославомъ Великимъ, женившись на сестрѣ его *Маріи* или *Доброгнѣвѣ*. Ист. Гос. Росс. II, 33.—*Перев.*

(60) Богуфалъ называетъ Казиміра I *Restaurator* или правильнѣе *Instaurator*. T. II. 26.

(61) Въ Исторіи Госуд. Росс. нѣтъ о семъ ни слова. Святополкъ—Михаилъ княжилъ въ Новѣгородѣ, потомъ въ Кіевѣ.—*Перев.*

(62) Все сказанное здѣсь объ осадѣ Кіева Болеславомъ и о дѣйствіяхъ его въ Россіи было совсѣмъ неизвѣстно современному лѣтописцу Нестору: слѣдственно должно быть признано отчасти за выдумку, отчасти за повтореніе прежнихъ происшествій. *Перев.*

(63) *Лелевель* утверждаетъ, *что Болеславъ II Смѣлый* зимовалъ и развратился не въ Кіевѣ, но въ Червенной Руси. (Tygodn. Wil. II. 121.)

(64) Это было Нѣмецкое наказаніе (das Hundertragen). Смотр. *Henrici Meibomii epistola de Kynіphoria seu canis portatione ignominiosa.* Helmstadii. 1661. 4. *Io. God. Ungeri analecta antiquario-sacra.* Lipsiae 1740. 8. p. 281—310, гдѣ приводятся разные примѣры таковаго наказанія у Франковъ, Чеховъ, Швабовъ и Саксоновъ,

(65) *Оссія* въ Верхней Каринтіи былъ Бенедиктинскій монастырь, уничтоженный въ 1784 г. О семъ и о пребываніи тамъ Болеслава II Смѣлаго см. *Intelligenzblatt* 1813 года; также Нарушевича Hist. Nar. Polsk. II. 451, и извѣстія Д. Ивана Енуля. Архивъ монастырскій уже не существуетъ. *Wallneri annus millesimus monasterii Ossiacensis,* сочиненіе тамошняго пріора (не извѣстно котораго года), содержитъ повѣствованіе, что въ 1082 г. прибылъ туда Болеславъ II Смѣлый при Игуменѣ Тевхонѣ и прожилъ 8 лѣтъ никѣмъ не знаемый, и только передъ смертію въ 1090 г. объявилъ свое имя игумену, которому отдалъ и перстень съ своею печатью. Внутри церкви на Сѣверной стѣнѣ до нынѣ виденъ камень, на которомъ изображенъ осѣдланный конь съ надписью: *Rex Boleslaus Poloniae, Occisor S. Stanislai, Episcopi Cracoviensis.* Надъ камнемъ симъ старинная живопись, съ изображеніемъ Болеслава II Смѣлаго и его дѣяній. Внизу сей живописи подпись:

Occidit; Romam pergit, placet Ossiach illi
Ignotus servit, notus pia lumina claudit.
Ossiach hinc placeat tibi, Stanislae, tyrannum
Mitem quod factum coelestibus intulit astris.

(66) Не Россія, а только нѣкоторые изъ ея Князей находились подъ вліяніемъ Королей Польскихъ.— *Перев.*

(67) Евпраксія. — См. въ Ист. Гос. Росс. Родословныя таблицы. — *Перев.*

(68) Избыгнѣва. См. Ист. Гос. Росс. II, 144. *Перев.*

(69) Только Давидъ; а Святополкъ оставался въ Кіевѣ. — Ист. Гос. Росс. II, 128. — *Перев.*

(70) Богуфалъ говоритъ, что она издѣвалась надъ Польскою одеждою и обувью.

(71) Тогда Староство и Кастелланство значало одно и то же. (Naruszewicza III. 11. n. 2.)

(72) Добешъ, т. е. Товія.

(73) Въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ есть примѣры, что люди и съ отрѣзаннымъ языкомъ говорили довольно явственно. Такъ Ніенбургскій игуменъ Герношъ, которому Графъ Генрихъ Аршерслебенскій приказалъ отрѣзать языкъ, въ остальной части онаго сдѣлалъ скважины и говорилъ довольно внятно. Равно и глаза, не совсѣмъ выколотыя, могли исправиться. И такъ въ семъ повѣствованіи нѣтъ ничего чудеснаго. Смотри

мнѣніе врача Менделя въ журналѣ *Schlesien Ehedem und Ietzt.* pag. 109 и 206.—*Mem. de l'Acad. de chir. de Paris.* T. V. N. 13. *Transact.* Lond. 1742. — Сіе наказаніе было нѣкогда общимъ не только въ Германіи, но и во всей Европѣ.

(74) Авторъ основывается въ семъ случаѣ на свидѣтельствѣ Длугоша, которое, по словамъ Карамзина, не имѣетъ достовѣрности современнаго писателя. — *Ист. Гос. Росс. II, прим.* 281. — *Перев.* Сравн. с [illegible] Кромера и [illegible]

(75) Его склонилъ къ сему самъ Лешекъ, поссорившійся тогда съ Андреемъ Королемъ Венгерскимъ. —*Ист. Гос. Росс. III*, 168.—*Перев.*

(76) Первымъ ихъ Магистромъ былъ Генрихъ *Вальпосъ*, другимъ Оттонъ *Карпенъ*, третьимъ Германъ *Бартъ*.

(77) См. *Pam. Warsz.* N. 3. 1817. *Statut. Fulconis: item statuimus, ut omnes ecclesiarum rectores, seu plebani per universum dioeceos Poloniae gentis constituti pro honore suarum ecclesiarum et ad laudem dominicam habeant scholas per licentiam dominicam statutas, non ponant Teutonicam gentem ad regendum ipsas, nisi sint*

Polonica lingua ad auctores exponendos pueris in Latinum Polonice informati.

(78) *Галлія* значитъ часть Германіи за Рейномъ, и потому въ Коментаріяхъ до Кадлубка въ XV вѣкѣ *Gallici* и *Teutonici* суть одно и то же. Мартинъ Галлъ былъ, кажется, родомъ изъ Липпиха.

(79) *Цистерсы* произошли въ 1098 г. отъ Бенедиктинцевъ, а *Норбертанцы* (Praemonstratenses) учреждены въ 1120 г. Магдебургскимъ Архіепископомъ Св. Норбертомъ.—Краковскія *Норбертанки* извѣстны со временъ Сербскаго Князя *Яксы* въ 1183 г.

(80) Ossoliński o Pismach i Pisarzach Polskich. T. I. 512.

(81) *Arsenii Sulgeri Annales Zwifaltenses Augustae Vindel.* 1698. 4. p. 98. cf. 139.

(82) По Нѣмецки *Wahlstadt*, гдѣ потомъ былъ Бенедиктинскій монастырь, а теперь мѣстечко съ уничтоженнымъ въ 1809 году монастыремъ.

(83) Онъ княжилъ въ Галичѣ, Холмѣ и Дрогичинѣ.— *Ист. Гос. Росс. IV*, 113.—*Перев.*

(84) Лешекъ *Бѣлый* называется Лешкомъ V, а Лешекъ *Черный* VI, потому что, не считая Леховъ, Премиславъ или Лешекъ IV обыкновенно считается первымъ, а изъ наслѣдниковъ его Лешекъ II или V не входитъ въ число Князей, какъ незаконно избранный; и такъ Лешекъ VI Бѣльскаго есть II, а VII есть III; VIII же, сынъ Земовита, есть IV. Можетъ быть, и ни одного изъ сихъ Князей, кромѣ Леха VIII, не бывало. Нѣчто подобное находится въ Шведской Исторіи, гдѣ, по числу Князей или баснословныхъ Королей, насчитано до XIII Карловъ, хотя ихъ столько и не было: ибо шесть изъ нихъ, царствовавшихъ еще будто бы до Рождества Христова, подвержены такому же сомнѣнію какъ и Польскіе Лешки: одинъ только Карлъ, сынъ Тверхера VII (1162 — 1168), былъ дѣйствительно Королемъ Шведскимъ, и потому *Карлъ XII*, опустошившій Польшу, долженъ бы называться не XII но VI. Но теперь уже и Карла XII и Лешка V мы привыкли называть XII и V, и никто не понялъ бы насъ въ разговорахъ, еслибы мы перваго изъ нихъ назвали VI: не всякъ бы догадался о комъ идетъ рѣчь. *Usus est tyrannus.*

(85) Левъ Даніиловичь княжилъ въ Галичѣ.—*Перев.*

(86) *Brevi tempore mirum in modum non veteres solum, sed et novas in crudaque radice locatas villas fecerunt habitabiles.* Не должно забывать что Польскіе села нѣсколько десятковъ разъ были возобновляемы и разрушаемы!!!

(87) Свободное избраніе, имѣвъ повсюду одинакія послѣдствія, принесло вредъ слѣдующимъ Государствамъ: 1) *Имперіи Римско-Нѣмецкой*, въ которой упало могущество Дома Гогенштауфенъ, лишившагося Швабіи и Королевства Неаполитанскаго. 2) *Богеміи*, которая отъ междоусобій дважды переходила въ чужое владычество. 3) *Венгріи*, коей двѣ части подпали Турецкому владычеству на 160 лѣтъ. 4) *Королевству Іерусалимскому*, котораго титулъ оспариваютъ пять Королей. 5) *Латинской Имперіи* въ Цареградѣ. 6) *Россіи*, подпавшей Татарскому игу на 240 лѣтъ. 7) *Швеціи*, содѣлавшейся достояніемъ Даніи, и пр.

(88) Вражда и ссоры между частными людьми назывались *pochwałki i odpowiedzi*. — *Stat. Lith.* I. 26. XI. 40.—Они не хотѣли отыскивать правосудія законнымъ порядкомъ; но сами мстили врагамъ своимъ. Впрочемъ и въ таковомъ грубомъ самоуправствѣ враждующіе слѣдовали общепринятому обыкновенію, не позволяя себѣ ни подъ какимъ предлогомъ нарушенія онаго. Такъ на пр: Когда обиженный объявлялъ врагу своему, что

онъ будетъ мстить ему *мечемъ*, то онъ и долженъ былъ исполнить таковое объявленіе, не смѣя уже *поджигать* селъ своего противника; если же онъ погрозилъ мстить *огнемъ и мечемъ*, то онъ былъ въ правѣ не только убивать и врага своего и его подданныхъ, но также жечь, разрушать и грабить села и помѣстья.—Обыкновеніе сіе было общее всей Европѣ. Во Франціи духовенство прилагало всѣ усилія къ искорененію сего зла, прекращая вражду на время поста и святаго праздника. Это называлось *Божескимъ перемиріемъ* (treuga Dei).

(89) Богемскій Король *Іоаннъ* лишился жизни при Крესси во Франціи 27 Сент. 1346 г., помогая Французскому Королю Филиппу противъ Англичанъ. Свѣдавъ о пораженіи своего союзника, онъ, по причинѣ крайней слабости зрѣнія, велѣлъ привязать коня своего между двумя всадниками, и потомъ бросясь на непріятелей палъ подъ ихъ ударами.

(90) См. *Pam. Lwowski* 1816, Styczeń, p. 1 — 24; Luty, p. 98 — 120: описаніе города Львова соч. Иваномъ Альнпехомъ, Совѣтникомъ Львовскимъ, жившимъ при Сигизмундѣ III. Левъ Даніиловичъ построилъ *Львовъ* около 1270 г., основалъ два деревянныхъ замка и поселилъ въ ономъ Армянъ въ 1280 г. — Въ 1340 или 1341 г. Казиміръ Ве-

ликій взялъ Львовъ. *Магдебурескія правá* дарованы оному въ 1356 г. — Въ Львовѣ были Магистраты Армянскій и Польскій или Нѣмецкій, основанный на правѣ Магдебургскомъ, которое принято было тогда и на Украинѣ, въ Нѣжинѣ, Черниговѣ и пр. Въ послѣдствіи Императоръ Іосифъ II соединилъ сіи два Магистрата. Когда еще не существовало Уніи, Воеводства Русское, Подольское и пр. избирали Владыку или Епископа, утверждаемаго Королемъ. Въ 1700 году Іосифъ Шумлянскій принялъ Унію.—При Казимірѣ Великомъ, Нѣмецкіе поселенцы назвали Львовъ *Лембергомъ*.

(91) См. разсужденіе Бандтке о *Hansie Wielkiey Niemieckiey* w Rocznikach Tow. Nauk Krak. T. I. p. 91.—Дворянство въ Италіи и Германіи во многихъ городахъ занималось оптовымъ торгомъ.

(92) См. привиллегію, коею дано городу Кракову право Магдебургское. Miscell. Crac. Fasc. II. p. 60. *De instaurata post Tataricam vastationem Cracovia a 1257 e privilegio Boleslai Pudici.*

(93) Съ 1372 г. по привиллегіи Королевы Елисаветы.

(94) Въ 1320 г. Владимірскій Князь Андрей далъ особенную привиллегію жителямъ Кракова.

(95) O Stanie Akademii Krakowskiey r. 1810. p. 99.

(96) Сія рукопись подарена Сенатомъ Академической Библіотекѣ.

(97) *Лудовикъ*, Король Венгерскій и Польскій, происходилъ отъ перваго Анжуйскаго дома отъ крови Капетовъ или Королей Французскихъ. Прапрадѣдомъ его былъ Анжуйскій Графъ *Карлъ*, сынъ Французскаго Короля *Лудовика VIII*, бывшій съ 1266 г. Королемъ обѣихъ Сицилій, а по потерѣ острова Сициліи въ 1282 г. оставшійся при одномъ Неаполитанскомъ Королевствѣ. Прадѣдъ былъ Неаполитанскій Король *Карлъ II*. Дѣдъ Король Венгерскій *Карлъ Мартелъ*, а отецъ Венгерскій же Король *Карлъ Робертъ*.

(98) До самой глубокой старости Королева любила жизнь веселую и владычество надъ другими. Не смотря однакожъ на сіе, она имѣла и многія добродѣтели. Острый умъ, искренняя набожность, заботливость о воспитаніи дѣтей не только собственныхъ, но и внучатъ и другихъ Княженъ и молодыхъ дѣвицъ, находившихся при дворѣ Венгерскомъ, согласіе съ семействомъ своего сына и благодѣтельность, были отличительнымъ ея качествомъ до такой степени, что даже и не хотѣли вѣрить ея по-

рокамъ, забывая сколь часто въ одномъ и томъ же человѣкѣ бываетъ соединено зло съ добромъ.

(99) Издревле былъ въ Венгріи обычай называть Королями Королевъ, вѣнчанныхъ короною Св. Стефана. Въ 1740 г. Вельможи, вступясь за оскорбленіе *Маріи Терезіи*, единогласно на Презбургскомъ Сеймѣ воскликнули: *moriamur pro rege nostro Maria Theresia!*

(100) *Владиславъ II* коронованъ новою короною: ибо старыя Королева Елисавета увезла въ Венгрію, и онѣ оставались тамъ до царствованія Сигизмунда.

(101) Стриковскій, основываясь на свидѣтельствѣ Русскихъ лѣтописей, пишетъ: *изъ ручницы*; то же самое говоритъ и Кояловичъ, стр. 279. Мѣховита же утверждаетъ, что Гедиминъ пораженъ былъ въ спину *огненною стрѣлою* (ignea sagitta). *Ручницъ* тогда еще не было, а были только *пушки*.

КОНЕЦЪ I-го ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Страни.

Предварительныя извѣстія:

Отрывки достовѣрной Исторіи.

ИСТОРІЯ ДОСТОВѢРНАЯ.

Періодъ первый.

Пясты.

Отъ принятія Христіанской вѣры до кончины Казиміра Великаго (965—1370).

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Стран.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Правленіе Наслѣдственныхъ Государей дома Пястовъ, и раздѣленіе Государства на Удѣлы. (1140 — 1289).

Линія Силезская.

Старшая Мазовецкая линія.

Линія Великопольская.

Линія Малопольская, прерываемая иногда линіею Великопольскою.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Отъ кончины Лешка Чернаго до кончины Владислава Локтика. (1289—1333).

Стран.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Правленіе Казиміра III Великаго. Цвѣшущее состояніе Польши, по соединеніи Удѣльныхъ Княжесшвъ Пясшовъ въ одну *Рѣчь Посполитую* (Республику).

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

Крашкое царсшвованіе перваго дома Анжуйскаго ошъ крови Капешовъ, до коронованія Ягеллы (1370—1386).